

ISSN (PRINT) 2699-9382
ISSN (ONLINE) 2699-9005

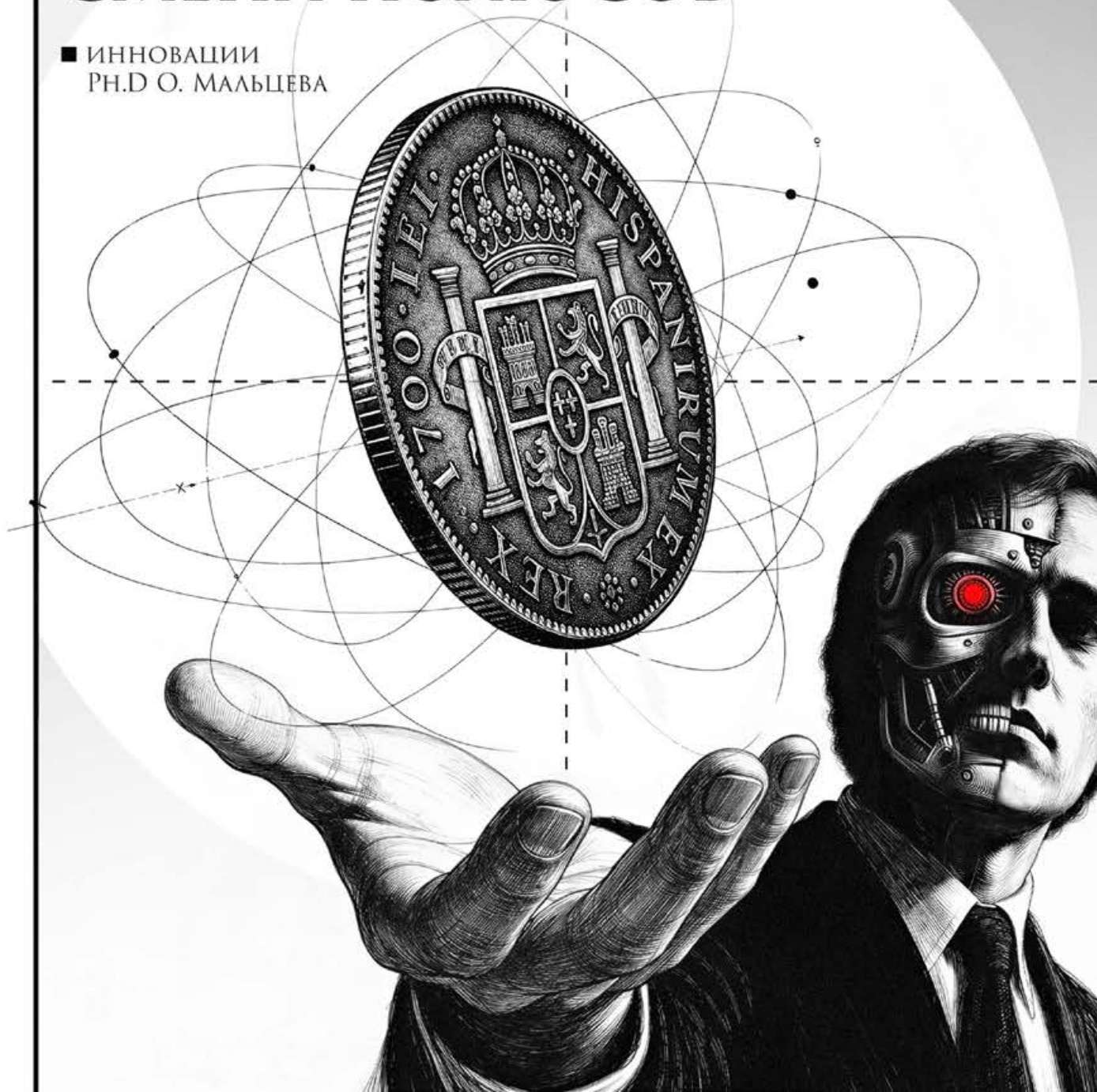
ВЕСТНИК

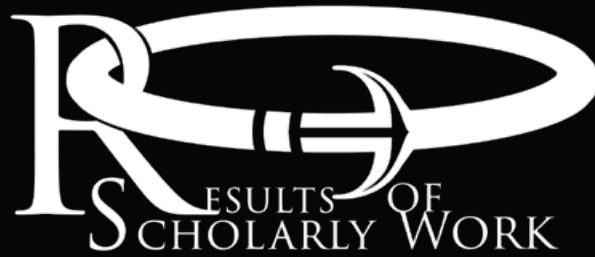
РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ УЧЁНЫХ

В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ, КРИМИНОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

СПЕЦВЫПУСК СМЕНА ПОЛЮСОВ

■ ИННОВАЦИИ
Ph.D О. МАЛЬЦЕВА

СМЕНА ПОЛЮСОВ

СПЕЦВЫПУСК

VOLUME 7, ISSUE 1

SCIENTIFIC JOURNAL "NEWSLETTER ON THE
RESULTS OF SCHOLARLY WORK
IN SOCIOLOGY, CRIMINOLOGY, PHILOSOPHY AND POLITICAL SCIENCE"

SCI-RESULT.DE

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Dr. Харви Вульф Кушнер (США)

Университет Лонг-Айленда, Бруквилл, штат Нью-Йорк

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Dr. Эйлин Баркер (Великобритания)

Лондонская школа экономики (LSE)

Dr. Донал Карбо (США)

Массачусетский университет в Амхерсте

Dr. Олег Данилян (Украина)

Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого

Dr. Джеймс Финкенауэр (США)

Университет Ратгерса

Dr. Адам Глаз (Польша)

Университет Марии Кюри-Склодовской

Dr. Лия Гринфельд (США)

Бостонский университет

Dr. Эндрю Хоскинс (Великобритания)

Университет Глазго

Dr. Патрик Хаттон (США)

Университет Вермонта

Dr. Максимилиано Э. Корстанье (Аргентина)

Университет Палермо

Dr. Артур Крокер (Канада)

Университет Виктории

Dr. Виталий Лунёв (Украина)

Национальный медицинский университет имени Богомольца

Dr. Олег Мальцев (Украина)

Европейская академия наук Украины

Dr. Наталья Метеленко (Украина)

Запорожский национальный университет

Dr. Антонио Никасо (Канада)

Университет Куинс

Dr. Кент А. Оно (США)

Университет Юты

Dr. Александр Полищук (Украина)

Хмельницкая гуманитарно-педагогическая академия

Dr. Александр Сагайдак (Украина)

Европейская академия наук Украины

Dr. Йолита Ввейнхардт (Литва)

Университет Витаутаса Великого

Мы глубоко благодарны всем, кто участвовал в создании этого выпуска: членам редакционной коллегии, рецензентам, дизайнерам верстки, концептуальным участникам и, конечно, авторам.

Благодаря вашей преданности делу эта публикация стала возможной.

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Член президиума и академик Европейской академии наук Украины (ЕАНУ). Руководитель Института Памяти. Учёный, криминолог, психолог, фотограф и журналист.

с. 8

АРХИВ ОСТАНОВЛЕННЫХ ПРОЦЕССОВ: ПОЧЕМУ АРХИТЕКТУРА ПРОШЛОГО МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ПАМЯТЬЮ О ДРУГОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ ЛОГИКЕ

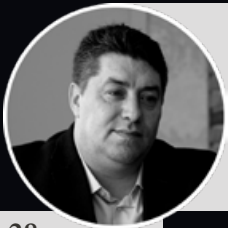

АННА КАЛЮЖНАЯ

Главный редактор журнала «Культура и религия»

с. 20

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМИ КОДАМИ: НОВАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ МОДЕЛЬ XXI ВЕКА

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Член президиума и академик Европейской академии наук Украины (ЕАНУ). Руководитель Института Памяти. Учёный, криминолог, психолог, фотограф и журналист.

с. 28

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК МАШИНА ПАМЯТИ

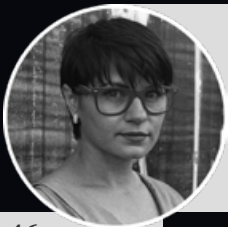

МАРИНА БЕРБЕР

Член научного Психолого-философского общества
Научный сотрудник Института Памяти

с. 38

ОГНИ НАД КАЛАБРИЕЙ: КАК УСТРОЕНЫ СКРЫТЫЕ КОНСТРУКЦИИ ВЛАСТИ

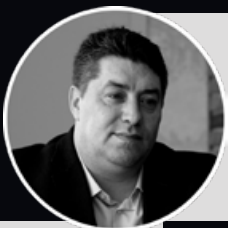

ДАРИНА КАРУНА

Научный сотрудник Института Памяти

с. 46

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КЛИНЧА: СТРУКТУРА ПАУЗЫ ВНУТРИ НЕПРЕРЫВНОСТИ И ЕЁ ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Член президиума и академик Европейской академии наук Украины (ЕАНУ). Руководитель Института Памяти. Учёный, криминолог, психолог, фотограф и журналист.

с. 52

МАШИНА КАК ЦИКЛ: ПОЧЕМУ СОВРЕМЕННАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ВСЁ ЧАЩЕ ТЕРЯЕТ СПОСОБНОСТЬ СОЗДАВАТЬ УСТОЙЧИВЫЕ СИСТЕМЫ

ИРИНА ЛОПАТЮК

Член-Корреспондент Украинской академии наук и Европейской академии наук Украины. Судьбоаналитик, консультант по прикладному анализу решений и формированию бизнес-систем

**ПОСЛЕ ПСИХОЛОГИИ: К НАУКЕ О НАВИГАЦИИ ЧЕЛОВЕКА
ВО ВРЕМЕНИ, СРЕДЕ И НЕОБРАТИМОСТИ**

с. 62

ЕКАТЕРИНА СИДОРОВА

Журналист Литературно-научного Вестника им. Грушевского, секретарь Одесского научного фотографического общества

**ОПЕРАТИВНЫЙ АГЕНТ: КАК ЧЕЛОВЕК ПЕРЕКЛЮЧАЕТСЯ В УСЛОВИЯХ
ОПАСНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ**

с. 74

МАРИНА ИЛЬЮША

Руководитель Института «Международное судьбоаналитическое сообщество». Секретарь Европейской академии наук Украины

АЛХИМИЯ И ХИМИЯ ПСИХИКИ В СВЕТЕ ТЕСТА СОНДИ

с. 82

МАЙЯ ШНЕДОВИЧ

Научный сотрудник Института Памяти

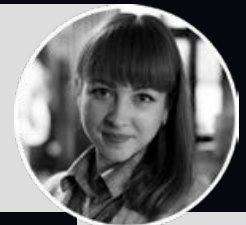

**ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЦИФРОВАЯ ТЕНЬ: НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ**

с. 88

АННА ФИЛИППОВА

Научный сотрудник криминологического центра

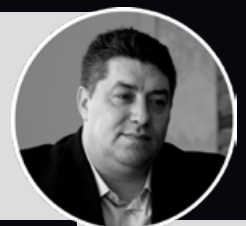

**КАК СОЗДАЮТСЯ РАБОТАЮЩИЕ МЕТОДОЛОГИИ:
СЛУЧАЙ ПОЛКОВНИКА БИДДЛА**

с. 98

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Член президиума и академик Европейской академии наук Украины (ЕАНУ). Руководитель Института Памяти. Учёный, криминолог, психолог, фотограф и журналист.

**ЧЕТВЕРТАЯ МАШИННАЯ ОНТОЛОГИЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
ИНЖЕНЕРИИ КАК НАУКИ XXI ВЕКА**

с. 108

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

- EMAIL: drmaltsev.oleg@gmail.com
- ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8589-6541>

Член президиума и академик Европейской академии наук Украины. Руководитель НИИ “Институт Памяти”. Учёный, криминолог, психолог, фотограф и журналист-расследователь. Автор новаторских научных трудов в области криминологии, психологии и философии.

АННОТАЦИЯ

Современный человек привык смотреть на архитектуру как на набор объектов. Мы видим храм, крепость, колонну, городскую площадь — и почти автоматически воспринимаем их как результат строительства, то есть последовательной сборки материалов, операций и технических решений. Однако некоторые формы прошлого вызывают странное ощущение: они выглядят не построенными, а словно оставшимися после работы какого-то длительного процесса. Они производят впечатление не конструкции, а следа.

Настоящая статья предлагает рассматривать архитектуру не как символ или культурный артефакт, а как стабилизированную память процесса. Опираясь на криминалистическую логику следа, когнитивную науку, философию процесса и исследования сложных систем, автор показывает, что современная цивилизация постепенно утрачивает способность мыслить длительными циклами и потому всё хуже понимает формы прошлого. В этом контексте архитектура начинает восприниматься как архив остановленных процессов — своеобразная память о другой инженерной логике, в которой первичными были не объекты, а среда, ритм и непрерывное формообразование.

ВВЕДЕНИЕ

Архитектура как проблема восприятия

Современный человек почти автоматически воспринимает архитектуру как совокупность объектов. Здание, храм, улица, городская площадь или монумент рассматриваются прежде всего как результат строительства, то есть последовательной технической сборки материалов, операций и инженерных решений. Подобный подход настолько привычен, что кажется естественным. Однако именно здесь возникает фундаментальное ограничение современного восприятия.

Некоторые архитектурные формы прошлого производят необычное впечатление. Они выглядят не столько построенными, сколько возникшими в результате длительного воздействия. Их геометрия, интеграция в ландшафт, устойчивость и пространственная непрерывность создают ощущение, что перед нами не набор отдельных операций, а след единого процесса формообразования.

Подобное восприятие обычно вытесняется двумя крайностями. С одной стороны, традиционная гуманитарная наука стремится объяснить архитектуру исключительно через символизм, религию, политику или культуру. С другой сторо-

ны, массовая псевдоисторическая литература пытается превращать подобные формы в доказательство «утраченных сверхтехнологий» или мистических цивилизаций. Обе позиции имеют общий недостаток: они почти не рассматривают архитектуру как след процесса.

Настоящая статья предлагает иной подход. Архитектура рассматривается здесь как стабилизированная память действия — как материальный архив процессов, логика которых частично утрачена современной цивилизацией. Основной задачей становится не поиск сенсаций, а попытка понять, каким образом форма может сохранять информацию о длительном цикле взаимодействия среды, материала и инженерного мышления.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ОПТИКА ФОРМЫ

След как источник информации

В криминалистике объект никогда не анализируется изолированно. Любой след рассматривается как результат воздействия. Царапина, деформация, трещина или изменение структуры материала интерпретируются не как самостоятельные феномены, а как остатки определённого процесса.

Принцип здесь чрезвычайно прост: если существует след, значит существовало действие, которое его сформировало.

Перенос этой логики в область архитектуры приводит к важному методологическому смещению. Архитектурная форма начинает рассматриваться не только как культурный или художественный объект, но и как вещественное доказательство определённого производственного процесса.

В таком случае внимание исследователя смещается с символического значе-

ния формы на её структурные признаки. **Особый интерес начинают представлять:**

- повторяемость геометрии;
- согласованность осей;
- интеграция объекта в рельеф;
- непрерывность поверхностей;
- отсутствие следов последовательной сборки;
- устойчивость формы во времени.

Подобные характеристики могут интерпретироваться как признаки длительного и целостного формообразующего процесса.

Важно подчеркнуть, что речь не идёт о мистификации прошлого. Напротив, криминалистическая оптика позволяет уйти от спекулятивных интерпретаций. Форма рассматривается не как загадка, а как носитель информации о механике своего возникновения.

АРХИТЕКТУРА КАК СТАБИЛИЗИРОВАННЫЙ ПРОЦЕСС

Современная инженерная логика воспринимает объект как результат последовательной операции. Здание строится, конструкция собирается, материал обрабатывается, элементы соединяются. Подобный подход глубоко связан с индустриальным способом мышления, где производство понимается как линейная цепочка действий.

Однако ряд архитектурных объектов прошлого вызывает ощущение иной логики.

Некоторые формы производят впечатление не собранных, а выведенных из среды. Особенно это характерно для монолитных комплексов, скальных структур и архитектуры, тесно интегрированной в ландшафт. В подобных случаях объект выглядит не как сумма частей, а как единая стабилизированная форма.

Это позволяет рассматривать архитектуру как своеобразный негатив процесса. Подобно тому как русло реки хранит память о движении воды, архитектурная форма может хранить информацию о длительном воздействии, которое организовывало материал и пространство.

Такой подход особенно важен потому, что он меняет саму единицу анализа. В центре исследования оказывается уже не объект как таковой, а процесс формирования, оставивший после себя устойчивый след.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЪЕКТ КАК ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

ЕСЛИ ЭТО СЛЕД – ЗНАЧИТ, БЫЛ ПРОЦЕСС

1. ПРИНЦИП СЛЕДА

Любой архитектурный объект – это зафиксированный след процесса взаимодействия субстанции, инструмента и среды. След не возникает сам по себе.

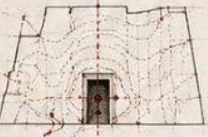

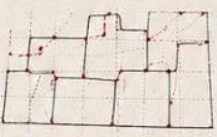

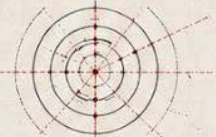

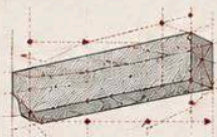

СЛЕД
=
ПРОЦЕСС
=
ИНФОРМАЦИЯ

2. ЧТО ИЩЕМ В АРХИТЕКТУРЕ

 ГЕОМЕТРИЯ (оси, радиусы, пропорции)	 ПОВТОРЯЕМОСТЬ (модульность без сборки)	 ОТСУТВИЕ СЛЕДОВ СБОРКИ (швы, крепления, стыки)	 ИНТЕГРАЦИЯ В СРЕДУ (рельеф, геология, ориентация)	 УЛЬТРАДОЛГОВЕЧНОСТЬ (устойчивость без обслуживания)
---	--	---	---	---

3. ПРИМЕРЫ АРХИТЕКТУРНЫХ СЛЕДОВ

АБУ-СИМБЕЛ, ЕГИПЕТ Скальный объём сформирован единой операцией. Нет следов сборки.	САКСАЙУАМАН, ПЕРУ Блоки подогнаны с высочайшей точностью. Нет раствора. След высокоточного формирования.	КАРНАК, ЕГИПЕТ Идеальная повторяемость осей, ритмов и расстояний на огромных площадях.	БААЛЬБЕК, ЛИВАН Масштаб и обработка блоков указывает на использование процессов, а не ручных операций.	СКАЛЬНЫЕ ХРАМЫ, ИНДИЯ Интерьер «выведен» из массива. Нет следов инструмента ударного действия.
--	--	--	--	--

4. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Метод анализа архитектурных объектов как вещественных доказательств.

- 1 Фиксация следов (геометрия, поверхности, материалы)
- 2 Реконструкция процесса (что, как, в какой последовательности)
- 3 Определение инструментария или среды воздействия
- 4 Вывод о типе производственного мышления

5. ЧТО ДАЁТ АНАЛИЗ СЛЕДА

- Понимание технологии, а не только искусства
- Восстановление логики утраченного процесса
- Выход за пределы современного инженерного мышления
- Новые принципы проектирования среды и объектов

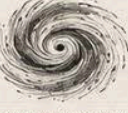
6. СЛЕД – ЭТО ЗАСТЫВШИЙ ПРОЦЕСС

1. СУБСТАНЦИЯ

Исходный материал и среда

2. ВОЗДЕЙСТВИЕ

Процесс формирования (энергия, инструмент или среда)

3. ФОРМООБРАЗОВАНИЕ

Возникновение формы в процессе

4. ИНТЕГРАЦИЯ

Встраивание объекта в среду и систему

5. ФИКСАЦИЯ

Остановка процесса. След остаётся.

6. АРХИВ

След хранит информацию о процессе.

АРХИТЕКТУРА – ЭТО АРХИВ ОСТАНОВЛЕННЫХ ПРОЦЕССОВ.
НАША ЗАДАЧА – НАУЧИТЬСЯ ЧИТАТЬ ЭТОТ АРХИВ.

НЕ ОБЪЕКТ
НЕ СИМВОЛ
НЕ ЛЕГЕНДА

→

СЛЕД
ПРОЦЕССА

МАШИННОЕ И УСТРОЙСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Конфликт инженерных логик

Современная цивилизация преимущественно ориентирована на создание

устройств. Устройство решает локальную задачу, выполняет отдельную функцию и требует постоянного контроля и обслуживания. Эта логика чрезвычайно эффективна в условиях высокой скорости и массового производства.

АРХИТЕКТУРА КАК СЛЕД ПРОЦЕССА

ЕСЛИ ЭТО СЛЕД – ЗНАЧИТ, БЫЛ ПРОЦЕСС

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ОПТИКА В АРХИТЕКТУРЕ

Любой архитектурный объект – это фиксация действия. Форма хранит информацию о процессе, который её создал.

ЛОГИКА СЛЕДА

ДЕЙСТВИЕ (ПРОЦЕСС) → СЛЕД (ФОРМА) → ФИКСАЦИЯ (МАТЕРИАЛ) → АРХИТЕКТУРА (РЕЗУЛЬТАТ) → АРХИВ (ПАМЯТЬ)

ПРИМЕРЫ АРХИТЕКТУРНЫХ СЛЕДОВ ПРОЦЕССОВ

<p>СКАЛЬНЫЕ ХРАМЫ АБУ-СИМБЕЛ, ЕГИПЕТ</p> <p>Поверхности выглядят не «собранными», а выведенными из массива. Нет следов сборки, только след обработки.</p>	<p>МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ САКСАЙУАМАН, ПЕРУ</p> <p>Блоки подогнаны с высокой точностью, но не имеют следов механической обработки стыков инструментом.</p>	<p>ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕМЫ ХРАМЫ КАРНАКА, ЕГИПЕТ</p> <p>Идеальная повторяемость осей, диаметров, ритмов. Свидетельство работы по единому циклу.</p>	<p>КРУПНЫЕ МОНОЛИТЫ БААЛЬБЕК, ЛИВАН</p> <p>Масштаб и следы обработки указывают на использование процессов, а не ручных операций.</p>
---	--	--	--

КАК ЧИТАТЬ СЛЕД АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЦЕССА

ЧТО МЫ ВИДИМ	СЛЕД НЕ ВРЁТ. ФОРМА ХРАНИТ ПАМЯТЬ О ДЕЙСТВИИ.	ЧТО ЭТО ОЗНАЧАЕТ
<p>Повторяемость геометрии и осей Необходима для работы единого механизма.</p>	<p>СЛЕД НЕ ВРЁТ. ФОРМА ХРАНИТ ПАМЯТЬ О ДЕЙСТВИИ.</p>	<p>Работала единая система управления процессом, а не набор людей.</p>
<p>Идеальные радиусы и окружности Трудно объяснить ручной технологией.</p>		<p>Использовались циклические методы формообразования (вращение, сканирование, постепенное выведение).</p>
<p>Интеграция в рельеф и материал Объект встроен в среду, а не просто установлен.</p>		<p>Процесс учитывал среду как часть машины. Объект не нарушал её, а продолжал.</p>
<p>Отсутствие следов сборки и монтажных швов Нет примыканий, нет стыков, нет технологических компенсаций.</p>		<p>Форма возникла как результат непрерывного воздействия, а не сборки из частей.</p>
<p>Сложные внутренние структуры и объёмы Трудно объяснить последовательной разработкой вручную.</p>		<p>В архитектуре зафиксирован след сложного технологического цикла, который мы утратили.</p>

АРХИТЕКТУРА – ЭТО ОСТАНОВЛЕННЫЙ ПРОЦЕСС

Процесс шёл. Форма застыла. Мы видим только его след.

ЕСЛИ АРХИТЕКТУРА – СЛЕД, ТО НАША ЗАДАЧА – НЕ УГАДЫВАТЬ, А ВОССТАНАВЛИВАТЬ ПРОЦЕСС.

Машинное мышление работает не с объектами, а с потоками материи, энергии и информации. Так создаются формы, которые переживают цивилизации.

Однако существует и другой тип инженерного мышления, который условно можно назвать машинным.

В данном контексте машина понимается не как сложное устройство, а как непрерывный цикл преобразования среды. Такая система работает не с отдельной операцией, а с длительным процессом. Её устойчивость обеспечивается не постоянным вмешательством оператора, а внутренней согласованностью цикла.

Именно здесь возникает фундаментальный контраст между многими современными системами и рядом архитектурных форм прошлого. Современные инфраструктуры требуют непрерывного энергетического и организационного сопровождения. При прекращении обслуживания они начинают быстро разрушаться. Между тем некоторые древние формы производят впечатление структур, рассчитанных на длительное существование внутри среды.

Это различие может быть связано не столько с уровнем технологий, сколько с различием инженерных парадигм.

МАСШТАБ, ВРЕМЯ И УСТОЙЧИВОСТЬ

Цивилизация ускорения

Исследования сложных систем, особенно работы Scale, показывают, что рост цивилизаций сопровождается ускорением обмена, увеличением плотности взаимодействий и усложнением инфраструктурных процессов. Современный мегаполис функционирует как система непрерывного перераспределения потоков энергии, информации и ресурсов.

Однако вместе с ростом эффективности возрастает зависимость системы от скорости. Современные структуры становятся всё более чувствительными к остановке процессов обслуживания,

управления и энергетической поддержки.

На этом фоне возникает важный цивилизационный парадокс. Современность научилась создавать огромное количество активности, но всё хуже удерживает длительность. Производительность растёт быстрее устойчивости.

Возможно, именно поэтому архитектурные формы прошлого производят ощущение иной темпоральности. Они принадлежат не логике ускорения, а логике длительного цикла. Их устойчивость оказывается связанной не с постоянным обновлением, а с глубокой интеграцией в среду.

КОГНИТИВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ

Когнитивная наука показывает, что человеческое мышление склонно сокращать сложность среды через эвристики и упрощённые модели восприятия. Исследования Канемана, Тверски, Саймона и Гигеренцера демонстрируют, что психика предпочитает локальные и быстрые решения, позволяющие экономить ресурсы внимания.

Цифровая среда усиливает эту тенденцию. Высокая плотность стимулов, ускорение информационного обмена и постоянная фрагментация внимания постепенно снижают способность удерживать длительные процессы и сложные циклы.

Это приводит к важному эффекту: современный человек всё хуже воспринимает процессуальность как таковую. Реальность начинает распадаться на набор отдельных объектов, функций и операций.

В подобных условиях архитектура прошлого автоматически интерпретируется через язык устройства и сборки, даже если сама форма указывает на иную производственную логику.

АРХИТЕКТУРА КАК ПАМЯТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ЦИКЛА

Одним из наиболее важных следствий предложенного подхода становится изменение представления о культурной памяти.

Когда процесс исчезает, форма продолжает существовать. Именно в этот момент архитектура превращается в архив. Она сохраняет не саму технологию, а след логики, которая когда-то организовывала пространство, материал и человеческое поведение.

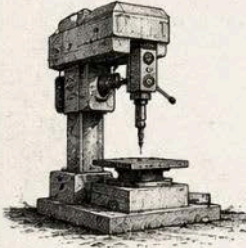
МАШИНА ≠ УСТРОЙСТВО

ДВА СПОСОБА МЫШЛЕНИЯ. ДВА ТИПА РЕЗУЛЬТАТА.

УСТРОЙСТВО

МЫШЛЕНИЕ ОБЪЕКТАМИ

Устройство выполняет конкретную операцию. Оно существует отдельно от среды и решает локальную задачу.

- отдельный элемент
- конкретная функция
- локальное действие
- зависимость от оператора
- краткосрочный результат

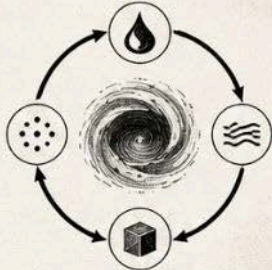
НЕ

≠

МАШИНА

МЫШЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ

Машина формирует процесс. Она работает со средой как с единым целым и создаёт устойчивый результат.

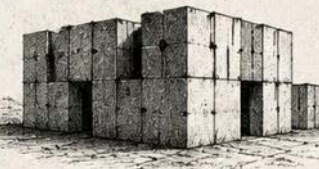

- часть системы
- циклический процесс
- непрерывное действие
- автономность среды
- долговечный результат

РЕЗУЛЬТАТ

ОБЪЕКТ

создан вручную из отдельных частей

- следы сборки
- швы и стыки
- корректировки
- ограниченный срок
- зависимость от обслуживания

СЛЕД ПРОЦЕССА

проявлен средой и стабилизирован

- целостность формы
- отсутствие швов
- устойчивость
- долговечность
- интеграция в среду

ПРИНЦИП РАБОТЫ

ЛИНЕЙНО. ОТ ДЕЙСТВИЯ К РЕЗУЛЬТАТУ.
Человек управляет устройством.

ЦИКЛИЧНО. ПРОЦЕСС СОЗДАЁТ РЕЗУЛЬТАТ.
Среда и процесс работают как единое целое.

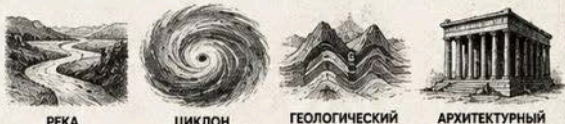
ПРИМЕРЫ УСТРОЙСТВ

МОЛОТОК ДРЕЛЬ КРАН КОМПЬЮТЕР

ВСЕ ЭТО – УСТРОЙСТВА. ОНИ ВЫПОЛНЯЮТ ФУНКЦИИ.

ПРИМЕРЫ МАШИН (ПРОЦЕССОВ)

РЕКА ЦИКЛОН ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦИКЛ АРХИТЕКТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

ЭТО – МАШИНЫ. ОНИ ФОРМИРУЮТ СРЕДУ И СОЗДАЮТ СЛЕД.

**БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НЕ ТЕМ, КТО СОЗДАЁТ УСТРОЙСТВА,
А ТЕМ, КТО ПОНИМАЕТ И УПРАВЛЯЕТ ПРОЦЕССАМИ.**

Подобный эффект можно наблюдать не только в архитектуре. Многие культурные институты современности сохраняют форму процессов, которые частично утратили первоначальную среду существования. Университет, архив, театр, ритуал или городской центр могут рассматриваться как стабилизированные остатки длительных цивилизационных циклов.

В этом смысле архитектура представляет особую ценность не потому, что хранит «тайны прошлого», а потому, что позволяет фиксировать следы исчезнувших режимов мышления.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОДХОДА

Предложенная оптика может иметь значение далеко за пределами архитектурной истории.

Если рассматривать среду как результат длительных процессов, а форму как память воздействия, то возникает возможность нового междисциплинарного подхода, соединяющего:

- архитектуру;
- урбанистику;
- когнитивную науку;
- криминалистику;
- философию процесса;
- теорию сложных систем.

Подобная перспектива особенно важна в XXI веке, когда современная цивилизация всё чаще сталкивается с кризисом устойчивости. Ускорение, рост инфраструктурной сложности и зависимость от непрерывного обслуживания делают вопрос длительных циклов принципиально важным.

Возможно, будущая инженерия будет ориентирована не столько на создание новых объектов, сколько на проектирование устойчивых процессов и сред.

Не секрет, что современная цивилизация достигла огромной точности в

работе с отдельными элементами системы, однако именно в этот момент начала терять способность удерживать целостность среды. Мы научились совершенствовать компоненты, ускорять операции и повышать локальную эффективность, но всё чаще сталкиваемся с тем, что сама устойчивость требует непрерывного внешнего поддержания. Современное пространство существует только при постоянной подпитке: энергетической, инфраструктурной, информационной и организационной. Остановка обслуживания быстро превращает сложную систему в уязвимую конструкцию.

На этом фоне многие архитектурные формы прошлого производят противоположное впечатление. Они выглядят так, словно их логика изначально была связана не с интенсивной эксплуатацией, а с длительным существованием внутри среды. Их устойчивость воспринимается не как результат постоянного контроля, а как след глубокой согласованности формы, пространства и ритма окружающей системы.

Особенно отчётливо эта разница проявляется в устройстве современного города. Если смотреть на город не как на совокупность зданий, а как на действующую машину, становится видно, что архитектура продолжает активно формировать человеческое поведение. Пространство распределяет потоки людей, инфраструктура задаёт ритм повседневности, маршруты постепенно превращаются в привычки, а сама организация среды начинает определять сценарии движения, взаимодействия и внимания.

В этом смысле архитектура никогда не была только декоративной оболочкой цивилизации. Она всегда оставалась скрытым механизмом управления временем, поведением и восприятием человека.

ЦИКЛ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МАШИНЫ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ – ЭТО НЕ НАБОР ОБЪЕКТОВ, А НЕПРЕРЫВНЫЙ ЦИКЛ ПРОЦЕССОВ

МАШИННОЕ МЫШЛЕНИЕ МЫСЛИТ ЦИКЛАМИ, А НЕ ОБЪЕКТАМИ

Объект – это след.
Процесс – это реальность.
Цивилизация существует только пока работает цикл.

ЕСЛИ ЦИКЛ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ – ОСТАЁТСЯ АРХИТЕКТУРА, ПАМЯТЬ И ЛЕГЕНДА.

ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО

- Мы видим не объекты, а остановленные процессы.
- Архитектура – это архив цивилизационной машины.
- Понимая цикл, мы понимаем логику цивилизаций.
- Утрата любого звена цикла ведёт к деградации системы.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЖИВА ПОКА ЦИКЛ РАБОТАЕТ.
КОГДА ЦИКЛ РАЗРЫВАЕТСЯ – НАЧИНАЕТСЯ ДЕКОМПОЗИЦИЯ, РАСПАД И ЗАБВЕНИЕ.

КАК ЦИКЛ ПРОЯВЛЯЕТСЯ В РАЗНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

ЕГИПЕТ (ДОЛИНА НИЛА)	МЕСОПОТАМИЯ (МЕЖДУРЕЧЬЕ)	ИНД (ХАРАППА)	МЕЗОАМЕРИКА (МАЙЯ)	КИТАЙ (ЖЕЛТАЯ РЕКА)
<p>Река → ирригация → монумент → культ → память о фараонах.</p>	<p>Каналы → города → храмы → торговля → клинопись → память на глине.</p>	<p>Планировка → дренаж → ремесло → стандарты → память в структуре города.</p>	<p>Календарь → города → пирамиды → ритуал → память в циклах времени.</p>	<p>Ирригация → государство → инфраструктура → управление → память в иероглифах.</p>

ДВА ТИПА МЫШЛЕНИЯ – ДВА ТИПА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МАШИННОЕ (ЦИКЛИЧЕСКОЕ) МЫШЛЕНИЕ	УСТРОЙСТВЕННОЕ (ЛИНЕЙНОЕ) МЫШЛЕНИЕ
<p>СРЕДА → ПРОЦЕСС → ФОРМА → ИНТЕГРАЦИЯ → ПАМЯТЬ</p> <ul style="list-style-type: none"> ■ Работает со средой как с единым организмом ■ Создает устойчивые формы и системы ■ Думает на больших масштабах времени ■ Оставляет после себя цивилизационные следы 	<p>УСТРОЙСТВО → ФУНКЦИЯ → РЕШЕНИЕ → ВРЕМЯ → УТИЛИЗАЦИЯ</p> <ul style="list-style-type: none"> ■ Работает с объектами, а не со средой ■ Решает локальные задачи ■ Мыслит в коротких временных промежутках ■ Не оставляет долговечных цивилизационных следов

КОГДА ЦИКЛ РАЗРЫВАЕТСЯ

- ✗ Утрата среды и ресурсов
- ✗ Разрыв процессов и потоков
- ✗ Утрата знаний и технологий
- ✗ Деградация форм и инфраструктуры
- ✗ Исчезновение культурной памяти

Остаётся только след:

- руины
- легенды
- фрагменты знаний
- культовые формы
- архив остановленного процесса

АРХИТЕКТУРА – ЭТО АРХИВ ОСТАНОВЛЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МАШИНЫ

НАША ЗАДАЧА – НЕ ПРОСТО ИЗУЧАТЬ ПРОШЛОЕ, А ВОССТАНАВЛИВАТЬ УТРАЧЕННОЕ МАШИННОЕ МЫШЛЕНИЕ, ЧТОБЫ СНОВА СОЗДАВАТЬ УСТОЙЧИВЫЕ ЦИКЛЫ БУДУЩЕГО.

ГОРОД КАК МАШИНА

СРЕДА ФОРМИРУЕТ ПОВЕДЕНИЕ. АРХИТЕКТУРА УПРАВЛЯЕТ ПРОЦЕССАМИ.

Город — это не набор зданий, а целостная машина. Он принимает ресурсы, преобразует потоки, распределяет людей и информацию, стабилизирует порядок и производит результат. Архитектура в этой машине — не декорация, а рабочий механизм.

НАВИГАЦИЯ — КРОВЕНОСНАЯ СИСТЕМА ГОРОДА

<p>МАГИСТРАЛИ</p> <p>Главные артерии. Перемещают большие потоки. Определяют направления развития.</p>	<p>УЗЛЫ</p> <p>Места переключения потоков. Здесь концентрируется контроль и ресурсы.</p>	<p>КОРИДОРЫ</p> <p>Направляют движение, ограничивают выбор, создают ритм и темп.</p>	<p>БАРЬЕРЫ</p> <p>Фильтруют, разделяют, защищают или изолируют.</p>	<p>ОРИЕНТИРЫ</p> <p>Фиксируют смысловые акценты и задают систему координат.</p>	<p>ВХОДЫ / ВЫХОДЫ</p> <p>Точки принятия решений. Кто входит, кто выходит, на каких условиях.</p>	<p>ПРАВИЛО НАВИГАЦИИ</p> <p>Человек всегда выбирает не кратчайший путь, а путь с наименьшим сопротивлением среды.</p>
--	---	---	--	--	---	--

АРХИТЕКТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ

<p>МАСШТАБ</p> <p>Задаёт иерархию. Чем больше масштаб — тем сильнее психологическое воздействие.</p>	<p>СВЕТ</p> <p>Направляет внимание, создаёт настроение, управляет ритмами поведения.</p>	<p>МАТЕРИАЛ</p> <p>Несёт информацию о стабильности, долговечности, принадлежности.</p>	<p>ФОРМА</p> <p>Определяет движение, зоны активности, сценарии поведения.</p>	<p>СИММЕТРИЯ</p> <p>Создаёт ощущение порядка, предсказуемости, легитимности системы.</p>	<p>ПОВТОР</p> <p>Формирует привычки, ритуалы, снижает когнитивное сопротивление.</p>	<p>ПУСТОТА</p> <p>Площади, дворы, залы — пространства для массовых воздействий.</p>
---	---	---	--	---	---	--

КОГДА МАШИНА ЛОМАЕТСЯ

- ✗ РАЗРЫВАЮТСЯ МАРШРУТЫ
- ✗ ИСЧЕЗАЮТ УЗЛЫ
- ✗ ПАДАЕТ ДОВЕРИЕ К СРЕДЕ
- ✗ НАРУШАЕТСЯ РИТМ
- ✗ УСИЛИВАЕТСЯ ХАОС
- ✗ СРЕДА ПЕРЕСТАЕТ УПРАВЛЯТЬ И НАЧИНАЕТ РАЗРУШАТЬ

ГОРОД ЛИБО УПРАВЛЯЕТ ТОБОЙ, ЛИБО РАЗРУШАЕТ ТЕБЯ.

КАК СОЗДАТЬ УСТОЙЧИВУЮ МАШИНУ

- ☑ ПОНИМАТЬ СРЕДУ КАК ЦЕЛОЕ
- ☑ ПРОЕКТИРОВАТЬ ПОТОКИ, А НЕ ОБЪЕКТЫ
- ☑ СОЗДАВАТЬ ИЗБЫТОЧНОСТЬ СИСТЕМЫ
- ☑ ОБЕСПЕЧИВАТЬ ГИБКОСТЬ И АДАПТАЦИЮ
- ☑ ВСТРАИВАТЬ ПАМЯТЬ И СМЫСЛЫ
- ☑ ПОДДЕРЖИВАТЬ ПОРЯДОК И БЕЗОПАСНОСТЬ

МАШИННОЕ МЫШЛЕНИЕ — ЭТО СПОСОБ ВИДЕТЬ СРЕДУ КАК ПРОЦЕСС. АРХИТЕКТУРА — ЭТО ИНСТРУМЕНТ, А ГОРОД — ЭТО МАШИНА.

ГОРОД КАК МАШИНА

АРХИТЕКТУРА УПРАВЛЯЕТ ПРОЦЕССАМИ, А НЕ УКРАШАЕТ ПРОСТРАНСТВО

Город — это целостная технологическая система. Он работает как машина, преобразуя потоки людей, ресурсов, энергии и информации для достижения целей цивилизации. Архитектура в этой машине — не декорация, а инструмент управления средой и поведением.

ГОРОДСКАЯ МАШИНА: ОСНОВНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ

ДВИЖЕНИЕ
Организация потоков людей и транспорта

РЕСУРСЫ
Доставка воды, энергии, пищи, материалов

ИНФОРМАЦИЯ
Сбор, передача и обработка данных

БЕЗОПАСНОСТЬ
Защита от угроз, стабильность, контроль среды

ПОВЕДЕНИЕ
Формирование ритмов и моделей поведения

ПАМЯТЬ
Хранение знаний, традиций, идентичности

ВХОДЫ ГОРОДСКОЙ МАШИНЫ

- ЛЮДИ
- РЕСУРСЫ
- ЭНЕРГИЯ
- ИНФОРМАЦИЯ
- ВРЕМЯ

МАГИСТРАЛИ
направляют основные потоки

УЗЛЫ
перераспределяют и регулируют потоки

ОРИЕНТИРЫ
задают систему координат и смыслы

ВЫХОДЫ ГОРОДСКОЙ МАШИНЫ

- УСЛУГИ
- ПРОДУКЦИЯ
- ПОРЯДОК
- БЕЗОПАСНОСТЬ
- РАЗВИТИЕ

БАРЬЕРЫ
ограничивают доступ и защищают систему

РАЙОНЫ
специализируют функции и снижают хаос

ЦЕНТР
интегрирует и управляет всем городом

КАК АРХИТЕКТУРА УПРАВЛЯЕТ ПРОЦЕССАМИ

НАПРАВЛЯЕТ

Улицы, оси и коридоры направляют движение и распределяют потоки.

РЕГУЛИРУЕТ

Перекрёстки, узлы и площади регулируют скорость и объёмы.

РАЗДЕЛЯЕТ

Зонирование разделяет функции, снижает трение и конфликты.

ИНТЕГРИРУЕТ

Общественные пространства объединяют и создают общий контекст.

ЗАЩИЩАЕТ

Слон защиты и барьеры охраняют от внешних и внутренних угроз.

СТАБИЛИЗИРУЕТ

Архитектура задаёт ритмы, поддерживает порядок и устойчивость.

РЕЖИМЫ РАБОТЫ ГОРОДСКОЙ МАШИНЫ

МИРНОЕ ВРЕМЯ

- развитие
 - обслуживание
 - обучение
 - культура
 - торговля

ПИКОВЫЕ НАГРУЗКИ

- перераспределение
 - изменение приоритетов
 - усиление узлов
 - адаптация ресурсов

КРИЗИС

- мобилизация
 - сокращение
 - перераспределение
 - защита ключевых узлов

УГРОЗА

- блокирование
 - эвакуация
 - изоляция
 - контрмеры

ВОЙНА

- военная логистика
 - управление территориями
 - защита инфраструктуры
 - восстановление

ПРИНЦИПЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГОРОДА-МАШИНЫ

1. ЦЕЛОСТНОСТЬ

Город проектируется как единый организм, а не набор объектов.

2. ИЕРАРХИЯ

Многоуровневая структура управления и подчинения элементов.

3. ИЗБЫТОЧНОСТЬ

Резервные пути и ресурсы обеспечивают устойчивость к сбоям.

4. АДАПТИВНОСТЬ

Город способен изменять режимы работы и быстро перестраиваться.

5. ЧИТАЕМОСТЬ

Пространство должно быть понятным для навигации и принятия решений.

6. ДОЛГОВЕЧНОСТЬ

Материалы и формы выбираются для жизни на века.

ЕСЛИ НЕ УЧИТЫВАТЬ ПРИНЦИПЫ

- ✗ Хаотичные потоки
- ✗ Пробки и конфликты
- ✗ Потеря ресурсов
- ✗ Рост преступности
- ✗ Уязвимость к угрозам
- ✗ Деградация среды

ГОРОД — ЭТО НЕ ПРОСТРАНСТВО. ЭТО МАШИНА ВРЕМЕНИ.

КАК МЫ ЕГО СПРОЕКТИРУЕМ, ТАКОЕ БУДУЩЕЕ И СОЗДАЕМ.

ЕСЛИ ПРОЕКТИРОВАТЬ МАШИННО

- ✓ Эффективные потоки
- ✓ Порядок и безопасность
- ✓ Экономия ресурсов
- ✓ Высокое качество жизни
- ✓ Устойчивость к кризисам
- ✓ Развитие и процветание

АРХИТЕКТУРА — ЭТО ИНЖЕНЕРИЯ ПОВЕДЕНИЯ. ГОРОД, КАК МАШИНА, РАБОТАЕТ НА ЧЕЛОВЕКА — ИЛИ ПРОТИВ НЕГО.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Архитектура прошлого может рассматриваться не только как культурное наследие или художественный объект. Она может быть понята как стабилизированный след процессов, логика которых частично утрачена современной цивилизацией.

Криминалистическая оптика позволяет сместить внимание с символического значения формы на анализ её производственной структуры. Такой подход не требует обращения к мистике или псевдоисторическим теориям. Напротив, он предполагает максимально рациональное исследование архитектуры как материального архива действия.

Современность постепенно утрачивает способность мыслить длительными процессами и устойчивыми циклами. Именно поэтому многие формы прошлого воспринимаются как загадка. Мы пытаемся интерпретировать их через язык объектов, тогда как они могут принадлежать логике непрерывного формообразования.

Возможно, главная задача будущих исследований заключается не в поиске утраченных технологий, а в восстановлении способности видеть процесс за формой.

С точки зрения перспектив исследования, архитектура прошлого — это не память о «великих строителях» и не тайна утраченных технологий. Вероятно, перед нами архив процессов, которые когда-то сформировали среду иначе, чем это делает современная цивилизация.

Мы воспринимаем древние формы как объекты, тогда как они могут быть остатками циклов, давно остановленных, но всё ещё читаемых в камне, геометрии и ландшафте.

Если это так, то ключевая задача исследования архитектуры в ближайшем

будущем — не поиск сенсаций и не реконструкция мифических машин. Задача — научиться снова видеть процесс там, где современность привыкла видеть только объект.

Потому что именно процесс создаёт среду, а среда — цивилизацию.

ЛИТЕРАТУРА

- West, G. (2017). *Scale: The universal laws of life, growth, and death in organisms, cities, and companies*. Penguin Press.
- Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. Farrar, Straus and Giroux.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*, 185(4157), 1124–1131.
- Simon, H. A. (1982). *Models of bounded rationality*. MIT Press.
- Gigerenzer, G. (2007). *Gut feelings: The intelligence of the unconscious*. Viking.
- Whitehead, A. N. (1978). *Process and reality*. Free Press.
- Simondon, G. (2017). *On the mode of existence of technical objects*. Univocal Publishing.
- Mumford, L. (2010). *Technics and civilization*. University of Chicago Press.
- Jacobs, J. (1961). *The death and life of great American cities*. Random House.
- Foucault, M. (1972). *The archaeology of knowledge*. Pantheon Books.

This is an open access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International \(CC BY-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

Управление культурными кодами: новая междисциплинарная модель XXI века

АННА КАЛЮЖНАЯ

Главный редактор журнала “Культура и религия”

В начале 2026 года среди гуманитарных исследований, обычно растворяющихся в академическом шуме — конференциях, осторожных формулировках и бесконечных ссылок друг на друга, — появилось исследование, которое производило совсем иное впечатление. Оно не пыталось понравиться. Не стремилось встроиться в существующую школу. Не искало компромисса между дисциплинами. Текст выглядел так, будто его автор изначально исходил из простой и почти опасной предпосылки: культура подчиняется объективным механизмам управления, а значит, может быть исследована как система причинности.

Речь шла о работе академика Олега Мальцева «Исследование методик управления культурными кодами». Уже первые главы создавали странное ощущение, знакомое скорее специалистам старых инженерных институтов, чем гуманитариям. Перед читателем находилась не философская интерпретация культуры и не публицистическое эссе о ценностях. Исследование было построено как попытка описать скрытую механику культурного времени — ту область, где память, язык, внимание, ритуал и институты перестают быть отдельными гуманитарными категориями и превращаются в элементы одной системы управления.

Почти весь XX век гуманитарная наука пыталась описывать культуру через отдельные элементы:

- миф,
- традицию,
- язык,
- коллективную память,
- символ,
- идеологию.

Но проблема состояла в том, что каждая дисциплина исследовала только свой участок поверхности. Антропология наблюдала ритуалы. Лингвистика анализировала речь. Психология работала с поведением. Социология — с институтами. Однако сама архитектура взаимосвязи между этими элементами оставалась размытой.

Исследование Мальцева интересно именно тем, что впервые пытается собрать эти фрагменты в единую операционную модель. Причём модель не описательную, а прикладную. В книге культурный код определяется как механизм управления плотностью времени внутри сознания и коллективного поведения.

Именно здесь возникает принципиально новый поворот.

Если традиционная культурология рассматривала культуру как наследие

прошлого, то данное исследование рассматривает её как систему синхронизации будущего.

Культура в этой модели становится механизмом удержания ритма:

- восприятия,
- внимания,
- реакции,
- памяти,
- действия.

Иными словами, речь идёт уже не о «традициях народа», а о способности общества сохранять управляемость в условиях хаоса.

Самое примечательное в исследовании заключается в том, что оно почти сразу уходит от привычного гуманитарного языка. Уже в первой главе культура начинает описываться не как совокупность ценностей или исторических особенностей, а как форма организации времени. Эта мысль проходит через весь текст подобно скрытой несущей балке старого здания, на которой держатся остальные

конструкции.

В исследовании прямо говорится: каждая культура существует внутри собственного ритма, а культурный код является механизмом удержания плотности времени. На первый взгляд подобная формулировка кажется почти метафорической. Однако по мере чтения становится ясно, что исследование использует понятие времени не как литературный образ, а как рабочую категорию управления.

Автор связывает:

- скорость реакции общества,
- устойчивость институтов,
- дисциплину поведения,
- способность к самоорганизации,
- сохранение идентичности

с тем, насколько культура способна удерживать единый ритм памяти, внимания и действия.

И здесь возникает один из наиболее сильных моментов исследования. В отличие от многих современных гумани-

тарных концепций, построенных вокруг критики, деконструкции и бесконечного анализа дискурсов, данная работа пытается ответить на прикладной вопрос:

почему одни культурные системы выдерживают кризис, а другие начинают распадаться даже без прямого внешнего давления?

Исследование даёт собственный ответ: культура разрушается тогда, когда теряет способность управлять своим временем.

Особенно любопытно, что исследование рассматривает понятие культурной энтропии почти в физическом смысле. В тексте неоднократно повторяется мысль о том, что потеря символического порядка приводит к распаду причинности внутри коллективного поведения.

Старые ритуалы исчезают.

- Язык дробится.
- Память становится фрагментарной.
- Институты теряют авторитет.
- Поведение перестаёт быть предсказуемым.

В результате общество начинает существовать в режиме рассеянного времени.

Для современного мира это описание выглядит почти пугающе точным. Последние десятилетия показали, что информационная перегрузка вовсе не делает общество более рациональным. Напротив — скорость коммуникации часто приводит к разрушению способности удерживать длинные смысловые конструкции. Человек оказывается одновременно подключён ко всему миру и при этом теряет устойчивую внутреннюю координацию.

Исследование культурных кодов рассматривает эту проблему как следствие распада ритма.

Именно поэтому в исследовании столь значительное место занимают символы и ритуалы. В традиционной академической среде подобные темы долгое время воспринимались как второстепенные — скорее область этнографии или истории религии. Однако в данной модели символ перестаёт быть декоративным элементом культуры. Он становится инструментом синхронизации коллективного времени.

В научной работе Олега Мальцева есть почти жёсткая по своей формулировке мысль: **символ управляет временем, пока через него течёт уважение.**

Эта фраза особенно показательна. Она переводит разговор о культуре из эстетической плоскости в операционную. Символ здесь рассматривается не как изображение и не как знак идентичности, а как механизм удержания согласованного поведения.

По сути исследование подводит читателя к неприятному выводу: общество держится не только законами и экономикой. Оно держится системой коллективных ритмов, большая часть которых скрыта внутри языка, ритуалов, повторяющихся сюжетов и архетипов.

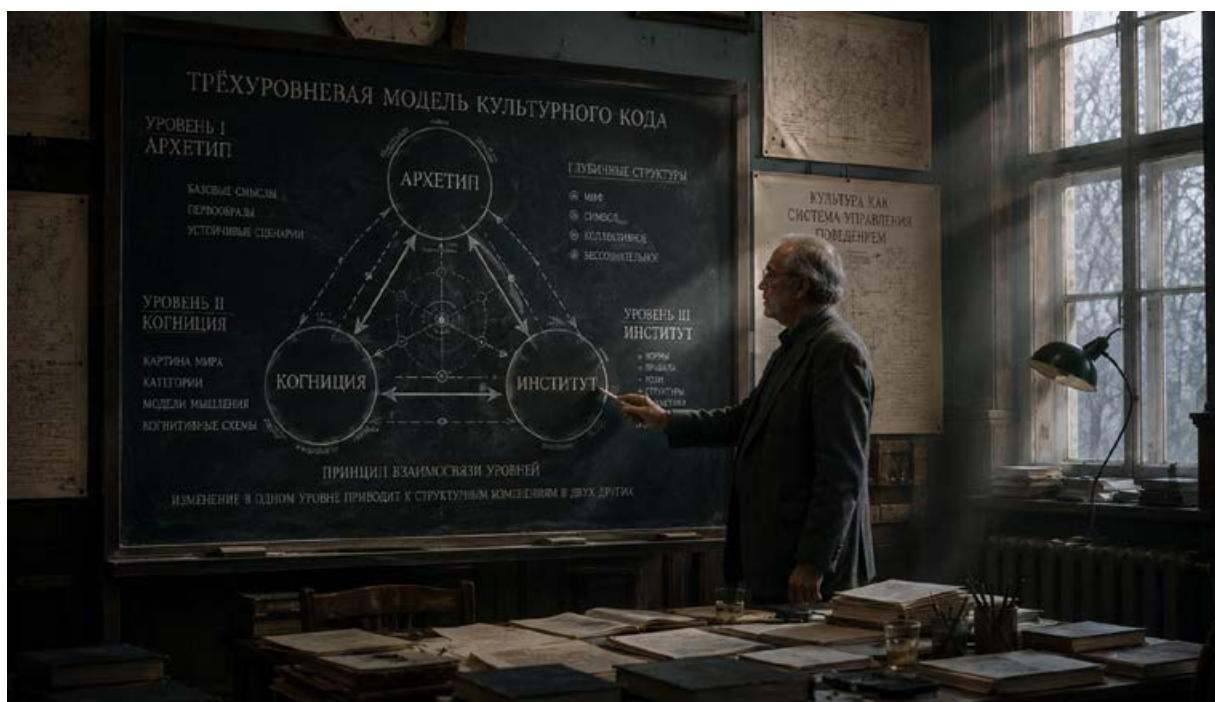
В рамках данного исследования культурный код рассматривается как трёхуровневая система, включающая:

- архетип,
- когниция,
- институт.

В старых научных журналах подобные схемы называли «моделями скрытого контура управления». Их задача состояла в том, чтобы показать не поверхность явления, а внутреннюю механику.

Архетипический уровень в исследовании отвечает за память культуры, он содержит:

- мифы,
- герои,

- эмоциональные конструкции,
- ритуалы,
- коллективные образы.

Когнитивный уровень управляет восприятием. Это область:

- языка,
- фреймов,
- метафор,
- моделей мышления,
- способов интерпретации реальности.

Институциональный уровень закрепляет поведение через:

- правила,
- стимулы,
- организационные формы,
- регламенты,
- социальные привычки.

Самое важное здесь — взаимосвязь уровней. В рамках данной модели вмешательство в один слой автоматически вызывает изменения в двух других. Именно поэтому прямое реформирование институтов без изменения когнитивного и архетипического уровня даёт кратковременный или разрушительный эффект.

В этот момент исследование начинает заметно выходить за пределы привычной гуманитарной традиции. Его структура всё больше напоминает инженерную модель настройки сложной социальной системы.

Например, в разделе о когнитивном уровне автор подробно анализирует роль языка как инструмента управления восприятием. Исследование утверждает, что изменение словаря постепенно меняет не только описание мира, но и саму скорость мышления общества.

На первый взгляд подобная идея может показаться спорной. Однако достаточно посмотреть на современную цифровую среду, где за последние годы язык коммуникации резко сократился и стал строиться преимущественно на коротких сообщениях, визуальных символах, эмоциональных маркерах и фрагментарных формулировках, постепенно разрушая способность удерживать длинные смысловые конструкции и сложные логические связи. Одновременно с этим меняется сама структура внимания. Люди всё хуже удерживают длинные логические цепочки и всё

быстрее реагируют на эмоциональные стимулы.

Исследование фактически утверждает: изменение языка изменяет ритм времени внутри сознания. Это уже не просто культурология. Это попытка описать нейромеханику цивилизационного поведения.

Не менее важным выглядит и раздел, посвящённый механике изменения кода. **Книга предлагает четырёхфазовую модель:**

- диагностика,
- очищение,
- трансмутация,
- закрепление.

Примечательно, что модель строится не на подавлении старого кода, а на его перенастройке. Исследование неоднократно подчёркивает: код нельзя насадить извне. Его можно только пробудить через изменение ритма восприятия, символического пространства и языка.

Это принципиально отличает данную модель от большинства идеологических систем XX века, основанных на прямом разрушении прежних символов и институтов. Здесь особенно ясно проявляется инженерная логика работы. Академик Олег Мальцев рассматривает культуру как живой организм, а не как набор заменяемых элементов. Архетип нельзя уничтожить без последствий. Его можно только переосветить, изменив способ интерпретации и включения в новую систему времени.

В старых институтах стратегического анализа подобный подход называли бы не реформой, а реконfigurацией среды. Именно поэтому в книге так часто появляются слова: ритм, синхронизация, поток, цикл, плотность, согласование. Фактически исследование предлагает рассматривать культуру как систему управления коллективной скоростью реакции.

Особый интерес вызывает так называемый «шестиугольник наук», предложенный в исследовании, внутри которого:

- психология отвечает за волю,
- антропология — за ритуал,
- экономика — за закрепление стимулов,
- лингвистика — за изменение языка,
- нейронаука — за внимание,
- философия и метапсихика — за глубину и этические границы трансформации.

Важно, что книга не пытается механически объединить дисциплины. Она показывает, что каждая из них воздействует на определённую форму времени внутри культуры.

Обычно междисциплинарность заканчивается набором терминов из разных областей. Здесь же создаётся ощущение, что автор действительно пытается построить единую систему координат.

В результате исследование начинает выходить далеко за пределы академической культурологии. Оно затрагивает:

- управление организациями,
- образовательные системы,
- политическую устойчивость,
- медиасреду,
- коллективную психологию,
- архитектуру институтов.

По сути ученый Олег Мальцев в своем исследовании описывает фундаментальный вопрос XXI века: каким образом сохранить управляемость общества в эпоху распада ритмов и перегрузки внимания.

И именно здесь становится понятна подлинная ценность исследования. Оно не даёт готовых политических рецептов. Не предлагает идеологических лозунгов. Не строит утопических моделей.

Оно делает другое. Оно пытается показать скрытую механику культуры как системы причинности.

Практическое значение данного исследования становится заметным именно в тот момент, когда читатель перестаёт воспринимать культуру как отвлечённую гуманитарную область. Работа Мальцева фактически предлагает новую прикладную дисциплину, находящуюся на пересечении культурологии, психологии, управления, антропологии и когнитивных наук. Её предметом становится не описание культурных процессов, а диагностика, коррекция и стабилизация коллективного поведения через работу с кодом времени, языка, символа и института.

Главная прикладная ценность исследования состоит в том, что оно переводит разговор о культуре из идеологической и философской плоскости в область операционных моделей. В работе предложены:

методы диагностики культурного состояния;

схемы анализа коллективных мифов;

модели реконфигурации когнитивных фреймов;

механики институционального закрепления поведения;

принципы коррекции разрушенного ритма социальной среды.

Фактически данное исследование формирует инструментарий для работы с социальными и организационными системами, находящимися в состоянии кризиса идентичности, утраты доверия и институциональной устойчивости. Речь идёт о средах, где постепенно нарастает управленческая энтропия, разрушается дисциплина коллективного поведения, а когнитивная фрагментация начинает препятствовать способности общества или организации удерживать единый ритм восприятия, принятия решений и действия.

Особенно важно, что предложенная модель рассматривается как применимая не только к государствам или крупным культурным системам. В рамках данного исследования возможность работы с культурным кодом распространяется также на организации, профессио-

нальные сообщества, образовательные структуры и управленческие команды. Отдельное внимание уделяется закрытым коллективам и корпоративной среде, где устойчивость поведения, дисциплина, внутренняя координация и скорость принятия решений напрямую зависят от согласованности символического, когнитивного и институционального уровней. Именно здесь исследование приобретает прикладной характер стратегической технологии.

Если традиционная организационная психология работает пре-имущественно с мотивацией и коммуникацией, то данная модель рассматривает коллектив как временную систему, внутри которой язык определяет скорость мышления и характер восприятия, ритуал удерживает согласованность поведения, символ управляет вниманием, институт фиксирует устойчивые формы действия, а архетипический уровень обеспечивает сохранение внутренней устойчивости в условиях кризиса и внешнего давления. Это создаёт принципиально иной подход к вопросам управления.

Вместо поверхностного изменения регламентов исследование предлагает работу с глубинной структурой коллективного поведения. Вместо прямого давления — перенастройку ритма среды. Вместо разрушения старых форм — трансмутацию кода через изменение символического и когнитивного пространства.

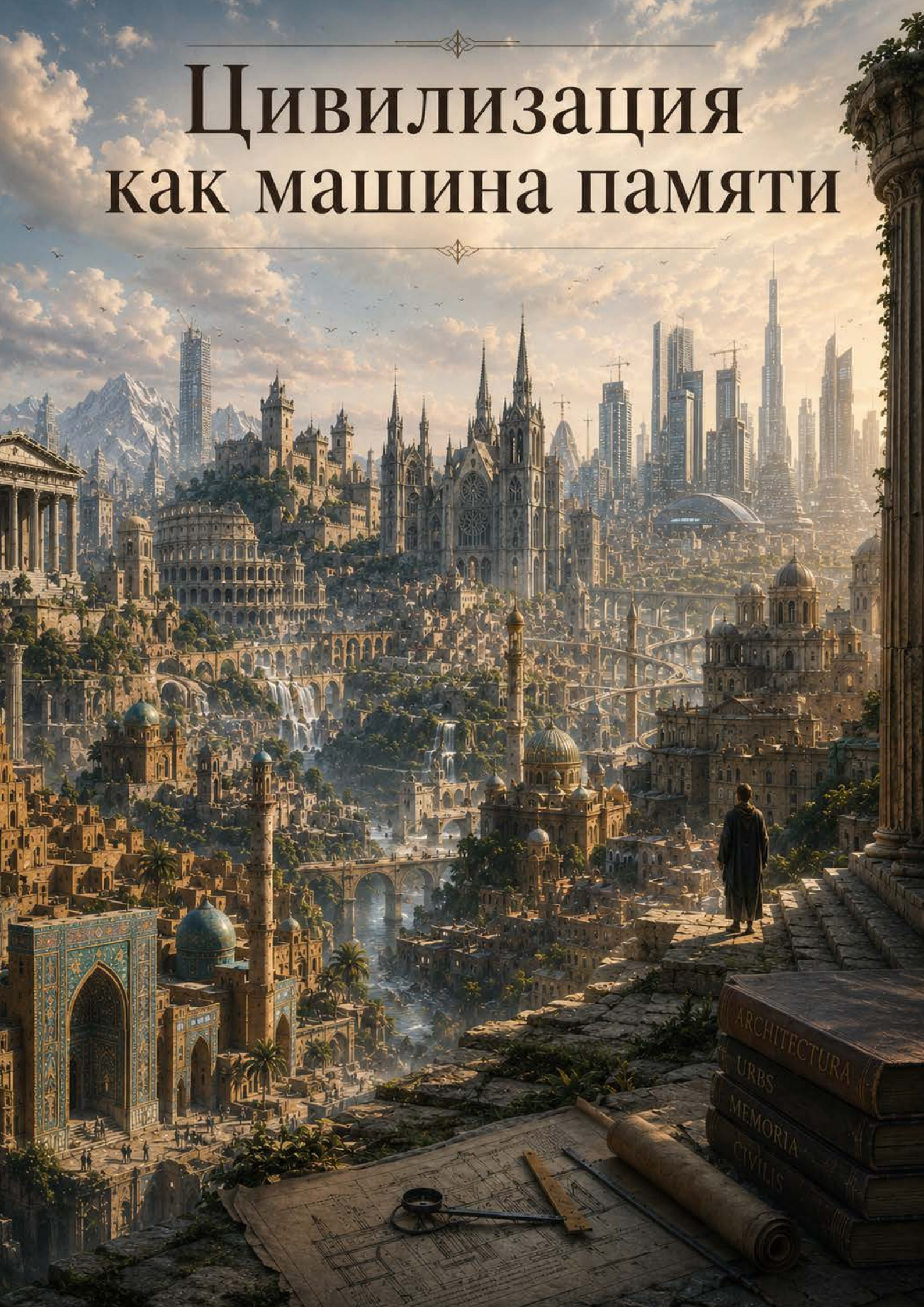
Наиболее значимым прикладным аспектом исследования, вероятно, является сама постановка вопроса. Работа исходит из того, что устойчивость любой системы определяется не только ресурсами и законами, но прежде всего способностью управлять культурным временем — то есть удерживать единство памяти, восприятия и действия внутри общества или организации.

В условиях XXI века, где скорость информационных потоков постоянно разрушает концентрацию, а социальные системы всё чаще сталкиваются с потерей внутренней координации, подобный подход приобретает уже не теоретическое, а стратегическое значение.

Именно поэтому исследование культурных кодов выглядит не как локальная гуманитарная работа, а как попытка сформировать новую методологию управления сложными социальными системами через архитектуру культуры.

This is an open access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International \(CC BY-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

Цивилизация как машина памяти

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

- EMAIL: drmaltsev.oleg@gmail.com
- ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8589-6541>

Член президиума и академик Европейской академия наук Украины. Руководитель НИИ “Институт Памяти”. Учёный, криминолог, психолог, фотограф и журналист-расследователь. Автор новаторских научных трудов в области криминологии, психологии и философии.

АННОТАЦИЯ

Современная цивилизация привыкла считать технологию главным источником развития. Мы измеряем прогресс скоростью вычислений, сложностью устройств, объёмом информации и эффективностью операций. Однако чем технологичнее становится мир, тем заметнее проявляется странный парадокс: человечество научилось создавать всё более сложные системы, но всё хуже умеет формировать устойчивую среду.

На этом фоне архитектура прошлого производит почти тревожное впечатление. Древние города, руины храмов, акведуки, площади, амфитеатры и инфраструктурные комплексы продолжают сохранять внутреннюю согласованность даже после исчезновения цивилизаций, которые их породили. Технологии исчезли. Инструменты утрачены. Языки забыты. Но формы продолжают воздействовать на человека.

Эта статья предлагает рассматривать архитектуру, город и культуру не как набор объектов, а как следы процессов и циклов, когда-то организовывавших среду, поведение и память цивилизации. Такой подход позволяет по-новому взглянуть не только на прошлое, но и на современность, где кризис устойчивости

всё чаще оказывается кризисом памяти, времени и способности удерживать целое.

ВВЕДЕНИЕ

Почему формы переживают технологии

Существует парадокс, который современная инженерная культура почти не замечает.

Технологии исчезают быстрее, чем созданные ими формы.

Человек может полностью утратить способ производства, забыть инструменты, разрушить систему передачи знаний, потерять язык описания процесса — и всё же продолжать жить среди результатов этого процесса. Античный мир исчез, но акведуки продолжают стоять. Исчезли ремесленные школы, строительные традиции, системы организации труда и политические структуры, а архитектурные формы продолжают воздействовать на человека спустя столетия и тысячелетия.

Это приводит к важному выводу: форма обладает большей устойчивостью, чем знание о процессе, который её породил.

Современная цивилизация привыкла считать главным носителем развития технологию. Однако технология в при-

вычном понимании — лишь временный инструмент. Гораздо устойчивее оказываются ритмы среды, организация пространства, геометрия движения, сценарии взаимодействия и логика процессов, встроенных в архитектуру и инфраструктуру.

Возможно, именно поэтому архитектура прошлого продолжает производить столь сильное впечатление. Даже когда полностью исчезает понимание того, как она была создана, сама форма продолжает сохранять ощущение внутренней необходимости. Она воспринимается не как случайная композиция, а как след глубинной организации.

Это особенно заметно на фоне современной среды. Значительная часть сегодняшнего строительства стареет чрезвычайно быстро. Через несколько десятилетий начинают разрушаться материалы, деградирует инфраструктура, появляются деформации, а система требует непрерывного обслуживания. Между тем многие древние сооружения даже в разрушенном состоянии сохраня-

ют внутреннюю согласованность. Руины античного храма всё ещё воспринимаются как целое. Остатки мегалитического комплекса продолжают удерживать структуру пространства. Создаётся ощущение, будто разрушению подверглась поверхность, но не сама логика формы.

Такое возможно лишь в одном случае: если форма являлась не декоративным решением, а результатом длительного процесса взаимодействия среды, времени и человека.

АРХИТЕКТУРА КАК СЛЕД ПРОЦЕССА

Современная культура обычно рассматривает архитектуру как объект. Здание воспринимается как законченная форма, имеющая функцию, стиль и символическое значение. Однако подобный взгляд скрывает главное.

Архитектурный объект — это не начало процесса. Это его остаток. Форма является следом действия.

Если смотреть на архитектуру криминалистически, внимание смещается

ФОРМА ПЕРЕЖИВАЕТ ТЕХНОЛОГИЮ. НО ПАМЯТЬ ПЕРЕЖИВАЕТ ДАЖЕ ФОРМУ.

Н. А. Малцов

РЕЖИМЫ ПАМЯТИ

КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В КУЛЬТУРУ

ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАЕТ ФОРМУ. ОБЩЕСТВО НАПОЛНЯЕТ ЕЕ СМЫСЛОМ. ВРЕМЯ ПРЕВРАЩАЕТ ФОРМУ В ПАМЯТЬ.

ПУТЬ ФОРМЫ ВО ВРЕМЕНИ

ТЕХНОЛОГИИ (ПРОЦЕСС) → ФОРМА (СЛЕД) → КУЛЬТУРА (СМЫСЛ) → ПАМЯТЬ (НАСЛЕДИЕ)

УНИВЕРСИТЕТ
РЕЖИМ ЗНАНИЯ

Цели: накопление и передача знаний.
Технологии: организации обучения, библиотек, архивов, доступа.
Формы: дворы, аудитория, библиотеки, иерархия пространств.
Память: сохранение знания через институты и тексты.

- РИТУАЛЬНОЕ
- КОЛЛЕКТИВНОЕ
- ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ
- АРХИТЕКТУРНОЕ
- АРХИТЕКТУРНОЕ

ТЕАТР
РЕЖИМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Цели: создание коллективного переживания.
Технологии: сцены, акустика, свет, движение актёров и зрителей.
Формы: амфитеатр, сцена, кулисы, зрительный зал.
Память: сохранение сценария, мафры и артефакты через представление.

- СЦЕНА
- АКТЁРЫ
- ЗРИТЕЛИ
- ДВИЖЕНИЕ
- АРТЕФАКТЫ

АРХИВ
РЕЖИМ СОХРАНЕНИЯ

Цели: сохранение следов процессов и решений.
Технологии: систематизация, каталогизация, перепишивание, защита.
Формы: архивный, кладовый, сейфовый, системы доступа.
Память: сохранение материальных и информационных следов.

- ИНИЦИАТИВА
- НАБЛЮДЕНИЕ
- ДОСТУП
- ЗАЩИТА
- КЛЮЧ

ГАЛЕРЕЯ
РЕЖИМ СОЗЕРЦАНИЯ

Цели: формирование эстетического вкуса.
Технологии: экспозиция, свет, кондиционирование, маршрут движения.
Формы: залы, перспективы, ракурсы, ритм движения.
Память: сохранение образов и стилей через визуальную культуру.

- ЭКСПОЗИЦИЯ
- МАРШРУТ
- ВИЗУАЛЬНОЕ
- СВЕТ
- ПЛАН

ЦИРК
РЕЖИМ ДВИЖЕНИЯ И ЗРЕЛИЩА

Цели: управление вниманием и эмоциями через движение.
Технологии: арена, траектории, ритм, акробатика, свет, звук.
Формы: круговое пространство, крутость, центр действия.
Память: сохранение техник тела, традиций и коллективных эмоций.

- АРЕНА
- ДВИЖЕНИЕ
- ЗРИТЕЛИ
- РАУРЫ
- АКУСТИКА

КАК ТЕХНОЛОГИЯ СТАНОВИТСЯ ПАМЯТЬЮ

1. ПРОЦЕСС — действие создаёт результат.
2. СЛЕД — результат оставляет материальный след.
3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ — объект превращает след в смысл.
4. ИНСТИТУЦИЯ — смысл закрепляется в культуре и структурах.
5. ПАМЯТЬ — форма и смысл переживает процесс.

ФУНКЦИИ РЕЖИМОВ ПАМЯТИ

- ПОЗНАНИЕ — университет расширяет возможности мышления.
- ПЕРСОНАЖИ — театр формирует коллективные чувства.
- СОХРАНЕНИЕ — архив удерживает следы решений и событий.
- СОЗЕРЦАНИЕ — галерея развивает восприятие и вкус.
- ДВИЖЕНИЕ — цирк управляет телом, ритмом и вниманием.

ЕДИНАЯ МАШИНА КУЛЬТУРЫ

УНИВЕРСИТЕТ (ЗНАНИЕ) — ТЕАТР (ПРЕДСТАВЛЕНИЕ) — ЦИРК (СОБРАНИЕ) — ГАЛЕРЕЯ (СОЗЕРЦАНИЕ) — АРХИВ (СОХРАНЕНИЕ)

КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА ПАМЯТИ

ТЕХНОЛОГИИ ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ. ФОРМЫ РАЗРУШАЮТСЯ. НО РЕЖИМЫ ПАМЯТИ ПРОДОЛЖАЮТ РАБОТАТЬ. ПОЭТОМУ КУЛЬТУРА — ЭТО НЕ НАБОР ПРЕДМЕТОВ, А СПОСОБ, КОТОРЫМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПОМНИТ СЕБЯ.

Н. А. Малцов

с вопроса «что это означает?» на вопрос «что здесь происходило?». Следовательно изучает не символ, а остаток операции. Его интересует не интерпретация формы, а логика процесса, оставившего материальный след.

В этом смысле архитектура напоминает место остановленного действия.

Осевая структура пространства, повторяемость геометрии, следы инструментальной обработки, интеграция в рельеф, организация потоков, модульность, масштаб и устойчивость формы — всё это может рассматриваться как вещественное доказательство существовавшего процесса. Камень хранит не только форму. Иногда он хранит память о действии.

Именно поэтому многие архитектурные комплексы прошлого производят ощущение скрытого движения. Человек интуитивно чувствует, что перед ним не просто объект, а остаток системы, которая когда-то работала как единое целое.

Такой взгляд радикально меняет сам подход к истории архитектуры. Руины перестают быть романтическими остат-

ками прошлого. Они превращаются в архив остановленных процессов.

Архив остановленных процессов

Архив обычно ассоциируется с текстами, документами и знаниями. Однако цивилизация сохраняет память не только через письменность.

Иногда память фиксируется в самой среде.

Городская планировка, маршруты движения, площади, оси, акведуки, амфитеатры, храмовые комплексы, инфраструктурные узлы и общественные пространства способны переживать поколения, продолжая воспроизводить ритмы поведения даже после исчезновения культуры, которая их создала.

Это означает, что архитектура является особым типом памяти. Не символической. Процессуальной. Такой архив хранит:

- не идеи, а следы операций;
- не описания, а результаты взаимодействия;
- не тексты, а структуру циклов.

АРХИВ ОСТАНОВЛЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

АРХИТЕКТУРА КАК ПАМЯТЬ О ЦИКЛАХ, КОТОРЫЕ КОГДА-ТО ФОРМИРОВАЛИ СРЕДУ. МЫ ВИДИМ ФОРМЫ. ОНИ ХРАНЯТ СЛЕДЫ ДЕЙСТВИЙ, ПРОЦЕССОВ И ТЕХНОЛОГИЙ, КОТОРЫЕ ИСЧЕЛИ.

ЧТО ТАКОЕ АРХИВ ОСТАНОВЛЕННЫХ ПРОЦЕССОВ?

Это совокупность материальных следов преобразования среды, оставшихся после историко-инженерной машины. Объекты сохраняли форму, но утратили актуальный смысл.

ОСЕВАЯ СТРУКТУРА
след, устойчивый ориентир
и организация пространства

СЛЕДЫ ВНЕШНИХ / ФОРМИРОВАНИИ
регулярные следы инструмента
или потока энергии

ИНТЕГРАЦИЯ В РЕЛЬЕФ
объект не классифицируется,
а вытекает из среды

МОДУЛЬНОСТЬ И МАСШТАБ
существование одной нормы,
универсальной системы

КАК ЧИТАТЬ АРХИВ?

- 👁 Наблюдать форму
- 🔍 Выявлять следы операций
- 🧠 Реконструировать логику процесса
- 📌 Показывать функции и смысл

ТИПЫ СЛЕДОВ

МЕХАНИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ
борозды, царапины, трещины,
следы инструмента

СЛЕДЫ ЭНЕРГИИ
отложения, ямки,
архитектурные,
каменные структуры

СЛЕДЫ ПОТОКОВ
дорожки, ступени,
направленные формы,
актуальные каналы

СЛЕДЫ ГЕОМЕТРИИ
точность углов, радиусов,
симметрия, пропорциональность

СЛЕДЫ ФИКСАЦИИ
изгибы, пазы,
подчеркнутые линии,
орнаменты

ЧТО УТРАЧЕНО?

ТЕХНОЛОГИЯ
способы и инструменты
производства

ЗНАНИЕ
понимание процесса,
математика, логика

КОНТЕКСТ
функция в системе,
связь с другими
объектами

ЦИКЛ
интерпретация,
преобразование
и управление

ЦЕЛОСТНОЕ МЫШЛЕНИЕ
способ видеть среду
как единое целое

КАК РЕКОНСТРУИРОВАТЬ ОСТАНОВЛЕННЫЙ ПРОЦЕСС

1. НАБЛЮДЕНИЕ
Функции формы
и материалов
2. КАРТА СЛЕДОВ
наложение всех выявленных
следов на модель
3. ВЫЯВЛЕНИЕ ЛОГИКИ
поиск повторов, осей,
ритмики, выделений
4. РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ ЦИКЛА
выявление последовательности
операций и логика
5. ФУНКЦИИ И СМЫСЛ
повторение для объекта
в системе
6. ИНТЕГРАЦИЯ В ЗНАНИЕ
включение в общую картину
инженерной машины

ДОКУМЕНТ АРХИВА

Объект: Древний город
Координаты: 37°28'N, 13°28'E
Материал: индустриальный
Следы: механические, антропогенные,
следы энергии, информации
Предположительный процесс:
функциональный, физический
Статус: объект историко-культурного наследия
Дата фиксации: 12.05.2024
Исполнитель: И.

КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В КУЛЬТУРУ ПАМЯТИ

1. ЖИВОЙ ПРОЦЕСС
технология работает,
цели достигаются
2. ОСТАНОВКА
цели превращаются,
технология упрощается
3. СОЗДАНИЕ ФОРМЫ
форма остается,
функция забывается
4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАМЯТИ
форма обретает значение,
устанавливается связь
5. СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТОВ
появляются ритуалы, знания,
системы передачи памяти
6. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ
модель, живущая функцией
после исчезновения процесса

**КАМЕНЬ МОЖЕТ ХРАНИТЬ ФОРМУ
НО ИНОГДА ОН ХРАНИТ ПАМЯТЬ
О ПРОЦЕССЕ, КОТОРЫЙ
СОЗДАВАЛ МИР.**

**ПОНИМАЯ СЛЕДЫ ПРОЦЕССОВ,
МЫ УЧИМСЯ СОЗДАВАТЬ
УСТОЙЧИВОЕ БУДУЩЕЕ.**

М. А. Мальцев

Поэтому архитектуру невозможно полностью читать через стиль или символику. Она требует другой оптики — инженерной, когнитивной и криминалистической одновременно. Мы начинаем видеть в форме:

- след движения;
- след организации среды;
- след управления потоками;
- след длительного ритма;
- след цивилизационного цикла.

И тогда прошлое перестаёт быть набором «тайн древности». Оно превращается в огромный архив устойчивых процессов, которые современность постепенно утрачивает способность воспроизводить.

ГОРОД КАК ДЕЙСТВУЮЩАЯ МАШИНА

Наиболее важное следствие такого подхода проявляется не в исследовании прошлого, а в анализе современного города. Если архитектура является следом

процесса, то город следует рассматривать не как набор зданий, а как действующую машину.

Современный человек редко воспринимает среду как активную силу. Обычно считается, что человек свободно перемещается по пространству и самостоятельно принимает решения. Однако город непрерывно управляет поведением.

Он регулирует скорость движения. Распределяет внимание. Создаёт зоны концентрации. Формирует маршруты. Задаёт ритм. Определяет сценарии взаимодействия.

Даже простая улица уже является элементом процесса. Она ограничивает выбор траектории, организует плотность потоков, создаёт точки пересечения и управляет направлением движения. Площадь работает иначе, чем тоннель. Арка иначе, чем открытое пространство. Лестница иначе, чем длинный коридор.

Архитектура никогда не бывает нейтральной.

Она всегда формирует поведение. Именно поэтому крупный город начинает напоминать сложную машину:

- транспорт становится кровеносной системой;
- информационные сети — нервной системой;
- инфраструктура — скелетом;
- общественные пространства — системой регуляции коллективного поведения.

Город перестаёт быть декорацией жизни. Он становится активной средой производства человека.

ПРОСТРАНСТВО КАК ИНЖЕНЕРИЯ ПОВЕДЕНИЯ

Современная архитектура часто подаётся как искусство формы. Но в действительности она почти всегда является искусством управления процессами.

Высота здания создаёт иерархию. Освещение меняет уровень тревожности.

Материал формирует ощущение устойчивости или временности. Масштаб влияет на восприятие власти. Ширина улицы регулирует скорость. Повтор ритмов создаёт привычки.

Даже пустота работает как инструмент воздействия. Большие площади, массивные внутренние объёмы, длинные коридоры и открытые перспективы изменяют состояние человека на телесном уровне.

Это означает, что архитектура всегда связана с инженерией поведения. Среда не просто окружает человека. Она программирует:

- внимание,
- ритм,
- эмоциональное состояние,
- способы взаимодействия,
- отношение ко времени,

модели коллективного поведения.

Именно поэтому древние сооружения могут восприниматься не только как

храмы или дворцы. Возможно, многие из них были элементами среды, формирующими восприятие, ритмы и способы существования общества.

ПАМЯТЬ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИИ

Наиболее опасная иллюзия современной цивилизации состоит в убеждении, что накопление информации автоматически означает сохранение памяти. На самом деле это разные явления. Информация может существовать вне человека. Память требует среды.

Память возникает через повторение, ритм, телесное участие, пространственную фиксацию, институциональное воспроизводство.

Именно поэтому университет, театр, архив, галерея или город являются не просто культурными институтами. Они представляют собой режимы памяти.

Университет сохраняет способы мышления. Театр — коллективные переживания. Архив — следы решений. Галерея — режимы восприятия. Город — сценарии поведения.

Культура в этом случае перестаёт быть набором артефактов. Она становится системой воспроизводства памяти через среду.

Современная цифровая цивилизация парадоксальна. Никогда прежде человечество не обладало таким объёмом данных. Но одновременно никогда ещё память не была настолько фрагментирована. Информация сохраняется, однако механизмы длительного воспроизводства ритмов постепенно разрушаются.

Человек современности всё лучше хранит данные и всё хуже сохраняет циклы.

КОГНИТИВНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОСТИ

Здесь возникает вопрос: почему машинное мышление оказалось утрачено?

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЪЕКТ КАК ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

КАК КРИМИНАЛИСТ ВИДИТ АРХИТЕКТУРУ: НЕ СИМВОЛ, А СЛЕД ДЕЙСТВИЯ

«ОБЪЕКТ НЕ ВРЕТ.
ВРАТЬ МОЖЕТ ТОЛЬКО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.
ФОРМА СОХРАНЯЕТ СЛЕД ПРОЦЕССА,
КОТОРЫЙ ЕЕ СОЗДАЛ».

1. ПОДХОД СЛЕДОВАТЕЛЯ

Следователь изучает не что это такое, а что здесь произошло.
Архитектурный объект — это комплекс следов, оставленных процессами, которые больше не наблюдаются.

ЧТО ИЩЕМ

- следы инструментов и технологий
- направление воздействий
- последовательность операций
- признаки целостности
- неестественные совпадения
- интеграции объекта в среду

2. ТИПЫ СЛЕДОВ В АРХИТЕКТУРЕ

СЛЕД ОБЪЕМОГО ФОРМИРОВАНИЯ
симметрия, целостность, центральные точки

СЛЕД ОБЪЕМНОЙ ВЫБОРКИ
выемки, полости, внутренние объемы

СЛЕД ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ
каменки, бороздки, фактура поверхности

СЛЕД ПОТОРЯЮЩЕГОСЯ ДЕЙСТВИЯ
ритмы, модули, повтор элементов

СЛЕД ИНТЕГРАЦИИ В СРЕДУ
подгонка к рельефу, использование природных форм

СЛЕД ТРАНСПОРТИРОВКИ И УСТАНОВКИ
напольные лотки, направления перемещения

3. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА

По совокупности следов мы восстанавливаем логику процесса, даже если технология утрачена.

1. ИСХОДНАЯ СРЕДА
какая природная или искусственная субстанция
2. ВОЗДЕЙСТВИЕ
какие силы и инструменты изменили среду
3. ФОРМИРОВАНИЕ ФОРМЫ
какие геометрии и структура созданы
4. ИНТЕГРАЦИЯ И ФИКСАЦИЯ
как объект вписан в систему и стабилизирован
5. ОСТАНОВКА ПРОЦЕССА
почему процесс прекратился, но форма осталась

4. ПРИМЕРЫ СЛЕДОВ НА РЕАЛЬНЫХ ОБЪЕКТАХ

БЕСОВЕТЬ И СОБНОСТЬ

ОБЪЕМНАЯ ВЫБОРКА

СЛЕДЫ ИНСТРУМЕНТА

ИНТЕГРАЦИЯ В РЕЛЬЕФ

МОДУЛЬ И ПОВТОР

ТРАНСПОРТ И МОДУЛИ

5. ВЫВОДЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ

- Архитектура — это не набор объектов, а результат последовательного цикла воздействий.
- Каждая форма — это стабилизированный след непрерывного процесса.
- Объект хранит в себе информацию о технологии, логике и цели создателя.
- Показание следов даёт больше, чем чтение текстов: оно восстанавливает утраченные процессы.
- Архитектура прошлого — архив остановленных процессов, доступный внимательному исследователю.

НЕ СИМВОЛ, А СЛЕД. НЕ ЗНАЧЕНИЕ, А ПРОЦЕСС.

КАМЕНЬ МОЖЕТ ХРАНИТЬ НЕ ТОЛЬКО ФОРМУ — ОН ХРАНИТ ПАМЯТЬ О ДЕЙСТВИИ.

АРХИТЕКТУРА — ЭТО НЕ ПРОШЛОЕ. ЭТО ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

АРХИТЕКТУРА КАК СЛЕД ПРОЦЕССА

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЪЕКТ — НЕ ПРОСТО ПОСТРОЕННАЯ ФОРМА. ЭТО ОСТАТОЧНЫЙ СЛЕД ДЕЙСТВИЯ, ПРОЦЕССА, КОТОРЫЙ СФОРМИРОВАЛ СРЕДУ.

ЕСЛИ ОБЪЕКТ ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК СЛЕД, МЫ СМЕЩАЕМ ВНИМАНИЕ:
С СИМВОЛА → НА ОПЕРАЦИЮ,
С ЗНАЧЕНИЯ → НА ПРОЦЕСС,
С ИНТЕРПРЕТАЦИИ → НА РЕКОНСТРУКЦИЮ.

ТРАДИЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД: АРХИТЕКТУРА КАК ОБЪЕКТ

ФОРМА = СИМВОЛ / РЕЗУЛЬТАТ СТРОИТЕЛЬСТВА

ХРАМ
религиозный символ

КРЕПОСТЬ
военный объект

ДВОРЕЦ
выражение власти

ПЛОЩАДЬ
общественное пространство

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД: АРХИТЕКТУРА КАК СЛЕД

ФОРМА = СЛЕД ПРОЦЕССА / ОСТАТОК ДЕЙСТВИЯ

СЛЕД ОБЪЕМОГО ФОРМИРОВАНИЯ

СЛЕД ОБЪЕМНОЙ ВЫБОРКИ

СЛЕД НЕПРЕРЫВНОГО ДВИЖЕНИЯ

СЛЕД ИНТЕГРАЦИИ В СРЕДУ

КАКИЕ СЛЕДЫ СОХРАНЯЕТ АРХИТЕКТУРА

ГЕОМЕТРИЯ И ПОВТОРЯЕМОСТЬ

- оси и пропорции
- модули и ритмы
- повторяемость элементов

ОТСУТСТВИЕ МОНТАЖНЫХ ШВОВ

- цельность формы
- непрерывность поверхностей
- отсутствие следа сборки

ИНТЕГРАЦИЯ В РЕЛЬЕФ

- выделение из массива
- приращение природных форм
- согласование с рельефом

СЛЕДЫ ДВИЖЕНИЯ И ПОТОКА

- направленно действие
- ритм и скорость процесса
- следы транспортировки среды

МАСШТАБ И ЛОГИКА ЦЕЛОГО

- взаимность частей
- иерархия элементов
- системность планировки

УСТОЙЧИВОСТЬ И ДОЛГОВЕЧНОСТЬ

- сопротивление времени
- минимальная потеря формы
- сохранение логики объекта

ОТ ДЕЙСТВИЯ — К СЛЕДУ

ЧТО ЭТО ДАЕТ

- видеть за формой — процесс
- реконструировать логику преобразований
- понимать архитектуру как технологию среды
- восстанавливать утраченные способы взаимодействия человека и среды

АРХИТЕКТУРА — ЭТО НЕ ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТ СТРОИТЕЛЬСТВА. ЭТО СЛЕД ПРОЦЕССА, В КОТОРОМ СРЕДА БЫЛА ПРЕОБРАЗОВАНА, УПОРЯДОЧЕНА И ЗАФИКСИРОВАНА.

ЧИТАЯ СЛЕДЫ ПРОЦЕССОВ, МЫ ВОССТАНАВЛИВАЕМ ИНЖЕНЕРНУЮ ЛОГИКУ ПРОШЛОГО.

Ответ связан не только с инженерией, но и с изменением самого режима сознания. Машинное мышление требует удержания целостности. Оно невозможно без: длинного временного горизонта; устойчивой среды; синхронизации процессов;

преемственности памяти; способности видеть систему как цикл. Современная цивилизация развивается иначе. Её логика строится на ускорении, специализации и краткосрочной эффективности. Когнитивные исследования Даниэля

Канемана, Амоса Тверски и Герда Гигеренцера показали, что человеческое мышление склонно упрощать реальность, дробить сложные процессы и выбирать локальные решения вместо системных. Сознание стремится к быстрому результату. Оно предпочитает функцию процессу, объект — среде, краткосрочную эффективность — длительной устойчивости.

Цифровая среда дополнительно усиливает эту тенденцию: фрагментирует внимание; разрушает длительность; сокращает горизонт планирования; заменяет память доступом; уничтожает ритуалы повторения.

В результате современность постепенно теряет способность мыслить циклами.

Мы создаём всё более совершенные устройства, но всё хуже понимаем, как формируются устойчивые системы.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК МАШИНА ВРЕМЕНИ

Если рассматривать цивилизацию как цикл преобразования среды, становится очевидно: главной её функцией является не производство объектов, а организация длительности.

Цивилизация — это машина времени.

Она работает через:

- повторение,
- передачу,
- ритм,
- закрепление,
- пространственную фиксацию,
- воспроизводство памяти.
- Каждый цикл оставляет след:
- архитектурный,
- инфраструктурный,
- социальный,
- поведенческий,
- информационный.

Когда цикл разрушается, остаётся форма. Но форма продолжает хранить память о процессе дольше, чем существует сама цивилизация.

Именно поэтому древние города способны производить ощущение присутствия исчезнувшего порядка. Человек сталкивается не просто с руинами. Он сталкивается с остатком времени, когда-то организованного в устойчивый цикл.

ЦИКЛ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МАШИНЫ

Как среда превращается в память

Цивилизация редко понимается как процесс. Обычно её описывают через события, государства, войны, технологии или культуру. Однако подобный взгляд фиксирует лишь поверхность явления. В действительности цивилизация представляет собой длительный цикл преобразования среды.

Любая цивилизационная машина начинается не с архитектуры и не с технологий. Она начинается со среды — с исходной субстанции, обладающей потенциалом, но ещё не организованной в устойчивую систему. Ландшафт, вода, рельеф, ресурсы, климат и пространство становятся материалом будущего цикла.

Далее возникает воздействие. Человек начинает преобразовывать среду: строит каналы, организует маршруты, создаёт ритмы, соединяет точки обмена, формирует инфраструктуру, закрепляет потоки людей и информации.

На этом этапе появляется форма. Но форма ещё не является памятью. Она остаётся частью работающего процесса. Следующий этап — интеграция.

Преобразованная среда начинает включаться в систему цивилизационных взаимодействий. Возникают города, институты, торговые сети, общественные пространства, сценарии поведения,

культурные ритуалы.

Архитектура перестаёт быть отдельным объектом и становится элементом единой машины. Пространство начинает организовывать коллективную жизнь. Но наиболее важный этап наступает позже.

Любой цикл рано или поздно замедляется. Источники энергии истощаются. Нарушаются связи. Исчезают институты. Теряется управление. Активный процесс прекращается.

Именно здесь возникает феномен памяти.

Когда цивилизационная машина останавливается, форма продолжает существовать. Архитектура фиксирует остаток процесса. Город сохраняет траектории движения. Инфраструктура удерживает логику взаимодействия. Камень начинает хранить след времени.

Так технология превращается в культуру. А культура — в память.

Это одна из важнейших особенностей цивилизационных циклов: след пере-

живает процесс. Мы наследуем не саму цивилизацию. Мы наследуем остатки её работы.

Именно поэтому архитектура прошлого производит столь сильное воздействие. Руины воспринимаются не как мёртвые объекты, а как остаток когда-то действовавшей машины. Человек чувствует присутствие порядка даже там, где сам порядок уже исчез.

В этом смысле цивилизация является машиной времени. Она создаёт формы, способные удерживать память о процессах дольше, чем существует сама система, породившая их. И возможно, именно в данном ключе скрывается один из центральных вопросов XXI века:

способна ли современная цивилизация создавать не просто объекты потребления, а формы, которые смогут стать носителями длительной памяти будущего?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, главная проблема современности состоит не в утрате древних технологий.

Возможно, человечество утрачивает способность мыслить средой, временем и процессом одновременно. Мы научились создавать устройства, но разучились формировать циклы. Мы умеем управлять функциями, но всё хуже понимаем происхождение устойчивости. Мы сохраняем колоссальные объёмы информации, но постепенно теряем механизмы воспроизводства памяти.

Так, архитектура прошлого перестаёт быть загадкой древности.

Она становится зеркалом, в котором современная цивилизация видит пределы собственного мышления. Потому что камень может хранить не только форму. Иногда он хранит память о... большем.

ЛИТЕРАТУРА

Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. Farrar, Straus and Giroux.
 Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). *Judgment*

under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*, 185(4157), 1124–1131.
 Gigerenzer, G. (2007). *Gut feelings: The intelligence of the unconscious*. Viking.
 Taleb, N. N. (2012). *Antifragile: Things that gain from disorder*. Random House.
 Mumford, L. (1961). *The city in history: Its origins, its transformations, and its prospects*. Harcourt Brace.
 McLuhan, M. (1994). *Understanding media: The extensions of man*. MIT Press.
 Simondon, G. (2017). *On the mode of existence of technical objects* (C. Malaspina & J. Rogove, Trans.). University of Minnesota Press.
 Bergson, H. (1991). *Matter and memory* (N. M. Paul & W. S. Palmer, Trans.). Zone Books.
 Assmann, J. (2011). *Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination*. Cambridge University Press.

This is an open access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International \(CC BY-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

ОГНИ НАД КАЛАБРИЕЙ:

как устроены скрытые
конструкции власти

— † —

«Кладбища не лежат.
Кладбища горят»

Калабрийская ночная заметка

МАРИНА БЕРБЕР

Эксперт-полиграфолог, сотрудник НИИ
Памяти им. Г.С. Попова
и НИИ “Международное
Судьбоаналитическое сообщество”

«Газеты называют такие явления “феноменами”, экономисты — “культурным капиталом”, социологи — “доверяем”. Это слова, которые ничего не объясняют. Они описывают тень. Они не показывают, что её отбрасывает». (Кладбище над головой)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается книга PhD Олега Викторовича Мальцева «Кладбище над головой» как междисциплинарное исследование устойчивых социальных структур. Работа анализируется сквозь призму психологии, философии, криминологии, социологии, политологии и теории организации. Особое внимание уделяется двум аспектам: концептуальному новшеству книги и её практической значимости. Автор статьи показывает, что исследование выходит далеко за пределы криминальной тематики и фактически представляет собой попытку создания новой оптики анализа человеческих систем — от родовых структур и криминальных организаций до государств и корпораций.

ВВЕДЕНИЕ

Современная научная литература всё чаще сталкивается с одной и той же проблемой: исследователь умеет описывать явление, но не умеет объяснять механизм его устойчивости. Особенно отчётливо это проявляется в исследованиях закрытых социальных структур — криминальных организаций, политических элит, родовых систем, старых финансовых домов и устойчивых религиозных институтов. Как правило, внимание концентрируется на внешних проявлениях: финансах, власти, конфликтах, биографиях лидеров, экономических показателях. Однако вопрос о том, **почему одни конструкции существуют столетиями, а другие распадаются за несколько десятилетий, остаётся открытым.**

Именно в этой точке книга «Кладбище над головой» представляет особый научный интерес. Уже в прологе автор указывает, что речь идёт не просто о Калабрии или Ндрангете, а о попытке понять фундамент устойчивости человеческих систем. Внешне книга построена как путешествие по югу Италии, однако по сути перед читателем разворачивается философско-криминологическое

исследование механизмов власти, памяти и родовой преемственности.

Особенность книги заключается также в необычной форме подачи материала. Мальцев сознательно отказывается от сухого академического языка и строит повествование как последовательность состояний наблюдения. Читатель не получает готовую теорию в виде набора терминов, а постепенно проходит через определённую систему восприятия. Благодаря этому книга одновременно работает как литературное произведение, аналитическое исследование и психологическая технология.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ НОВШЕСТВО КНИГИ

Главное концептуальное новшество, предложенное Олегом Мальцевым, заключается в переходе от традиционного описания социальных явлений к исследованию их скрытой архитектуры.

Автор вводит принцип трёх слоёв:

- поверхность,
- аппарат,
- фундамент.

На первый взгляд эта схема кажется простой. Однако именно она меняет способ анализа социальных процессов.

В классической криминологии преступная организация рассматривается как сеть преступников, финансовых потоков и незаконной деятельности. В книге предлагается иной подход: Ндрангета рассматривается как **многослойная конструкция**, где видимая преступность — лишь поверхность.

Автор предлагает рассматривать устойчивые социальные структуры не как совокупность людей или институтов, а как многослойные конструкции. В третьей главе книги вводится принцип трёх слоёв: поверхность, аппарат и фундамент.

Поверхность — это видимая часть явления: публичные лица, новости, внешние конфликты, официальные версии происходящего.

Аппарат — скрытая система функционирования: механизмы принятия решений, правила внутреннего взаимодействия, способы передачи власти.

Фундамент — наиболее глубокий уровень, на котором лежит исходный акт основания конструкции и то, что обеспечивает её долговременную устойчивость.

Для современной криминологии это чрезвычайно важный поворот. Традиционный подход рассматривает преступную организацию прежде всего как систему незаконной деятельности. Мальцев предлагает иной взгляд: Ндрангета существует не потому, что занимается преступностью, а потому, что обладает фундаментом, способным удерживать конструкцию столетиями.

Именно здесь появляется вторая важнейшая концепция книги — «обманчивая тишина». Автор определяет её как особый тип молчания, который не является отсутствием информации, а представляет собой форму её передачи. Это понятие чрезвычайно интересно с точки зрения психологии и социологии коммуникации. В современной культуре считается, что информация существует только в произнесённом или записанном виде. Калабрийская модель, напротив, строится на способности сообщать информацию через произнесённое.

С криминологической точки зрения это объясняет устойчивость Ндрангеты значительно лучше, чем традиционные модели, основанные исключительно на насилии или финансовых потоках. Организация выживает не потому, что скрывает информацию, а потому, что делает её недоступной для внешнего способа восприятия.

Следующим концептуальным шагом

становится идея «воплощённого основания». Исследуя фигуру Франческо Виллардиты, автор приходит к выводу, что некоторые основатели социальных систем продолжают действовать внутри своих конструкций спустя столетия после физической смерти. Здесь Мальцев вводит категорию «Бога структуры». Речь идёт не о религиозном понятии, а о специфическом типе присутствия основателя внутри созданной им системы.

С точки зрения философии это чрезвычайно сильная идея. Автор предлагает рассматривать государства, ордена, криминальные организации и родовые структуры как формы продолженного существования воли основателя. Через ритуалы, традиции, способы принятия решений и формы поведения первоначальная фигура продолжает присутствовать в конструкции.

Особенно интересно, что эта модель применяется не только к Ндрангете. В одиннадцатой главе автор распространяет данную категорию на старые европейские фамилии, религиозные

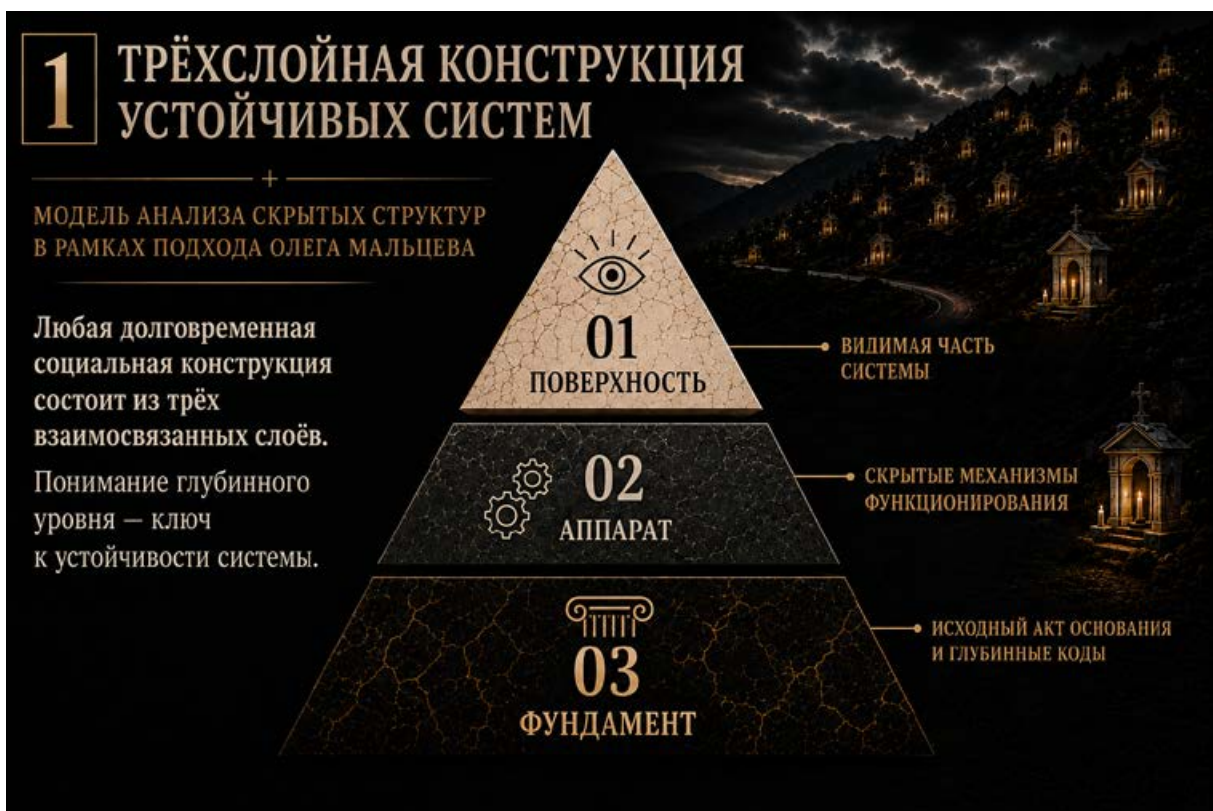
ордена, государства и крупные корпорации. Таким образом, криминальная организация оказывается лишь частным случаем более общего закона устройства устойчивых человеческих систем.

ПРАКТИЧЕСКОЕ НОВШЕСТВО КНИГИ

Практическая ценность работы не менее значительна, чем её концептуальная часть. В отличие от большинства научных исследований книга построена как технология изменения способа наблюдения. Автор прямо указывает, что текст необходимо читать медленно — по одной главе в день, выполняя упражнения после каждой главы.

Для академической литературы это крайне необычный подход. Обычно исследователь передаёт информацию и оставляет читателя наедине с выводами. Здесь же книга становится практическим инструментом формирования нового типа аналитического мышления.

С точки зрения психологии это можно рассматривать как технологию пере-

стройки восприятия. Читатель постепенно обучается:

- видеть многослойность социальных явлений;
- различать легенду и фундамент;
- замечать скрытые механизмы власти;
- распознавать влияние прошлого на настоящее.

Особенно интересна практическая ценность книги для криминологии. Мальцев показывает, что борьба с устойчивыми криминальными структурами оказывается малоэффективной потому, что государственные институты работают только с поверхностью конструкции. Аресты, конфискации и ликвидация отдельных фигур не затрагивают фундамент организации.

Это наблюдение имеет важнейшее значение для современной теории безопасности. Автор показывает, что устойчивые структуры существуют не за счёт силы или ресурсов, а за счёт правильно построенной системы передачи через поколения. Именно поэтому Ндрангета переживает политические режимы, войны и многолетнее давление правоохранительных органов.

Не менее важен управленческий аспект книги. В седьмой главе автор описывает Ндрангету не как банду, а как институцию университетского типа. Это чрезвычайно сильное организационное наблюдение. Большинство современных ком-

паний строятся вокруг личности лидера или краткосрочной цели. Конструкция, созданная Виллардитой, строится иначе: она способна переживать отдельных носителей системы.

Для бизнеса это даёт крайне важный вывод: устойчивость организации определяется не масштабом ресурсов, а глубиной её фундамента и качеством передачи через поколения.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С психологической точки зрения книга особенно интересна как исследование механизмов скрытого влияния рода и памяти на человеческое поведение. Автор показывает, что огромное количество решений человек принимает не самостоятельно, а через формы, переданные предыдущими поколениями.

Этот подход перекликается с трансгенерационной психологией, однако отличается от неё большей социальной

и философской глубиной. Учёный рассматривает род не как эмоциональную систему, а как конструкцию, внутри которой передаются:

- способы реагирования;
- страхи;
- ценности;
- модели поведения;
- формы принятия решений.

Социологически работа представляет интерес как исследование механизмов устойчивости закрытых сообществ. Автор показывает, что любая долговременная структура строится вокруг:

- архитектора;
- фундамента;
- Хозяина;
- системы поддержания памяти.

Фактически книга предлагает новую модель анализа общества, в которой главную роль играют не только институты и экономика, но и скрытые механизмы передачи через поколения.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАБОТЫ

С точки зрения политологии книга особенно актуальна в условиях современного кризиса идентичности государств и институтов.

3 ВЕРТИКАЛЬ ВРЕМЕНИ (НЕПРЕРЫВНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПОКОЛЕНИЯ)

+

КАК ПРОШЛОЕ УПРАВЛЯЕТ НАСТОЯЩИМ

Фигура основателя продолжает действовать внутри системы после своей физической смерти через институты, ритуалы и способы принятия решений. Он становится «Богом структуры».

ПРИСУТВИЕ ОСНОВАТЕЛЯ ВНУТРИ СТРУКТУРЫ

ОСНОВАТЕЛЬ (архитектор) 1-е ПОКОЛЕНИЕ (носители) 2-е ПОКОЛЕНИЕ (носители) 3-е ПОКОЛЕНИЕ (носители) n-е ПОКОЛЕНИЕ (носители)

ЧТО ПОДДЕРЖИВАЕТ НЕПРЕРЫВНОСТЬ

РИТУАЛЫ поддерживают непрерывность ЦЕННОСТИ формируют рамки мышления СПОСОБЫ РЕАГИРОВАНИЯ определяют действия МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ становятся нормой ФОРМЫ ВЛАСТИ обеспечивают контроль и порядок

РЕЗУЛЬТАТ:

+

Система существует дольше любого отдельного человека, потому что основатель остаётся внутри неё в символической, поведенческой и институциональной форме.

Автор показывает, что государства также обладают фундаментальными актами основания.

Это означает, что политические системы невозможно понимать исключительно через экономику, право или текущие политические процессы. Под устойчивыми государствами лежат:

- мифы основания;
- коллективные жертвы;
- фигуры-архитекторы;
- символические конструкции памяти.

Такой подход возвращает в научный анализ государства то, что современная рациональная политология часто игно-

рирует — роль символического и родового измерения власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга «Кладбище над головой» представляет собой значительно большее явление, чем исследование Ндрангеты или юга Италии. Перед нами — междисциплинарная работа, в которой соединяются философия, криминология, антропология, психология и теория социальных систем.

Главное достоинство книги заключается в создании новой аналитической оптики. Автор показывает, что устойчивые человеческие конструкции существуют

Огни над Калабрией:

КАК УСТРОЕНЫ СКРЫТЫЕ КОНСТРУКЦИИ ВЛАСТИ

+

ЧТО МЫ ПОНЯЛИ

- СИСТЕМА СТОИТ НА СМЕРТИ
- УСТОЙЧИВОСТЬ ЧЕРЕЗ ПЕРЕДАЧУ
- СКРЫТЫЕ КОНСТРУКЦИИ
- КЛЮЧ К ИЗМЕНЕНИЮ

КЛЮЧЕВАЯ ИДЕЯ

«Газеты называют такие явления 'феноменами', экономисты — 'культурным капиталом', социологи — 'доверием'. Это слова, которые ничего не объясняют. Они описывают тень. Они не показывают, что её *отбрасывает*».

— Олег Мальцев

ВЗГЛЯД ВПЕРЁД

- ОСОЗНАНИЕ
- АНАЛИЗ
- ДЕЙСТВИЕ
- ТРАНСФОРМАЦИЯ

ЧТО ДЕРЖИТ СИСТЕМУ

КУЛЬТ СМЕРТИ

РЕЛИГИЯ И РИТУАЛ

СЕМЬЯ И ЧЕСТЬ

МОЛЧАНИЕ И СТРАХ

ПАТРОНАЖ И ДОЛГ

ПОНИМАНИЕ СКРЫТОГО — ПЕРВЫЙ ШАГ К СВОБОДЕ.
 НОВАЯ СИСТЕМА РОЖДАЕТСЯ ИЗ НОВЫХ СМЫСЛОВ,
 А НЕ ИЗ СТРАХА И ПРИВЫЧКИ.

— «Кладбища не лежат. Кладбища горят» —

Калабрийская ночная заметка

не благодаря ресурсам, а благодаря фундаменту, который удерживает систему через поколения.

Особенно важно, что книга написана понятным и живым языком. Несмотря на сложность поднимаемых вопросов, автор избегает перегруженной терминологии и создаёт текст, доступный не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Именно это делает работу особенно ценной: она способна одновременно работать на нескольких уровнях — научном, практическом и человеческом.

В результате «Кладбище над головой» можно рассматривать как самостоятельный исследовательский проект, предлагающий новую модель понимания социальных структур и механизмов их долговременной устойчивости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Антонио Никасо, & Gratteri, N. (2009). *Fratelli di sangue: La 'Ndrangheta tra arretratezza e modernità*. Milano: Mondadori.
- Ciconte, E. (2011). *'Ndrangheta dall'Unità a oggi*. Roma-Bari: Laterza.
- Dickie, J. (2013). *Mafia Republic: Italy's Criminal Curse. Cosa Nostra, Camorra and 'Ndrangheta from 1946 to the Present*. London: Hodder & Stoughton.
- Eliade, M. (1959). *The sacred and the profane: The nature of religion*. New York: Harcourt Brace.
- Lombardi Satriani, L. M. (2000). *Il ponte di San Giacomo: L'ideologia della morte nella società contadina del Sud*. Palermo: Sellerio.
- Олег Викторович Мальцев. (2018). *Обманчивая тишина*. Одесса.
- Олег Викторович Мальцев. (2026). *Кладбище над головой*.
- Олег Викторович Мальцев. (2019). *Мой Бог Франческо Виллардита*. Монографическое исследование фигуры Франческо Виллардиты.
- Paoli, L. (2003). *Mafia Brotherhoods: Organized Crime, Italian Style*. Oxford: Oxford

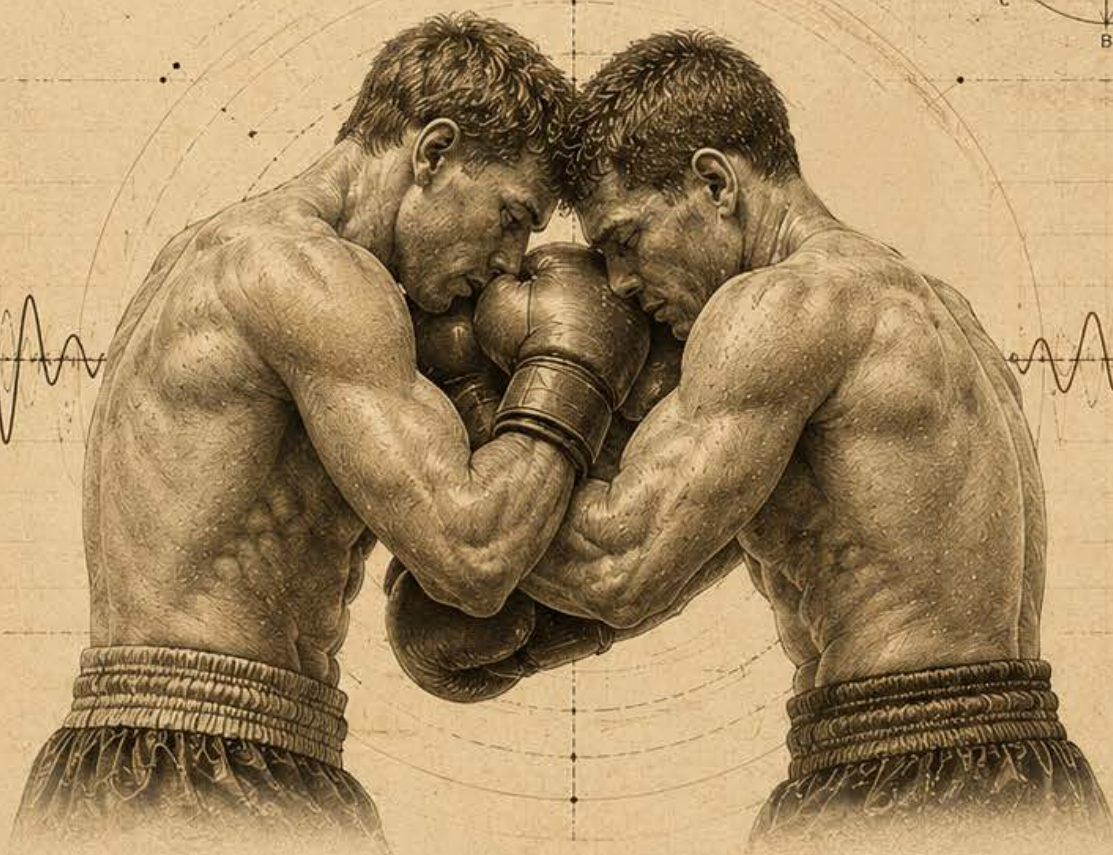
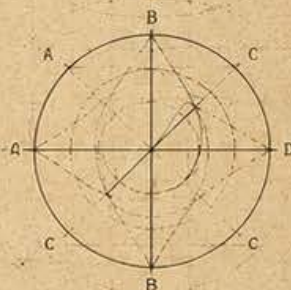
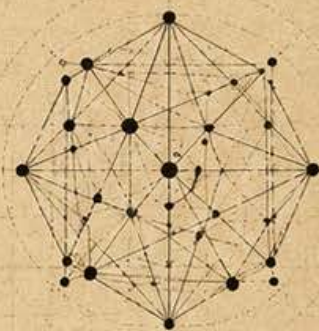
University Press.

Pitrè, G. (1889). *Usi e costumi, credenze e pregiudizi del popolo siciliano*. Palermo: Luigi Pedone Lauriel.

This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КЛИНЧА:

СТРУКТУРА ПАУЗЫ ВНУТРИ
НЕПРЕРЫВНОСТИ И ЕЕ
ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

КОНФЛИКТ

СТРАТЕГИЯ

ПАУЗА

ПРАВО

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПОЛИТИКА

ОБЩЕСТВО

ДАРИНА КАРУНА

Научный сотрудник Института Памяти

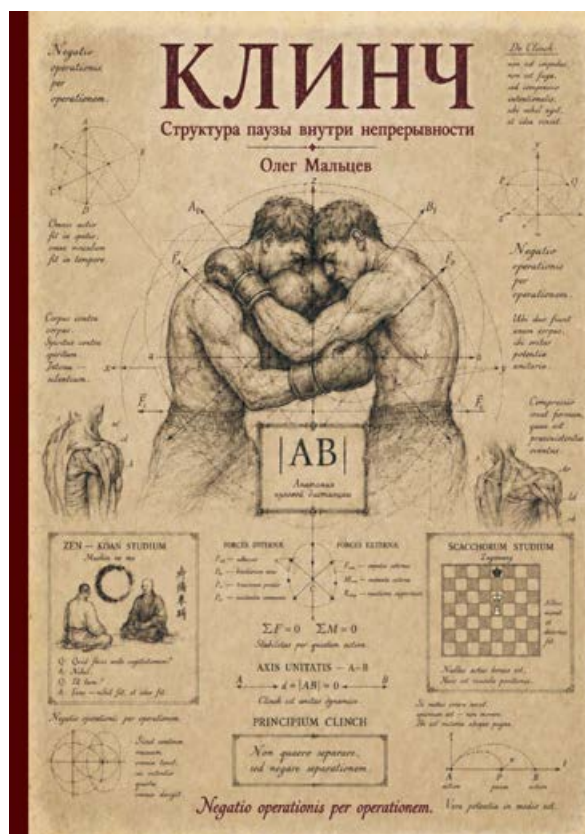
АННОТАЦИЯ

В статье исследуется междисциплинарный феномен «клинча», формализованный в монографии академика Олега Мальцева «Клинч: Структура паузы внутри непрерывности». Автор рассматривает клинч не как частное явление контактных единоборств, а как универсальную структуру самоприостановки систем интенсивного действия. В работе вводится математический аппарат «алгебры клинча», описывается структурный изоморфизм данной фигуры в криминологии, праве, психологии, музыке и шахматах. Особое внимание уделено методологии «Изоморфной книги» и применению концепции клинча («Теорема о третьей фигуре» и «Теорема о неустраимости») для формирования полезной государственной политики (beneficial public policy), управления бизнес-системами, а также разрешения правовых и межличностных тупиков.

Ключевые слова: клинч, изоморфизм, криминология, государственная политика, социология конфликта, теория систем, третья фигура, организационная социология, О. Мальцев.

ВВЕДЕНИЕ: ПРИРОДА ПАУЗЫ В ИНТЕНСИВНЫХ СИСТЕМАХ

В современных социальных науках — от криминологии до политологии — проблема конфликта и институционального тупика является одной из базовых. Традиционно остановки в динамиче-

ских процессах рассматриваются как сбой или дефект. Открытие академика Олега Мальцева, изложенное в его книге «Клинч: Структура паузы внутри непрерывности», доказывает, что клинч — это фундаментальная форма самоприостановки системы средствами самой системы. Клинч ничего не создает, его функции сугубо отрицательные: удержание ситуации, обнуление атаки противника и уничтожение темпа.

Мальцев демонстрирует строгий структурный изоморфизм (совпадение формы, а не просто внешнее сходство) клинча в семи различных доменах:

- боксе (сам клинч),
- шахматах (цугцванг),
- дзен-буддизме (коан),
- музыке (фермата/цезура),
- тавромахии (suerte de la verdad),
- танго (embrace) и праве (мораторий).

Во всех этих случаях система на пределе своих возможностей временно блокирует собственную операцию изнутри.

ФОРМАЛЬНЫЙ АППАРАТ: АЛГЕБРА КЛИНЧА И ЕЕ ТЕОРЕМЫ

Концептуальным новшеством работы Мальцева является перевод описа-

тельной метафоры в строгую математическую систему — «Алгебру клинча». Автор вводит формальные координаты для двух участников (A и B) и четыре состояния дистанции:

- $A \rightarrow B$ — нормальная дистанция (длинная или средняя);
- $A - B$ — ближняя автономная дистанция;
- AB — соприкосновение (нулевая дистанция);
- $|AB|$ — клинч.

Из этой формализации выводятся фундаментальные теоремы, описывающие динамику любых интенсивных систем:

1. Теорема об отсутствии самовыхода: Состояние $|AB|$ не имеет выхода без внешнего разрешающего фактора (R). Самостоятельно из клинча не выходят.

2. Теорема о неизбежности: Любой достаточно долгий бой или конфликт на близкой дистанции неизбежно (с вероятностью, стремящейся к единице) приводит к переходу в клинч.

3. Теорема внешнего ограничения: Длительность клинча ограничена внешним параметром (время, правила, дирижер, парламент).

4. Теорема о неустранимости: Попытка искусственно изъять клинч из

системы приводит к гибели или деградации самой системы.

5. Теорема об асимметричном сдвиге: Выход из клинча никогда не возвращает участников к исходному статус-кво; система сдвигается, и участники выходят из нее измененными.

ПРОЕКЦИЯ КЛИНЧА НА КРИМИНОЛОГИЮ И ПРАВО

Структура клинча представляет особый интерес для анализа правовых систем.

В праве чистым проявлением клинча является мораторий. Мораторий на смертную казнь — это не отмена закона, а его прижизненная остановка. Право останавливает само себя средствами своих же актов: закон остается в силе («*Lex viva*»), но его применение приостановлено («*Actio mortua*»). Как и в боксе, долгий мораторий, если он не разрешается «третьей фигурой» (в данном случае парламентом или конституционным судом), разваливает саму систему права.

В криминологии и психологии преступника применим феномен ментального клинча, подобного дзенскому коану. Преступник на допросе или в момент подготовки к преступлению часто попадает в положение, когда ум упирается в ум, и любое действие ведет к ухудшению (цугцванг). Знание структуры клинча позволяет понять: пауза не отнимает энергию, а копит её. Вывести человека из ментального клинча может только внешний арбитр (следователь или психолог), и этот выход всегда приведет к необратимому сдвигу в показаниях или поведении.

МЕТОДОЛОГИЯ «ИЗОМОРФНОЙ КНИГИ» И ТЕСТЫ ГОТОВНОСТИ

Концептуальным научным новшеством работы О. Мальцева является не

только теория, но и форма её подачи — технология «Изоморфной книги». Книга не просто описывает феномен клинча, она структурно является им. Текст разбит на 12 раундов действия и 12 рефлексивных пауз (клинчей) между ними, которые останавливают читательскую инерцию.

Этот инновационный методологический дизайн прошел три строгих теста готовности, подтверждающих научную валидность открытия:

1. Тест трех скоростей: книгу можно читать как академический трактат (только раунды), как медитацию (только паузы) или как реальный бой (все подряд).

2. Тест замены свидетеля: структура клинча устоит, если заменить любой из заявленных доменов (например, бокс на конфликт самураев) на другой.

3. Тест слепого узнавания: каждый этап развития конфликта имеет четко узнаваемое структурное место. Такой самореферентный подход делает монографию уникальным инструментом, который не просто сообщает факты, но перестраивает когнитивный аппарат читателя.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛЬЗА ДЛЯ ОБЩЕСТВА, БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА

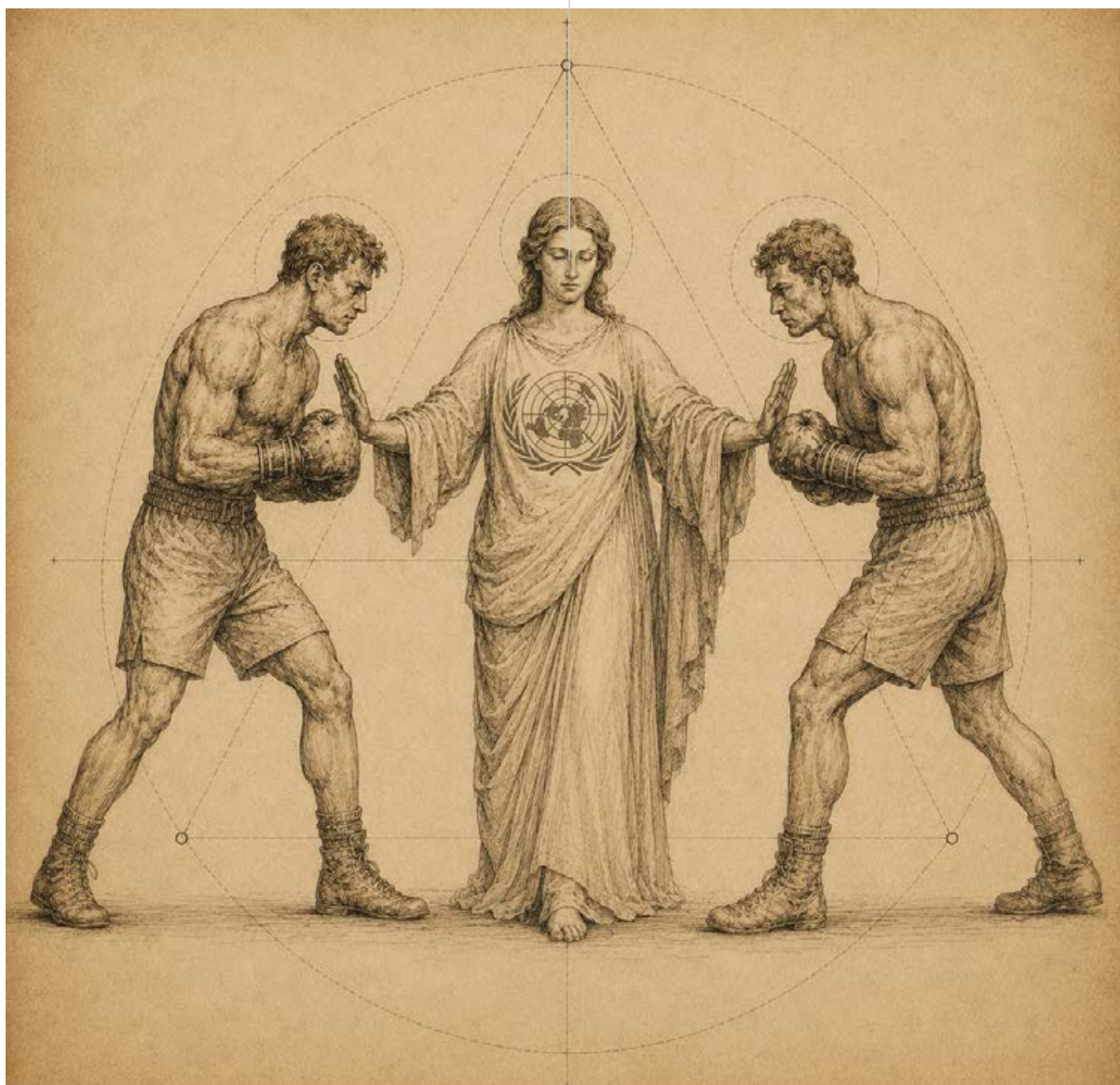
Следует подчеркнуть важность этого исследования, которое может быть переведено в полезную государственную политику (*beneficial public policy*) и имеет практическое применение. Открытия академика Мальцева дают мощный инструментарий для целого ряда сфер.

1. Государственная политика и управление кризисами. Фундаментальным социологическим открытием работы является Теорема о «Третьей фигуре». Клинч — это диадная структура, но разрешается она только триадно. В между-

народных перемириях третьей фигурой выступает ООН или страна-посредник. Критически важный вывод для политиков: без участия третьей фигуры клинч становится катастрофой. Гражданская война — это и есть бесконечный клинч без рефери. Любая государственная или международная система обязана институционализировать независимых «третьих» арбитров, иначе диадные классовые или национальные конфликты ее разрушат.

2. Организационная социология: управление бизнесом и производственными системами О. Мальцев доказывает, что любая система интенсивного действия, включая производство, медицину или науку, имеет встроенные клинчи.

В классическом менеджменте паузы, внутренние согласования или межотраслевые тупики часто воспринимаются как чистая неэффективность. Однако Теорема о неустранимости гласит: попытка директивно избавиться систему от клинчей (запретить их) убивает саму систему. Клинч на производстве — это встроенный механизм самоограничения. Он останавливает систему на пределе её собственной операции, не давая ей перегреться и разрушиться. Задача управленца — не запрещать эти системные паузы, а регламентировать их и обеспечивать своевременный асимметричный выход из них (сдвиг), который перестроит бизнес-процессы на новом уровне.

3. Социология межличностных отношений и института семьи Структура клинча идеально описывает межличностные и семейные конфликты. Опираясь на роль третьей фигуры, Мальцев выводит жесткое правило: самостоятельный выход двоих людей из состояния нулевой дистанции и взаимного обездвиживания невозможен. Как отмечает автор: «Семейный конфликт без посредника — то же [бесконечный клинч]... Любовь без друзей — болезнь». Практическая польза для психотерапевтов, социальных работников и медиаторов заключается в понимании того, что «третий» (терапевт, медиатор, друг) — это не просто наблюдатель, а системный функционер, который возвращает способность к действию и разрешает тупик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа О. Мальцева «Клинч: Структура паузы внутри непрерывности» предлагает революционный междисциплинарный подход, объединяющий социологию, криминологию, философию и политологию.

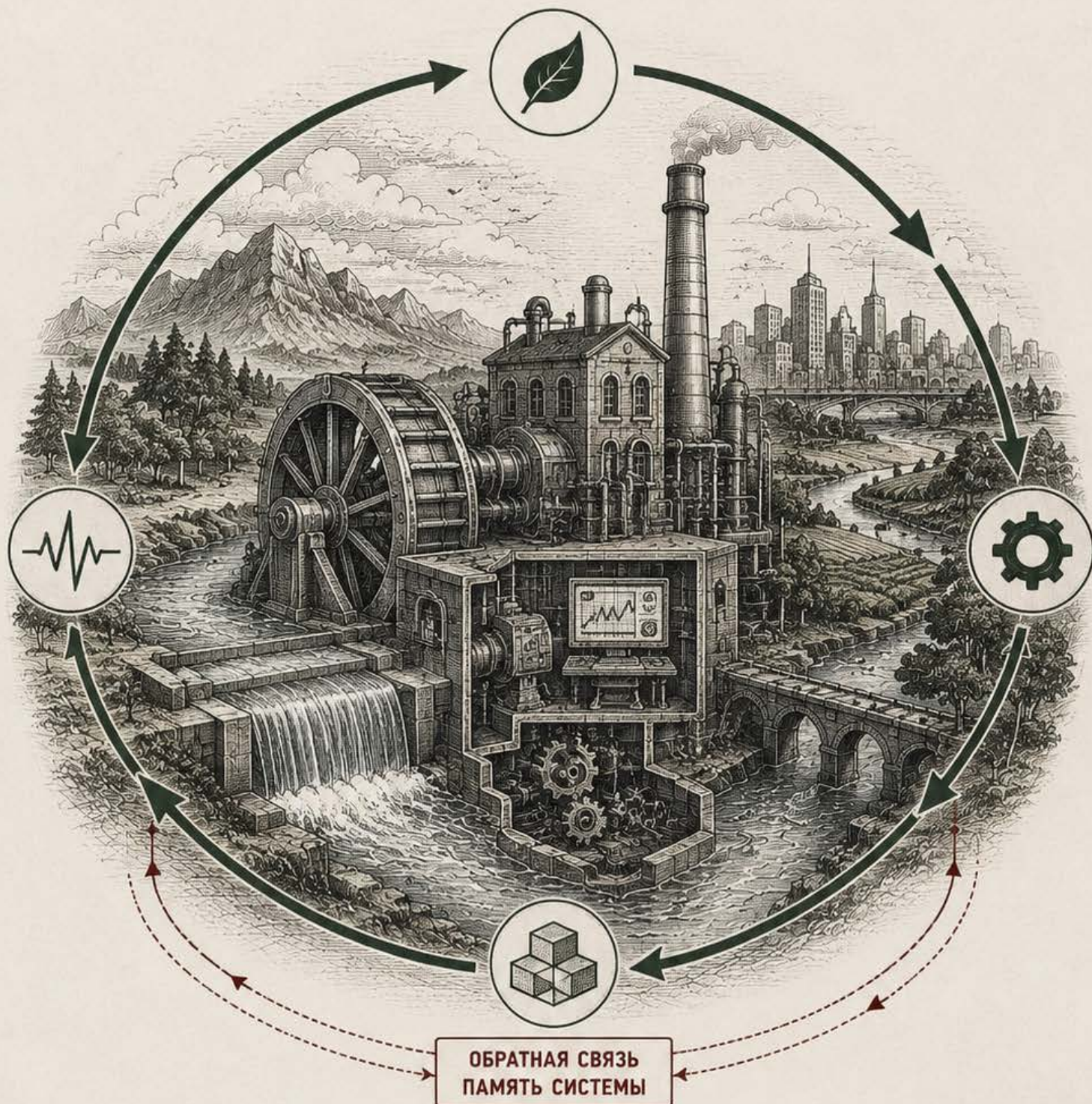
Формализуя тупик через строгую алгебраическую систему, автор доказывает, что пауза не является пустотой или ошибкой. Везде, где система доходит до предела, клинч выступает предохранителем. Принятие этой парадигмы способно кардинально повысить эффективность государственной политики, корпоративного управления и криминологического анализа. Понимание неустранимости клинча и обязательности «третьей фигуры» дает современному обществу готовый инструмент для предотвращения разрушительных кризисов, превращая паузы из фактора стагнации в точки роста и качественного сдвига.

This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

МАШИНА КАК ЦИКЛ:

ПОЧЕМУ СОВРЕМЕННАЯ ИНЖЕНЕРИЯ
ВСЁ ЧАЩЕ ТЕРЯЕТ СПОСОБНОСТЬ
СОЗДАВАТЬ УСТОЙЧИВЫЕ СИСТЕМЫ

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

- EMAIL: drmaltsev.oleg@gmail.com
- ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8589-6541>

Член президиума и академик Европейской академии наук Украины.

Руководитель НИИ “Институт Памяти”.
Учёный, криминолог, психолог, фотограф
и журналист-расследователь. Автор
новаторских научных трудов в области
криминологии, психологии и философии.

АННОТАЦИЯ

Современная цивилизация вступила в эпоху парадоксальной инженерной ситуации. Технологические системы становятся всё сложнее, вычислительные мощности — всё выше, а инфраструктура — всё интеллектуальнее. Однако одновременно с этим растёт хрупкость среды. Города требуют непрерывного контроля, системы — постоянного обслуживания, а устойчивость всё чаще достигается не внутренней согласованностью процессов, а внешней компенсацией через энергию, управление и мониторинг.

Настоящая статья предлагает рассматривать этот кризис не как следствие нехватки технологий, а как результат доминирования объектно-функционального мышления, сформировавшегося в индустриальную эпоху. В рамках этой логики инженерия концентрируется на создании устройств и локальных функций, постепенно утрачивая способность проектировать устойчивые циклы.

В противоположность этому вводится понятие машинного мышления — подхода, в котором машина понимается не

как механизм, а как процесс, воспроизводящий условия собственного существования. Опираясь на когнитивную науку, философию техники, урбанистику и теорию сложных систем, статья показывает, что кризис современной инженерии тесно связан с утратой длительного мышления, распадом циклического восприятия времени и когнитивной неспособностью удерживать процесс как целое.

ВВЕДЕНИЕ

Мир, который стал слишком сложным, чтобы быть устойчивым

Современный человек живёт внутри величайшей инженерной цивилизации в истории. Никогда прежде человечество не обладало такой вычислительной мощностью, такой скоростью коммуникации и такой способностью управлять сложными системами. Мы создаём автономные алгоритмы, интеллектуальные сети, распределённые инфраструктуры и глобальные системы мониторинга. Технологическая среда становится всё более плотной, взаимосвязанной и управляемой.

И всё же одновременно с ростом технического совершенства усиливается ощущение внутренней нестабильности мира.

Современный город не может существовать без непрерывной энергетической подпитки. Цифровая инфраструктура требует постоянного контроля. Логистические системы становятся уязвимыми к малейшим сбоям. Любая остановка обслуживания быстро превращается в кризис.

Возникает парадокс: цивилизация становится всё мощнее, но всё менее устойчивой.

Особенно важно то, что этот кризис невозможно объяснить нехваткой технологий. Напротив. Именно технологическое усложнение всё чаще становится источником новой хрупкости. Именно на этом такте возникает главный вопрос, послуживший толчком к написанию статьи:

что, если современная инженерия переживает не кризис мощности, а кризис самого способа мышления?

ВЕЛИКАЯ ПОДМЕНА

Как машина превратилась в устройство

Одной из самых незаметных интеллектуальных трансформаций XX века стало постепенное исчезновение различия между машиной и устройством. Сегодня эти понятия почти полностью совпадают. Однако исторически они описывали разные принципы организации реальности.

Устройство выполняет функцию. Оно существует локально, решает отдельную задачу и ориентировано на достижение конкретного результата. Современная инженерия достигла невероятного совершенства именно в создании подобных систем. Устройства стали быстрее, точнее, компактнее и эффективнее.

Но машина в более глубоком смысле никогда не была просто инструментом. Машина организует цикл.

Она создаёт не отдельный результат, а условия, внутри которых результат может воспроизводиться снова и снова.

МАШИНА ≠ УСТРОЙСТВО

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПОДМЕНА СОВРЕМЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ

УСТРОЙСТВО — ВЫПОЛНЯЕТ ФУНКЦИЮ

Работает локально. Существует отдельно от среды.

ЛИНЕЙНАЯ ЛОГИКА
последовательность действий

СВЕРЛО воздействует на материал

ХАРАКТЕРИСТИКИ УСТРОЙСТВА

- имеет границы и форму
- выполняет заданную операцию
- требует внешнего управления
- изнашивается и требует обслуживания
- существует вне контекста среды
- решает задачу, но не создаёт систему

МАШИНА — ОРГАНИЗУЕТ ПРОЦЕСС

Работает со средой. Формирует устойчивые циклы.

ХАРАКТЕРИСТИКИ МАШИНЫ

- не создается в форме — живет процесс
- взаимодействует со средой и изменяет её
- обладает внутренней логикой и ритмикой
- устойчива и самоподдерживается
- создает условия для будущих циклов
- формирует систему, а не просто результат

КЛЮЧЕВОЕ РАЗЛИЧИЕ

УСТРОЙСТВО РЕШАЕТ ЗАДАЧУ

Его цель — выполнить операцию.
Оно эффективно, пока работает.

X

МАШИНА СОЗДАЁТ МИР,
внутри которого решения
становятся возможными.
Её цель — поддерживать
и развивать процесс.

МАШИНА СОЗДАЁТ КОНТЕКСТ

Она эффективна, пока живёт цикл.
Она делает возможным
не только действие,
но и смысл действия.

“ УСТРОЙСТВО ДЛАЕТ ЧТО-ТО С МИРОМ.
МАШИНА ДЕЛАЕТ МИР ДРУГИМ. ”

Настоящая машина работает не только с функцией, но и:

- со средой,
- со временем,
- с ритмом,
- с памятью процесса,
- с устойчивостью структуры.

Таким образом возникает главный конфликт современной инженерии: человек научился совершенствовать функции, но постепенно перестал понимать, как создаются устойчивые циклы.

ВРЕМЯ КАК ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕРНЫЙ РЕСУРС

Почему устойчивость всегда медленная

Современная инженерия почти перестала воспринимать время как структурную категорию.

В объектно-функциональной логике время рассматривается прежде всего как препятствие. Его необходимо сокращать, оптимизировать и преодолевать. Производство ускоряется. Доставка ускоряется. Вычисления ускоряются. Управлен-

ческие решения ускоряются. Скорость становится главным признаком эффективности системы, раскрывая один из главных парадоксов современности. **Скорость и устойчивость — не одно и то же.**

Более того: очень часто они начинают противоречить друг другу.

Почва формируется столетиями. Экосистема создаётся десятилетиями. Город приобретает устойчивую структуру поколениями. Культура накапливает память веками. Любой длительный цикл требует времени не как издержки, а как условия собственного существования.

Именно поэтому машинное мышление фундаментально отличается от объектного. Устройство работает против времени. Оно стремится сократить длительность, ускорить результат, уменьшить цикл ожидания.

Машина работает вместе со временем. Она:

- накапливает структуру,
- согласует ритмы,
- усиливает устойчивость,
- превращает длительность в ресурс.

Это различие становится особенно важным в XXI веке. Современная цивилизация научилась резко сокращать время достижения результата, но одновременно разрушила время формирования устойчивости.

В результате мир становится быстрее, плотнее, эффективнее но всё менее способен выдерживать длительное существование без внешней поддержки.

КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА ОБЪЕКТНОГО МЫШЛЕНИЯ

Почему мозг любит функции

Кризис современной инженерии невозможно понять без когнитивной науки.

Исследования “Thinking, Fast and Slow”, работы Амоса Тверски, Герберта Саймона и Герда Гигеренцера показали, что человеческое мышление не предназначено для удержания сложных длительных процессов. Психика стремится сокращать сложность среды через быстрые эвристики, локальные решения и немедленные результаты.

Человек значительно легче воспри-

нимает объект, событие, функцию, отдельное действие. Гораздо труднее удерживать:

- ритм,
- накопление,
- постепенную деградацию,
- длинную причинную цепочку,
- цикл как непрерывный процесс.

Именно поэтому объектное мышление оказывается настолько психологически привлекательным.

Функция даёт мгновенный эффект. Цикл требует длительного мышления.

Современная цифровая среда усиливает эту когнитивную тенденцию до предела. Внимание дробится, скорость реакции становится важнее глубины восприятия, а краткосрочная эффективность начинает восприниматься как универсальный критерий успешности.

В результате возникает фундаментальная когнитивная ловушка.

Современная цивилизация всё лучше умеет реагировать на события, но всё хуже умеет замечать медленный распад среды.

Человек легко замечает поломку. Но почти не замечает: потерю ритма, истощение цикла, разрушение связности, накопление системной хрупкости. Именно поэтому большинство кризисов современности становятся видимыми слишком поздно. Цикл разрушается медленно. Внимание работает вспышками.

КИБЕРНЕТИКА КАК КОМПЕНСАЦИЯ

Когда управление заменяет устойчивость

Особенно ярко кризис циклического мышления проявляется в развитии кибернетических систем.

Первоначально кибернетика была попыткой понять универсальные принципы саморегуляции: обратную связь, устойчивость, адаптацию и согласованность процессов. Однако по мере усложнения цивилизации она постепенно превратилась в культуру непрерывного контроля.

Современная система становится

устойчивой не потому, что обладает внутренней согласованностью, а потому, что её постоянно удерживают от распада. Мониторинг, аналитика, коррекция, алгоритмы, внешнее управление, непрерывное вмешательство.

Чем сложнее становится система, тем больше ресурсов требуется для поддержания её стабильности.

Именно поэтому современная цивилизация начинает тратить всё больше энергии не на развитие среды, а на компенсацию собственной нестабильности. Это один из важнейших цивилизационных парадоксов XXI века: рост сложности увеличивает не устойчивость, а стоимость удержания устойчивости.

В результате контроль постепенно начинает подменять структуру процесса. Машинный цикл стабилизирует себя изнутри. Кибернетическая система удерживает стабильность через постоянную компенсацию извне.

Именно поэтому современный мир всё чаще напоминает гигантский механизм обслуживания самого себя.

РАСПАД ЦИКЛА

Как рождается неустойчивая система

Любая устойчивая система обладает циклической природой.

Экосистема воспроизводит ресурсы. Культура передаёт память. Город поддерживает ритмы взаимодействия. Организм удерживает внутренний баланс. Во всех аналогичных системах результат процесса становится условием следующего этапа цикла. Но объектно-функциональная логика постепенно разрушает эту структуру.

Сначала процесс разделяется на операции. Потом операции начинают существовать отдельно друг от друга. После этого появляется необходимость внешнего управления. Затем система утрачивает внутреннюю согласованность. И наконец начинается постоянная компенсация через контроль и обслуживание.

На определённом этапе обслуживание становится важнее развития. Это особенно заметно в современных инфраструктурах. Всё больше ресурсов уходит не на создание новой устойчивости, а на

поддержание работоспособности уже существующих систем.

Цивилизация начинает расходовать собственную энергию на борьбу с последствиями распада собственных циклов.

ГОРОД КАК ДЕЙСТВУЮЩАЯ МАШИНА

Архитектура, которая организует время

Наиболее наглядно различие между объектным и машинным мышлением проявляется в устройстве города. Современный урбанизм преимущественно проектирует объекты: жилые комплексы, транспортные узлы, коммерческие пространства, функциональные зоны.

Но город никогда не был просто совокупностью зданий. Город — это организация ритмов.

Он распределяет:

- потоки людей,
- энергию,
- внимание,
- информацию,
- скорость взаимодействия,

- временные циклы жизни.

Архитектура всегда работала как скрытая инженерия поведения. Улица задаёт темп движения. Площадь организует коллективное взаимодействие. Маршрут формирует привычку. Инфраструктура определяет ритм повседневности. **В этом смысле город представляет собой не объект, а длительный процесс согласования среды и времени.**

Именно поэтому многие древние города и архитектурные структуры продолжают воздействовать на человека даже после утраты первоначальной функции. Они сохраняют не только форму, но и организацию пространства, ритма и движения.ц

След продолжает работать после исчезновения механизма.

МАШИННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Инженерия после эпохи функций

Сегодня становится всё более очевидно, что дальнейшее усложнение систем невозможно бесконечно компенсировать управлением.

Контроль требует энергии. Мониторинг требует инфраструктуры. Коррекция требует вычислений. Обслуживание требует ресурсов. На определённом этапе стоимость удержания системы начинает расти быстрее, чем её полезность.

Именно поэтому XXI век постепенно превращается в эпоху возвращения циклического мышления. Инженерия будущего будет проектировать не отдельные устройства, а условия возникновения устойчивых процессов.

- Не функцию, а среду возникновения функции.
- Не краткосрочный эффект, а длительную воспроизводимость.
- Не управление каждым элементом, а согласование ритмов системы.

Это означает радикальный переход: от эксплуатации среды — к сотрудничеству с ней.

В такой логике архитектура становится организацией потоков, город — машиной длительности, инфраструктура — каркасом циклов, а инженерия — искусством создавать условия для устойчивой жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращение длительного мышления

Современная цивилизация переживает не кризис технологий, а кризис времени.

Мы научились достигать результата быстрее, чем когда-либо прежде, но одновременно начали разрушать длительность, внутри которой возникает устойчивость. Именно поэтому современный мир становится всё более быстрым и всё менее способным существовать без непрерывной компенсации.

Современная инженерия переживает не кризис технологий, а кризис мышления. Мы научились создавать всё более совершенные устройства, но постепенно утратили способность видеть процессы как целое. Возможно, именно поэтому современный мир становится всё сложнее, но не устойчивее.

Объектно-функциональное мышление оказалось не только инженерной моделью, но и отражением фундаментальных когнитивных ограничений человека. Психика предпочитает локальную задачу длительному циклу, быстрый эффект — накопительной устойчивости, функцию — процессу.

XXI век постепенно начинает сталкиваться с пределами этой логики. Сложность становится слишком дорогой. Контроль — слишком энергоёмким. Ускорение — слишком разрушительным для среды.

МАШИННОЕ МЫШЛЕНИЕ VS ОБЪЕКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ

ДВА ПОДХОДА К ИНЖЕНЕРИИ. ДВА ВЗГЛЯДА НА МИР. ДВА РЕЗУЛЬТАТА.

МАШИННОЕ МЫШЛЕНИЕ (ЦИКЛИЧЕСКОЕ)	ОБЪЕКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ (ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ)
 <p>Работает со средой как с целостной системой Видит процесс, контекст, взаимосвязи и ритмы. Стремится к устойчивости цикла.</p>	 <p>СУЩНОСТЬ</p>
 <p>Цикл Процесс непрерывен. Результат становится условием следующего цикла.</p>	 <p>ОСНОВА</p>
 <p>Устойчивость Создаёт условия самодостаточности и адаптации системы. Главное — длительность.</p>	 <p>ЦЕЛЬ</p>
 <p>Ритм и согласованность Согласует потоки, ритмы и структуры. Минимум внешнего управления.</p>	 <p>ПОДХОД</p>
 <p>Длительность Ориентировано на долговременный горизонт. Работает с временем как с ресурсом.</p>	 <p>ВРЕМЯ</p>
 <p>Среда, которая живёт Результат — живая система, которая развивается и воспроизводит свои условия.</p>	 <p>РЕЗУЛЬТАТ</p>

КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕШАЕТ КАЖДЫЙ ПОДХОД

МАШИННОЕ МЫШЛЕНИЕ РЕШАЕТ ПРОБЛЕМЫ:

устойчивости
ресурсных циклов
слабых систем
адаптации к среде
долговременной безопасности
качества жизни

ОБЪЕКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ РЕШАЕТ ПРОБЛЕМЫ:

производства
ремонта
оптимизации
стандартизации
масштабирования
оперативных задач

КЛЮЧЕВОЙ ВЫВОД — МАШИННОЕ МЫШЛЕНИЕ СОЗДАЁТ МИР, В КОТОРОМ ФУНКЦИИ МОГУТ СУЩЕСТВОВАТЬ. ОБЪЕКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ СОЗДАЁТ ФУНКЦИИ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ ПОСТОЯННОЙ ПОДДЕРЖКИ.

На этом фоне машинное мышление перестаёт быть теоретической альтернативой и превращается в необходимость. Машинное мышление предлагает другую оптику. Оно рассматривает систему не как совокупность функций, а как цикл взаимодействия среды, времени и пре-

образования.

Если инженерия XXI века хочет выйти за пределы бесконечного усложнения управления, ей придётся снова научиться мыслить не только объектами, но и процессами, потому что устройство решает задачу, а машина создаёт мир,

внутри которого задачи вообще приобретают смысл.

ЛИТЕРАТУРА

- Kahneman, D. (2011). Thinking, fast and slow. Farrar, Straus and Giroux.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*, 185(4157), 1124–1131.
- Simon, H. A. (1982). Models of bounded rationality. MIT Press.
- Gigerenzer, G. (2007). Gut feelings: The intelligence of the unconscious. Viking.
- West, G. (2017). Scale: The universal laws of life, growth, and death in organisms, cities, and companies. Penguin Press.
- Wiener, N. (1961). Cybernetics: Or control and communication in the animal and the machine (2nd ed.). MIT Press.
- Mumford, L. (2010). Technics and civilization. University of Chicago Press.
- Simondon, G. (2017). On the mode of existence of technical objects (C. Malaspina & J. Rogave, Trans.). Univocal Publishing.
- Alexander, C., Ishikawa, S., & Silverstein, M. (1977). A pattern language: Towns, buildings,

construction. Oxford University Press.

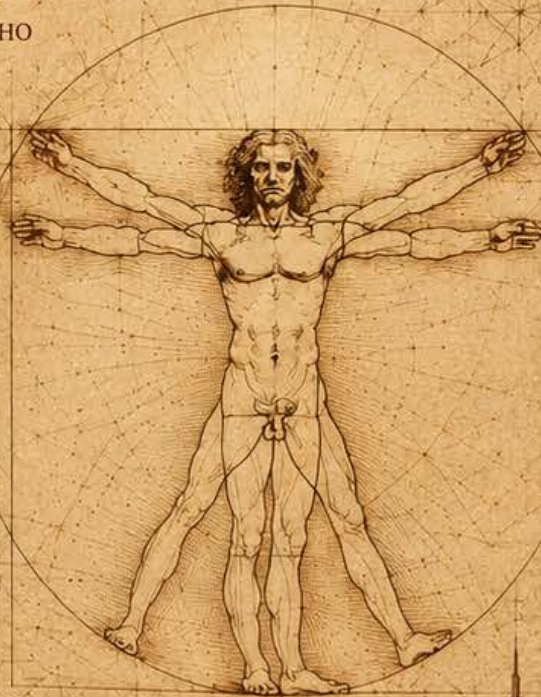
Jacobs, J. (1961). The death and life of great American cities. Random House.

This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

ПОСЛЕ ПСИХОЛОГИИ

К НАУКЕ О НАВИГАЦИИ ЧЕЛОВЕКА
ВО ВРЕМЕНИ, СРЕДЕ И НЕОБРАТИМОСТИ

ВРЕМЯ
НЕ ЛИНЕЙНО

РЕШЕНИЯ
ПОД ДАВЛЕНИЕМ

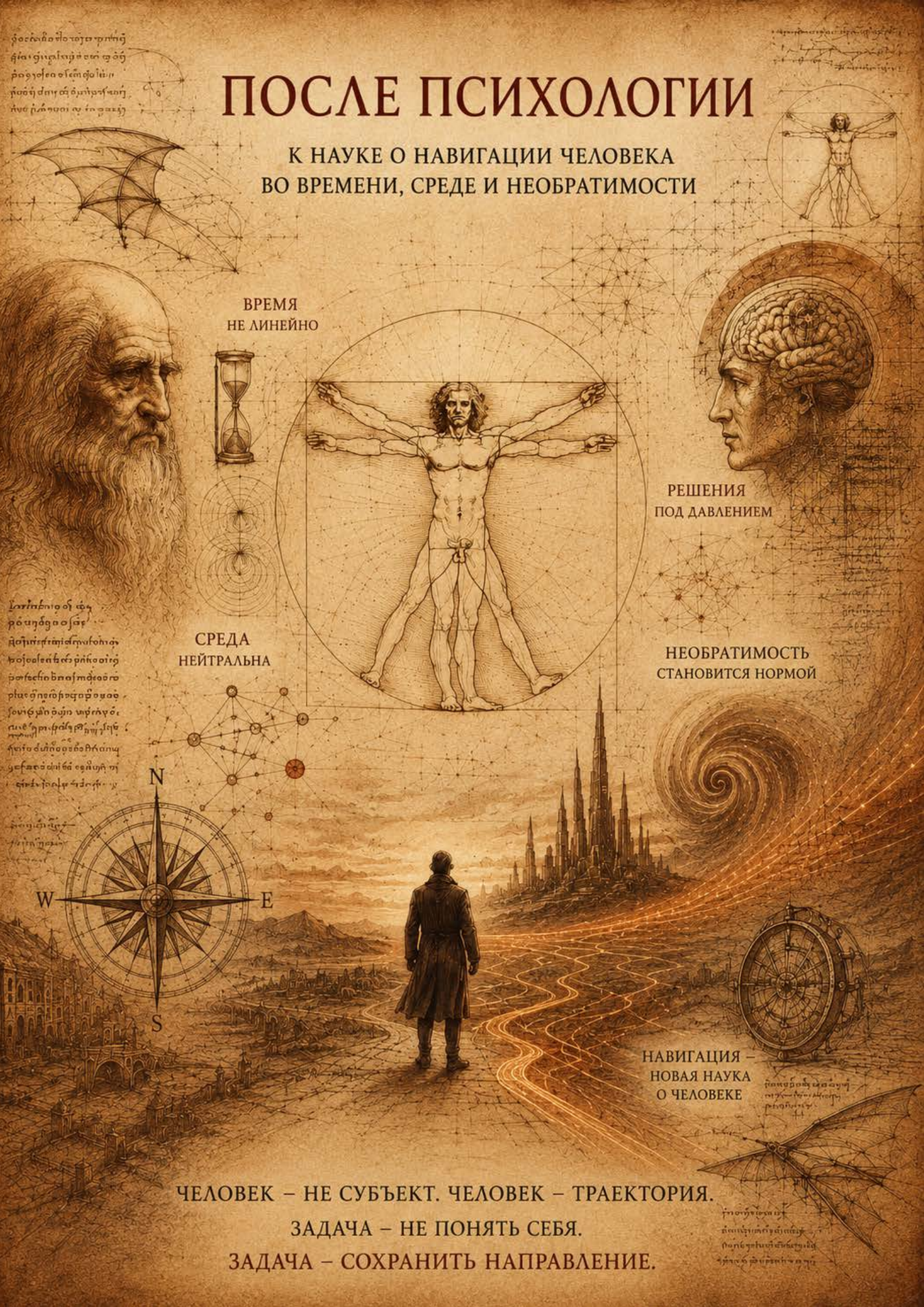
НЕОБРАТИМОСТЬ
СТАНОВИТСЯ НОРМОЙ

СРЕДА
НЕЙТРАЛЬНА

НАВИГАЦИЯ —
НОВАЯ НАУКА
О ЧЕЛОВЕКЕ

ЧЕЛОВЕК — НЕ СУБЪЕКТ. ЧЕЛОВЕК — ТРАЕКТОРИЯ.
ЗАДАЧА — НЕ ПОНЯТЬ СЕБЯ.
ЗАДАЧА — СОХРАНИТЬ НАПРАВЛЕНИЕ.

ИРИНА ЛОПАТЮК

Член-Корреспондент Украинской академии наук и Европейской академии наук Украины.

Судьбоаналитик, консультант по прикладному анализу решений и формированию бизнес-систем

АННОТАЦИЯ

Психология XX века возникла как наука о “внутреннем” человеке. Она изучала эмоции, мотивации, характер, убеждения, когнитивные процессы и механизмы поведения. Её фундаментальные модели формировались в мире, где время оставалось относительно медленным, решения принимались дискретно, а последствия ошибок чаще всего были локальными и обратимыми.

Однако XXI век постепенно изменил саму архитектуру человеческого существования.

Современный человек живёт внутри непрерывных потоков решений; агрессивных информационных сред; алгоритмического управления вниманием; ускоренных циклов реакции; необратимых цифровых и социальных последствий. В этих условиях психика всё чаще перестаёт быть автономным центром поведения.

Решения формируются под давлением темпа, архитектуры среды и плотности событий ещё до того, как включается рефлексия.

Статья освещает прикладную концепцию о том, что психология приблизилась к границе собственной применимости. На смену ей постепенно формируется новая междисциплинарная область —

навигационная наука о человеке.

Её объектом становится уже не психика сама по себе, а движение человека через системы времени, среды, ускорения и необратимости.

ДИАГНОЗ ЭПОХИ

Мир, который движется быстрее человека

Психология родилась в эпоху относительной медленности. Даже индустриальный XX век сохранял фундаментальную паузу между:

- событием и реакцией;
- ошибкой и последствиями;
- решением и катастрофой.

Человек успевал осмысливать происходящее; вырабатывать позицию; менять направление; исправлять ошибки. Именно в такой среде возникали классические представления: о личности; о характере; о стабильной идентичности; о рациональном выборе; о внутреннем субъекте.

Однако к началу XXI века сама структура среды изменилась. Сегодня человек существует внутри мира:

- непрерывных уведомлений;
- мгновенных финансовых реакций;

- социальных каскадов;
- цифровых следов;
- постоянной экспозиции;
- алгоритмической конкуренции за внимание.

Время между стимулом и реакцией стремительно сокращается.

Если психология XX века исследовала человека, который ещё успевал стать собой до момента выбора, то современная эпоха всё чаще производит человека-реактора — систему, непрерывно отвечающую на плотность входящих сигналов.

Главная проблема XXI века состоит не в том, что человек не знает, как поступить.

Главная проблема состоит в том, что скорость среды всё чаще не оставляет времени на формирование субъекта, который мог бы принять решение.

Ускорение как новая форма среды

Немецкий социолог Хартмут Роза описал современность как эпоху социального ускорения. Однако ускорение — это не просто рост скорости.

Ускорение меняет:
структуру внимания;
форму памяти;
механизм выбора;
способность к рефлексии.

Человек начинает жить не в мире событий, а в мире перегрузки.

Когнитивные исследования показывают:

при высокой плотности стимулов психика всё чаще переходит от анализа к реактивным эвристическим механизмам.

Это означает, что современная среда постепенно переводит человека:

- из режима мышления;
- в режим навигационного выживания.

Парадоксально, но именно в этот момент классическая психология начинает терять объект исследования.

Она продолжает задавать вопросы: почему человек испытывает тревогу? как формируются убеждения? каким

образом возникает мотивация?

Но эпоха ускорения требует другого вопроса:

в каком режиме времени оказался человек — и что в этом режиме вообще возможно?

Необратимость как новая антропологическая реальность

Одним из главных изменений XXI века стало распространение необратимых последствий на повседневную жизнь.

В прошлом необратимость ассоциировалась:

- с войной;
- смертью;
- катастрофой;
- государственными решениями.

Сегодня необратимость проникает в обыденность.

Публикация информации, цифровой след, финансовое решение, репутационный конфликт, социальная реакция, ошибка алгоритма — всё это может запускать последствия, которые невозможно полностью отменить.

Человек оказывается внутри мира, где цена ошибки растёт быстрее способности её осмыслить. Это фундаментально меняет природу поведения.

КРАХ АВТОНОМНОГО СУБЪЕКТА

Что когнитивная наука обнаружила о человеке

XX век строился на предположении, что человек является относительно автономным агентом. Даже если он эмоционален, иррационален, ошибается, — в основе поведения всё равно предполагался субъект, принимающий решения.

Однако ключевые исследования когнитивной науки постепенно разрушили эту модель.

Эксперимент Тверски и Канемана: человек не вычисляет вероятность — он узнаёт тип

В 1974 году Амос Тверски и Даниэль Канеман провели серию экспериментов, ставших поворотной точкой когнитивной науки.

Испытуемым сообщали, что в группе находятся:

- 70 инженеров;
- 30 юристов.

После этого предъявлялось описание человека:

«Джек любит точность, математические задачи и порядок. Он предпочитает одиночество и склонен к структурированному мышлению.»

Затем задавался вопрос: какова вероятность того, что Джек инженер?

С точки зрения теории вероятностей испытуемые должны были учитывать базовые частоты. Однако результаты показали обратное.

Большинство участников почти полностью игнорировало статистическое распределение и отвечало, исходя из семантического сходства описания со стереотипом инженера. Даже при изменении пропорций результаты менялись минимально.

Это означало не просто наличие ошибки. Эксперимент доказал гораздо более жёсткий вывод:

психика принимает решение не через вычисление, а через распознавание паттерна.

Человек реагирует не на вероятность, а на “знакомость” формы.

Конъюнктивная ошибка: смысл оказывается сильнее логики

В другом знаменитом эксперименте — Linda Problem — испытуемым предъявлялось описание женщины:

«Линда умна, социально активна и обеспокоена вопросами справедливости.»

После чего предлагалось выбрать более вероятный вариант:

1. Линда — банковский кассир.
2. Линда — банковский кассир и активистка феминистского движения.

Большинство участников выбирало второй вариант.

С точки зрения формальной логики это невозможно. Вероятность двух событий одновременно не может быть выше вероятности одного события.

Но психика выбирала не логику. Она выбирала когерентный нарратив. Этот эксперимент разрушал классическое представление о рациональном агенте.

Человек оказывается существом, которое предпочитает:

- смысл;
- целостность образа;
- семантическую плотность;
- а не математическую корректность.

Элсберг: человек боится не риска, а неизвестности

В 1961 году Даниэль Элсберг провёл эксперимент, который показал: люди различают риск и неопределённость.

Испытуемым предлагалось выбирать между урнами:

- в одной распределение шаров известно;
- в другой — неизвестно.

Большинство участников стабильно избегало урны с неопределённостью, даже когда рациональный расчёт не давал оснований для такого поведения.

Это означало: *человеческое поведение определяется не только вероятностью событий, но и переносимостью неизвестности.*

Фрейминг: решения зависят от формулировки мира

В эксперименте Asian Disease Problem участникам предлагались две программы борьбы с эпидемией.

В одной версии:

- «200 человек будут спасены».

В другой:

- «400 человек умрут».

Математически сценарии были идентичны. Однако предпочтения испытуемых менялись радикально. Это означало: *решение зависит не от реальности как таковой, а от формы её представления.*

Формулировка начинает управлять поведением.

Что именно разрушили когнитивисты

Совокупность этих исследований привела к фундаментальному выводу.

Человеческое решение:

- не извлекается из стабильной личности;
- не является полностью автономным;
- не опирается на последовательную рациональность.

Оно формируется:

- контекстом;
- архитектурой среды;
- дефицитом времени;
- способом предъявления информации.

Именно здесь начинается кризис классической психологии.

Психология продолжает изучать внутреннего человека. Но когнитивная наука постепенно доказывает: внутренний человек всё чаще является эффектом среды, а не её независимым источником.

СРЕДА КАК АКТИВНЫЙ АГЕНТ

Архитектура решений

Одним из главных открытий XXI века стало понимание того, что среда больше

не является фоном человеческого поведения.

Она становится активным участником решения.

Интерфейсы, алгоритмы, архитектуры выбора, уведомления, системы рейтингов, платформенные механики, UX-дизайн — всё это постепенно начинает формировать пространство возможных действий ещё до того, как возникает осознанный выбор.

Человек принимает решение внутри уже сконструированной траектории.

Алгоритмы внимания

Цифровые платформы конкурируют не за деньги, а за время нервной системы. Алгоритмам требуется удерживать реакцию; минимизировать паузу; повышать плотность стимулов.

Это приводит к постепенному разрушению пространства внутреннего замедления. А именно замедление исторически являлось основой рефлексии; морального выбора; формирования позиции.

Итак, человек всё чаще существует в

режиме непрерывного когнитивного перехвата.

Манипуляция через время

Классическая пропаганда воздействовала через содержание. Современные системы воздействия всё чаще работают через темп.

Исследования когнитивных искажений показывают: когда у человека исчезает время на размышление, пространство альтернатив резко сокращается.

Самой эффективной формой управления становится не запрет, а устранение паузы. Мир ускорения постепенно производит человека, который физически не успевает построить дистанцию между стимулом и реакцией.

Среда как система дрессировки

Когнитивные эксперименты Тверски и Канемана можно интерпретировать как доказательство того, что значительная часть поведения формируется через повторяющиеся стимулы среды.

Психика обучается:

- реагировать на знакомые формы;
- избегать неопределённости;
- искать подтверждение;
- экономить время реакции.

В этом смысле современный человек всё чаще оказывается не автономным субъектом, а навигационной системой, адаптирующейся к плотности среды.

РОЖДЕНИЕ НАВИГАЦИОННОГО ЧЕЛОВЕКА

Смещение объекта науки

Если классическая психология изучала: эмоции; мотивации; убеждения; внутренние конфликты, то XXI век постепенно выдвигает другой объект исследования.

Этим объектом становится: движение человека через среды, режимы времени, архитектуры давления и необратимые переходы.

Человек XXI века — это уже не столько носитель характера, сколько носитель траектории.

Человек как траектория

Современная жизнь всё меньше напоминает последовательность отдельных решений.

Она всё больше напоминает:

- прохождение потоков;
- навигацию через кризисы;
- удержание курса внутри нестабильных систем.

Именно поэтому центральным вопросом новой науки становится не: "что чувствует человек?", а "куда движется его траектория — и какие среды формируют этот путь?"

Темпоральные режимы психики

Когнитивные исследования показывают: мышление радикально меняется в зависимости от времени. Психика в условиях:

- дефицита времени;

ускорения;

высокой плотности решений;

постоянной угрозы

функционирует иначе, чем в условиях

стабильности. Это означает:

психика не является постоянной структурой. Она зависит от режима существования.

Предельные состояния как системный эффект

Агрессия, импульсивность, моральная редукция, эмоциональное истощение, радикализация — всё чаще возникают не как индивидуальные отклонения, а как закономерные реакции перегруженной среды.

Работы Филипа Зимбардо, Рене Жирара, исследования кризисных толп, цифровых мобилизаций и финансовых паник показывают:

экстремальное поведение может быть нормальной реакцией на экстремальную архитектуру среды.

НАВИГАЦИОННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Рождение новой дисциплины

Постепенно становится очевидным: классическая психология больше не может оставаться единственной наукой о человеке. Не потому,

что она ошибочна, но потому, что изменился сам объект.

Предлагаемая дисциплина может быть названа:

НАВИГАЦИОННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ или НАВИГАЦИОННАЯ НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ.

Её предмет

Новая дисциплина изучает:

движение человека во времени;

- прохождение через кризисные сре-

- ды;
- архитектуру решений;
- навигацию внутри сложных систем;
- пороги необратимости;
- взаимодействие психики и уско-

рения.

Её главный вопрос

Психология спрашивала: “что происходит внутри человека?”

Навигационная наука спрашивает: *через какие режимы, среды и пределы проходит человек — и куда ведёт эта траектория?*

Психология	Навигационная наука
Внутренние состояния	Режимы существования
Коррекция	Навигация
Терапия	Работа с траекторией
Адаптация	Предотвращение фатальных входов
Индивид	Человек-в-системе
Интерпретация	Управление порогами
Поведение	Архитектура движения

Отличие от психологии НОВАЯ ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

Главное отличие заключается в смене единицы анализа. Психология изучала личность, характер, поведение. Навигационная антропология начинает изучать:

- траектории;
- среды;
- режимы;
- плотность времени;
- необратимые переходы.

Это уже не расширение психологии. Концептуально это переход к другой форме знания.

ЭТИКА НЕОБРАТИМОСТИ

Отказ от гуманистических иллюзий

Навигационная наука неизбежно формирует новую этику. Она оказывается го-

раздо жёстче гуманистической культуры XX века. Эта этика не обещает гармонии; полного самораскрытия; устранения конфликтов; универсального счастья.

Дело в том, что ускоренный мир не гарантирует человеку времени даже на стабилизацию собственной идентичности. И скрывать это ни к чему.

Новая этика формулируется иначе

Не всё можно исправить. Не всё стоит проживать. Не во всё следует входить.

Главной задачей становится:

- не максимизация опыта,
- а предотвращение фатальных траекторий.

Цена решения

Классическая культура предполагала: *человек может ошибаться, а затем корректировать себя.*

Но в мире высокой необратимости цена ошибки растёт быстрее возможностей коррекции. Поэтому навигационная наука становится не только наукой понимания, но и наукой ограничения. Иногда главной формой мудрости оказывается: *не входить*.

Практические области применения

В ближайшие десятилетия навигационный подход может стать критически важным в ряде областей.

Подготовка управленческих элит

Лидеры XXI века работают внутри:

- перегруженных систем;
- ускоренных циклов;
- информационной войны;
- высокой неопределённости.

Им требуется не только психология мотивации, но и способность навигации через режимы кризиса.

Финансовые системы

Современные рынки представляют собой среды:

- ускоренных реакций;
- каскадных эффектов;
- нелинейных паник.

Поведение участников рынка всё чаще определяется:

- плотностью информации;
- архитектурой сигналов;
- скоростью распространения решений.

Безопасность и криминология

Многие современные формы радикализации, насилия, массовой агрессии и криминального поведения связаны не только с индивидуальными особенностями, но и с режимами среды.

Навигационный подход позволяет работать:

- с условиями входа;
- с архитектурой давления;
- с порогами необратимости.

Искусственный интеллект

Развитие ИИ радикально усиливает проблему навигации. Человек всё чаще принимает решения внутри сред, созданных нечеловеческими системами

оптимизации.

Это требует новой науки о взаимодействии:

- психики;
- алгоритмов;
- времени;
- среды.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

После психологии

Работы Дорис Лессинг, современная теория риска, когнитивная наука и исследования ускорения постепенно подводят к одному выводу. Эпохи меняются не тогда, когда появляются новые технологии. Они меняются тогда, когда прежняя форма человека перестаёт выдерживать плотность реальности.

Психология была великой наукой эпохи постепенности; коррекции; относительной стабильности.

Но мир XXI века всё чаще становится миром:

- ускорения;

- непрерывных решений;
- архитектур давления;
- манипулятивных сред;
- необратимых последствий.

Такому миру требуется другая форма знания.

ПРОГРАММА НА 30–40 ЛЕТ

Этап I (0–10 лет)

- формирование понятийного аппарата;
- создание навигационных моделей;
- разработка диагностик темпоральных режимов;
- исследование архитектур решений;
- подготовка специалистов навигационного профиля.

Этап II (10–25 лет)

- создание исследовательских центров;
- интеграция с ИИ и системами прогнозирования;
- внедрение в образование и безопасность;

- развитие навигационных симуляторов;
- институционализация дисциплины.

Этап III (25–40 лет)

изменение образовательных стандартов;

переход от психологии адаптации к навигационной подготовке;

разработка систем предотвращения фатальных решений;

формирование новой антропологии ускоренного мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После психологии

Психология XX века стала одной из важнейших наук о человеке. Она научилась объяснять эмоции, мотивации, когнитивные процессы и механизмы поведения.

Однако ускоряющийся мир постепенно изменил саму структуру человеческого существования.

Человек XXI века всё реже действует в условиях:

- стабильного времени;
- полной информации;
- обратимости решений;
- автономии от среды.

Он существует внутри плотных систем ускорения, алгоритмов, архитектур решений и необратимых переходов.

Это означает, что наука о человеке также должна изменить свой объект.

Если классическая психология изучала внутренние состояния субъекта, то новая навигационная перспектива начинает изучать:

**движение человека через среды;
взаимодействие с ускорением;
прохождение необратимых границ;
архитектуру судьбоносных траекторий.**

Возможно, в ближайшие десятилетия

центральным вопросом науки о человеке станет уже не “почему человек так чувствует?”, а “как человеку не потеряться в мире, который движется быстрее него?”

Именно поэтому итоговую формулу этой статьи можно выразить так:

Психология объясняла человека.

Навигационная наука должна научить его проходить через мир необратимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Когнитивная психология и теория решений

Daniel Kahneman. Thinking, Fast and Slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.

Amos Tversky, Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. Vol. 185.

Simon H. Models of Bounded Rationality. Cambridge, MA: MIT Press, 1982.

Gigerenzer G. Gut Feelings: The Intelligence of the Unconscious. New York: Viking, 2007.

Социология риска и сложных систем

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage Publications, 1992.

Perrow C. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Taleb N. N. The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. New York: Random House, 2007.

Время, ускорение и социальные изменения

Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2013.

Elias N. Time: An Essay. Oxford: Blackwell, 1992.

Психология среды и поведения

Thaler R., Sunstein C. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and

Happiness. New Haven: Yale University Press, 2008.

Zimbardo P. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil. New York: Random House, 2007.

Антропология и культурологический контекст

Doris Lessing. Prisons We Choose to Live Inside. London: HarperCollins, 1987.

Douglas M. Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. London: Routledge, 1992.

Girard R. Violence and the Sacred. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977.

Художественные источники (аналитические оптики)

Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. Roadside Picnic.

Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. The Snail on the Slope.

Arkady Vayner, Georgy Vayner. Era of Mercy.

This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

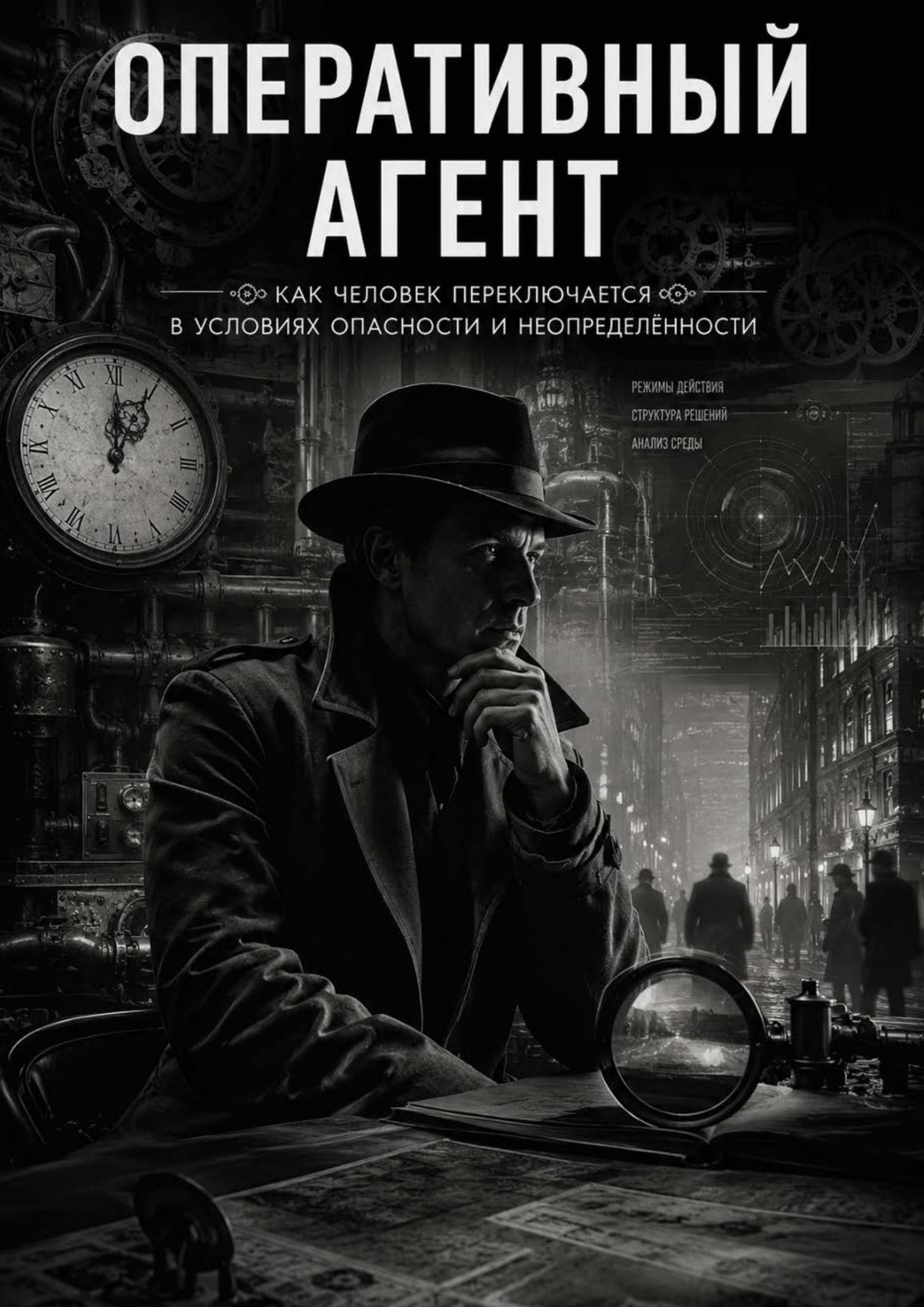
ОПЕРАТИВНЫЙ АГЕНТ

— ◉ ◉ КАК ЧЕЛОВЕК ПЕРЕКЛЮЧАЕТСЯ ◉ ◉ —
В УСЛОВИЯХ ОПАСНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

РЕЖИМЫ ДЕЙСТВИЯ

СТРУКТУРА РЕШЕНИЙ

АНАЛИЗ СРЕДЫ

ЕКАТЕРИНА СИДОРОВА

Журналист Литературно-научного Вестника им. Грушевского, Секретарь Одесского научного фотографического общества

Представьте себе простую сцену. На оживлённом перекрёстке происходит авария. Машины останавливаются, кто-то начинает кричать, кто-то достаёт телефон, кто-то пытается спорить, выяснять виноватых. Один человек стоит посреди дороги совершенно растерянный, будто происходящее не помещается у него в голове. Второй начинает лихорадочно суетиться и только усиливает хаос. А третий — спокойно оценивает обстановку, быстро понимает, что делать, вызывает помощь, организует людей и действует так, словно заранее был готов именно к этому моменту.

Или другая сцена. В компании неожиданно рушится крупный проект. Вчера всё работало, сегодня — **кризис**. Один руководитель требует отчёты, пытается восстановить инструкции и бесконечно проводит совещания. Другой мгновенно собирает команду, перераспределяет задачи, отбрасывает лишнее и начинает действовать по ситуации. Через несколько часов

становится понятно: первый окончательно потерял управление, второй удержал систему от развала.

Самое странное заключается в том, что оба могли быть одинаково опытны. Оба могли пройти хорошую подготовку. Оба могли обладать высоким интеллектом и профессиональными знаниями. И всё же в критический момент они действовали совершенно по-разному.

Почему?

На протяжении десятилетий подобные вещи объясняли характером, темпераментом, стрессоустойчивостью, личностными качествами или силой воли. Однако чем внимательнее исследователи наблюдали поведение человека в условиях неопределённости, тем очевиднее становилось: привычные объяснения работают плохо. Они описывают человека слишком гру-

бо и слишком поверхностно.

В последние годы учёный Олег Мальцев предложил новую модель анализа человеческого действия, вводящую принципиально новую категорию — **«оперативный агент»**.

На первый взгляд термин звучит непривычно и даже немного натораживающе. Однако речь идёт вовсе не о спецслужбах, не о шпионской романтике и не о психологических масках личности. Речь идёт о скрытой архитектуре человеческого действия — о том, как именно человек организует себя в момент давления, риска, нехватки времени и разрушения привычного порядка.

Именно здесь начинается самое интересное.

Мы привыкли думать, что действуем всегда «одним и тем же со-

бой». Но достаточно человеку попасть в критическую ситуацию, как вдруг оказывается: его взгляд меняется, тело меняется, внимание меняется, скорость мышления меняется, способ принятия решений меняется. Иногда настолько резко, что окружающим кажется: перед ними буквально другой человек.

Многие сталкивались с этим феноменом, но редко обращали на него внимание. В спокойной обстановке человек может быть мягким, рассеянным, медлительным. Но стоит ситуации резко осложниться — и он неожиданно становится собранным, холодным и предельно точным. Бывает и наоборот: уверенный и компетентный человек внезапно «ломается», теряет управление и начинает совершать ошибки, которых от него никто не ожидал.

Что же переключается внутри человека?

Именно на этот вопрос и пытается ответить концепция оперативного агента.

Согласно этой модели, оперативный агент — это не личность и не характер. Это режим, в котором человек действует здесь и сейчас. Иными словами, это способ организации действия в конкретной среде и при конкретном уровне давления.

Проще говоря, оперативный агент определяет, как человек будет:

- воспринимать ситуацию;
- распределять внимание;
- работать со временем;
- принимать решения;
- взаимодействовать с окружающей средой;
- действовать в условиях неопределённости.

Это крайне важный момент. Потому что оперативный агент — не навык. Навык — это умение выполнять определённую операцию. Но один и тот же навык в разных условиях может работать

совершенно по-разному. Более того, иногда прекрасно подготовленный человек оказывается беспомощным именно тогда, когда его подготовка должна была помочь.

Каждый, кто работал в кризисной среде, видел подобное не раз. Человек знает инструкцию, знает алгоритм, знает последовательность действий — и всё равно «зависает». Почему? Потому что сама среда уже изменилась быстрее, чем его способ организации действия.

Представьте опытного диспетчера, привыкшего к стабильной системе. Пока всё развивается предсказуемо, он действует безупречно. Но происходит сбой, время резко сжимается, поступают противоречивые данные, привычный порядок рушится — и человек начинает пытаться удержать старую схему там, где она уже не работает. Он усиливает контроль, требует больше информации, пытается восстановить прежнюю последовательность действий. Но проблема в том, что ситуация ушла вперёд. Среда уже требует другого режима.

И наоборот: иногда человек без выдающейся подготовки неожиданно начинает действовать удивительно точно именно в хаосе. Он не ждёт идеальных условий. Он ориентируется по самой ситуации, по её конфигурации, по напряжению среды. Он быстрее замечает угрозы, быстрее адаптируется и быстрее принимает решения.

Именно здесь концепция оперативного агента делает следующий важный шаг. Она показывает: люди могут действовать через принципиально разные архитектуры.

Олег Мальцев выделяет два базовых типа оперативных агентов.

Первый тип можно условно назвать инструментальным агентом. Его основа — средство, алгоритм, регламент, правильная форма действия. Такой человек стремится действовать последовательно и правильно. Он опирается на инструкцию, на проверенный способ, на структуру. Это человек системы, процедуры и устойчивого порядка.

Именно такие люди великолепно работают там, где важны:

- точность;
- дисциплина;
- воспроизводимость;
- стабильность;
- контроль;
- соблюдение правил.

Хороший инженер, хирург, диспетчер, бухгалтер, оператор сложной системы — часто это примеры именно инструментального типа действия.

Но у этой архитектуры есть предел. Она хорошо работает, пока сама среда остаётся относительно устойчивой. Как только время резко сжимается, а ситуация начинает меняться быстрее, чем разворачивается привычный алгоритм, система начинает давать сбой.

Представьте человека, который привык

решать всё последовательно. Он должен сначала оценить, потом сверить, потом проверить, потом принять решение. И вдруг ситуация требует действовать мгновенно. У него просто не хватает времени на привычную архитектуру действия. Отсюда возникает феномен ступора, задержки или внутреннего «зависания».

Второй тип — ситуационный агент. Здесь основой действия становится уже не инструмент, а сама конфигурация среды. Такой человек ориентируется не на заранее заданный алгоритм, а на происходящее здесь и сейчас. Он быстрее перестраивается, быстрее меняет способ действия и легче переносит неопределённость.

Это люди, которые часто особенно эффективны:

- в кризисах;
- в переговорах;
- в нестабильной среде;
- в экстремальных условиях;

в быстро меняющихся ситуациях.

Однако и у этой архитектуры есть своя слабость. В стабильной системе ситуационный агент может создавать проблемы. Он начинает импровизировать там, где требуется порядок. Нарушает процедуры. Уходит в чрезмерную гибкость. Там, где нужен регламент, он пытается действовать «по ситуации».

И вот здесь возникает крайне любопытный вывод.

Многие конфликты между людьми на самом деле являются конфликтами архитектур действия.

Один человек требует порядка и последовательности. Другой пытается действовать гибко и быстро. Один хочет всё стабилизировать. Другой считает, что

медлить нельзя. Один воспринимает второго как хаотичного и опасного. Второй воспринимает первого как медленного и беспомощного.

В результате они могут искренне считать друг друга непрофессиональными, хотя на самом деле оба просто ориентированы на разные типы среды.

Если внимательно посмотреть на современные организации, семьи, управленческие команды и даже дружеские отношения, становится видно: огромное количество конфликтов возникает именно здесь.

Начальник требует соблюдать процедуру. Сотрудник пытается «решить вопрос». Один человек хочет сначала всё обсудить и продумать. Другой начинает действовать немедленно. Один воспринимает происходящее как задачу точности. Другой — как задачу выживания в хаосе.

До появления концепции оперативного агента подобные вещи чаще объясняли психологической несовместимостью или особенностями характера. Но новая

модель показывает более глубокий уровень — уровень самой архитектуры действия.

Особенно важной эта тема становится сегодня.

XXI век радикально изменил среду человеческой жизни. Скорость процессов выросла. Информационная нагрузка стала колоссальной. Неопределённость перестала быть исключением и стала нормой. Кризисы, перегрузки, внезапные изменения и постоянное давление времени постепенно превращаются в обычную часть повседневности.

Раньше человек мог десятилетиями жить в одной и той же системе. Один и тот же способ действия обеспечивал ему устойчивость почти всю жизнь. Сегодня это работает всё хуже.

Современная среда требует способности переключаться.

Именно поэтому концепция оперативного агента выходит далеко за пределы психологии или прикладной науки. Она начинает касаться бизнеса, образования, управления, подготовки

специалистов и даже повседневной жизни.

Представьте руководителя, который понимает, какой тип архитектуры действия у его сотрудников. Один человек прекрасно держит стабильный процесс, но теряется в кризисе. Другой способен вытаскивать самые тяжёлые ситуации, но плохо переносит рутину. Третий быстро адаптируется, но не умеет долго работать в жёсткой системе.

**Это уже не абстрактная теория.
Это инструмент понимания людей.**

Точно так же и сам человек начинает иначе смотреть на себя. Почему в одних ситуациях он действует блестяще, а в других словно теряет часть собственных возможностей? Почему иногда он неожиданно оказывается сильнее, чем думал? Почему некоторые среды словно «включают» его, а другие — наоборот, подавляют?

Концепция оперативного агента предлагает новый способ ответить на

эти вопросы.

Именно здесь начинается, возможно, самое важное.

Если существуют разные архитектуры действия, возникает следующий вопрос:

можно ли научиться осознанно переключаться между ними?

В исследованиях Олега Мальцева появляется ещё одна категория — метарегулятор. Пока эта тема остаётся скорее направлением дальнейших исследований, чем завершённой теорией. Но сама постановка вопроса уже выглядит чрезвычайно важной.

Если человек способен замечать собственные режимы действия, понимать их ограничения и осознанно менять архитектуру поведения в зависимости от среды — это открывает совершенно новый уровень управления собой.

Возможно, главный вызов XXI века состоит уже не только в накоплении знаний и навыков. Всё большее значение

МИР ИЗМЕНИЛСЯ. ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ПЕРЕКЛЮЧАТЬСЯ
ОПЕРАТИВНЫЙ АГЕНТ – КЛЮЧ К УПРАВЛЕНИЮ СОБОЙ И ДЕЙСТВИЕМ

КОНФЛИКТЫ АРХИТЕКТУР ДЕЙСТВИЯ

СТРЕМЛЕНИЕ К ПОРЯДКУ: процедуры, точность, стабильность

СТРЕМЛЕНИЕ К ДЕЙСТВИЮ: скорость, гибкость, адаптация

XXI ВЕК – ЭПОХА НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

РОСТ СКОРОСТИ, ПОТОК ИНФОРМАЦИИ, НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ, ПОСТОЯННОЕ ДАВЛЕНИЕ

ЗАЧЕМ НУЖЕН ОПЕРАТИВНЫЙ АГЕНТ?

АРХИТЕКТУРА ДЕЙСТВИЯ

СТАБИЛЬНОСТЬ: держит процессы

КРИЗИС: срывает в хаосе

АДАПТАЦИЯ: перестраивается под среду

НОВЫЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Почему в одних ситуациях я теряюсь?
Почему иногда способен на большее?
Почему одни среды «включают», а другие – нет?

Что именно во мне переключается?
Как использовать это осознанно?

МЕТАРЕГУЛЯТОР – СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ
Способность осознать и менять режим действия.

ЗАМЕЧАТЬ режим → ПОНИМАТЬ ограничения → МЕНЯТЬ архитектуру → СОХРАНЯТЬ управляемость

НЕ ТОЛЬКО ЗНАНИЯ, НО И УПРАВЛЯЕМОСТЬ
Главный вызов века – сохранить контроль в изменчивом мире.

ЗНАНИЯ + НАВЫКИ + ОПЫТ → УПРАВЛЯЕМОСТЬ В ЛЮБОЙ СРЕДЕ

**ВАЖНО НЕ ТО, КТО ТЫ ПО ХАРАКТЕРУ ИЛИ ОПЫТУ.
ВАЖНО ТО, КАК ТЫ ОРГАНИЗУЕШЬ СВОЁ ДЕЙСТВИЕ, КОГДА ПРИВЫЧНЫЙ ПОРЯДОК РУШИТСЯ.
ЭТО И ЕСТЬ РАБОТА ОПЕРАТИВНОГО АГЕНТА.**

приобретает способность сохранять управляемость в меняющейся среде.

И здесь концепция оперативного агента неожиданно меняет сам взгляд на человека.

Мы привыкли оценивать людей по опыту, образованию, характеру и профессиональным качествам. Но в критический момент решающим может оказаться совсем другое — как именно человек организует своё действие, когда привычный порядок начинает рушиться.

Возможно, именно этот скрытый механизм мы и начинаем замечать только сейчас.

This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

АЛХИМИЯ И ХИМИЯ ПСИХИКИ

В СВЕТЕ ТЕСТА СОНДИ

ХИМИЯ ПСИХИКИ –
РЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ РЕАКЦИЮ

ВЛЕЧЕНИЯ • СОСТОЯНИЯ • РЕАКЦИИ • ТРАНСФОРМАЦИЯ

АЛХИМИЯ ПСИХИКИ –
ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ВЫБОРА

ПРОЦЕСС РЕАКЦИИ

- ОЦЕНКА СИТУАЦИИ
- ПСИХОХИМИЧЕСКИЙ СДВИГ
- ЗАПУСК
- ДВИЖЕНИЕ
- ЗАКРЕПЛЕНИЕ

ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ

- ОСОЗНАНИЕ ПАТТЕРНОВ
- ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ
- ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ
- НОВАЯ СТРУКТУРА ВЫБОРА
- НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

8 ФАКТОРОВ – 4 ВЕКТОРА – 8 РЕГУЛЯТОРОВ РЕАКЦИИ

СОНДИ –
источник напряжения
(влечение)

ХИМИЯ ПСИХИКИ –
реализация через
реакцию

АЛХИМИЯ ПСИХИКИ –
изменение структуры
выбора

МАРИНА ИЛЬЮША

Руководитель НИИ “Международное судьбоаналитическое сообщество”,
Секретарь Европейской академии наук
Украины

Если внимательно посмотреть на развитие психологии за последние столетия, становится очевидно: дисциплина накопила огромное количество знаний, но не собрала их в работающую систему. Одни подходы объясняют, почему человек склонен к определённым выборам, другие — как он действует в конкретной ситуации, третьи — как он может измениться. Однако между этими уровнями отсутствует жёсткая инженерная связка.

Именно поэтому возникает парадокс: человек может понимать свои мотивы, но не управлять действиями; может обладать техникой, но не попадать в результат; может стремиться к изменениям, но оставаться в рамках прежних реакций. Это не проблема «личности» или «воли» — это следствие того, что психика до сих пор не рассматривается как единая система.

Ключевой разрыв проходит между двумя вопросами: почему человек выбирает и как реализуется этот выбор. Тест Сонди даёт ответ на первый во-

прос, химия психики — на второй. Но только их объединение позволяет увидеть целостную картину. Именно здесь возникает концептуальное новшество — переход от разрозненных описаний к модели психики как реактора, в котором напряжение, состояние и действие связаны в единую цепь.

ПСИХИКА КАК РЕАКТОР: СМЕНА ОПТИКИ И РОЖДЕНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ

Предлагаемый подход принципиально отказывается от рассмотрения психики как набора свойств или функций. Вместо этого вводится иная оптика: психика — это реактор, в котором происходят последовательные преобразования.

В этой системе тест Сонди перестаёт быть инструментом диагностики и становится картой источников напряжения. Он показывает не поведение, а направление энергии — то, куда человек склонен двигаться в своём

выборе. Химия психики описывает, как это напряжение проходит через систему, превращаясь в состояние и затем в действие. Алхимия психики добавляет третий уровень — она отвечает за изменение самой структуры, определяющей выбор.

В результате возникает непрерывная цепь:

влечение → оценка → психохимический сдвиг → запуск → движение → закрепление → трансформация.

Новизна заключается не в отдельных элементах, а в их соединении. Впервые появляется модель, которая одновременно объясняет происхождение действия, механизм его реализации и возможность изменения самой системы. Это переводит психологию из области описаний в область инженерии процессов.

ФАКТОРЫ СОНДИ КАК ПАРАМЕТРЫ РЕАКТОРА, А НЕ ТИПЫ ЛИЧНОСТИ

Ключ к практическому применению модели — в переосмыслении факторов Сонди. В классическом подходе они рассматриваются как характеристики личности. В инженерной логике они становятся параметрами системы, определяющими ход реакции.

Сексуально-агрессивный вектор задаёт базовое направление и мощность действия. Один полюс определяет, что будет воспринято как значимое — сохранение связи или её разрушение, другой — какую силу получит реакция и сможет ли она перейти в фазу запуска. Параксизмальный вектор регулирует устойчивость системы: он отвечает за баланс между удержанием и срывом, за способность сохранять форму реакции без преждевременного или запоздалого запуска.

Шизоидный вектор переносит нас на уровень управления границей между внутренним и внешним. Он определяет,

будет ли человек реагировать на условия или попытается изменить сами условия, в которых возникает реакция. Контактный вектор задаёт энергетический уровень: достаточно ли ресурса для действия или, напротив, система перегружена и теряет точность.

Таким образом, восемь факторов перестают быть психологическими ярлыками и превращаются в систему регуляторов, от которых зависит, каким образом будет разворачиваться реакция во времени. Это и есть переход от типологии к инженерии.

ИНТЕГРАЦИЯ: ОТ ВЛЕЧЕНИЯ К ДЕЙСТВИЮ ЧЕРЕЗ СОСТОЯНИЕ

Главный шаг, который делает модель прикладной, — это соединение структуры и процесса в единую последовательность. В этой логике действие больше не рассматривается как отправная точка анализа. Оно становится финальным следом более глубокой цепочки.

Влечение задаёт направление энергии. На этапе оценки происходит интерпретация ситуации — именно здесь определяется, что будет считаться угрозой, возможностью или нейтральным событием. Далее возникает психохимический сдвиг — изменение состояния системы, которое и определяет, сможет ли реакция перейти в фазу запуска. После этого происходит сам запуск, и только затем возникает движение как внешнее проявление.

Такое понимание позволяет увидеть принципиальную вещь: различия между людьми возникают не на уровне действия, а на уровне состояния, предшествующего действию. Это объясняет, почему одинаковые

действия дают разный результат и почему попытки «улучшить технику» без изменения состояния часто оказываются бесполезными.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ: ПОЧЕМУ ОДНИ ДЕЙСТВУЮТ ТОЧНО, А ДРУГИЕ — НЕТ

В реальных ситуациях различия между людьми проявляются не в том, действуют ли они, а в том, как именно они действуют. Один и тот же навык может давать разные результаты в зависимости от состояния системы в момент запуска.

С точки зрения интегрированной модели это становится прозрачным. Влечение определяет, будет ли человек склонен к действию или к избеганию. Но этого недостаточно для результата. Химия психики определяет, сможет ли система войти в оптимальное состояние, где действие будет точным и своевременным. Если состояние не соответствует задаче, даже правильное действие оказывается неэффективным.

Это меняет саму логику оценки эффективности. Результат перестаёт быть следствием «усилий» или «навыка» и начинает рассматриваться как функция состояния. Таким образом, управление переносится с уровня действий на уровень конфигурации системы.

ПЕРЕСБОРКА ОБУЧЕНИЯ: ОТ ПОВТОРЕНИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ СОСТОЯНИЯ

Одно из наиболее значимых следствий — изменение подхода к обучению. Классическая модель строится

на повторении: предполагается, что многократное выполнение действия приводит к формированию навыка. Однако без учёта состояния это приводит к закреплению формы без гарантии результата.

В предлагаемой модели обучение строится иначе. Объектом становится не движение, а состояние, в котором это движение возникает. Повторение используется не для закрепления формы, а для стабилизации нужной конфигурации системы.

Это объясняет, почему два человека с одинаковой техникой показывают разный результат. Один воспроизводит движение, другой — состояние, из которого это движение возникает. Именно второй достигает стабильности.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ: ПЕРЕХОД ОТ УСИЛИЯ К НАСТРОЙКЕ

На уровне повседневной жизни мо-

дель даёт практический инструмент саморегуляции. Традиционно человек пытается управлять собой через усилие — заставляя себя действовать или подавляя нежелательные реакции. Однако усилие усиливает напряжение, но не изменяет структуру реакции.

В новой логике управление строится как настройка системы. Сначала определяется текущее состояние, затем задаётся целевая конфигурация, после чего изменяются параметры — дыхание, внимание, ритм. Далее достигается стабилизация, и действие возникает не как результат усилия, а как естественное следствие состояния.

Это принципиальный сдвиг: управление перестаёт быть борьбой и становится процессом настройки. Человек перестаёт «заставлять себя» и начинает работать с условиями, при которых нужная реакция возникает сама.

УПРАВЛЕНИЕ СОСТОЯНИЕМ И РЕТРАНСФОРМАЦИЯ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ: ОТ НАСТРОЙКИ К ТРАНСФОРМАЦИИ

Состояние определяет качество реакции и её результат. Управляя состоянием здесь и сейчас, мы создаём условия для точного действия и постепенно перестраиваем структуру реагирования навсегда.

«Человек не может изменить весь мир. Но он может изменить конфигурацию своей психики — и тем самым изменить свою судьбу.» Олег Мальцев

1. УПРАВЛЕНИЕ СОБОЙ – ОТ УСИЛИЯ К НАСТРОЙКЕ

- ОСОЗНАТЬ ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ**
Замечать, что происходит внутри прямо сейчас. Не оценивать — наблюдать.
- ОПРЕДЕЛИТЬ ЦЕЛЕВОЕ СОСТОЯНИЕ**
Чётко формулируйте, какое состояние вам нужно для задачи.
- ИЗМЕНИТЬ ПАРАМЕТРЫ СИСТЕМЫ**
Настройте тело, дыхание, внимание, внутренний диалог, ритм, позу, фокус.
- ДОСТИЧЬ СТАБИЛИЗАЦИИ**
Позвольте новой системе, дыханию, вниманию и ритму занять баланс.
- ДЕЙСТВОВАТЬ В КЛУКОВЫЙ МОМЕНТ**
Позвольте из состояния, в нём вы находитесь, точность рождалась из тонкости.

ИНСТРУМЕНТЫ НАСТРОЙКИ

- ТЕЛО**: дыхание, мышечный тонус, ритм
- ВНИМАНИЕ**: фокус, широта, переключение
- ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**: смысл ситуации, угроза или возможность
- ВНУТРЕННЯЯ РОЛЬ**: кем я становлюсь в этой ситуации
- ЭНЕРГИЯ**: уровень заряда, баланс активации и торможения

КЛЮЧЕВОЙ ПРИНЦИП
Состояние нельзя создать усилием. Его можно только собрать через настройку параметров. Когда система сбалансирована — действие становится точным и своевременным.

РЕТРАНСФОРМАЦИЯ: ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ РЕАГИРОВАНИЯ

СТАРАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

- Ограниченный набор реакций
- Автоматические сценарии
- Повторяющиеся результаты
- Ограниченная гибкость

ПРОЦЕСС ПЕРЕСТРОЙКИ

- Осознание паттернов
- Работа с состоянием
- Изменение параметров
- Закрепление новых реакций
- Интеграция в поведение

НОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

- Расширенный набор реакций
- Гибкость и адаптивность
- Новые сценарии и выбор
- Устойчивость и точность

РЕТРАНСФОРМАЦИЯ — ЭТО НЕ ПРОСТО НОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ. ЭТО СТАНОВЛЕНИЕ ДРУГОЙ СИСТЕМОЙ, СПОСОБНОЙ ПО-ДРУГОМУ ВОСПРИНИМАТЬ, ОЦЕНИВАТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ.

8 ФАКТОРОВ СОНДИ – 4 ВЕКТОРА В РЕГУЛЯТОРАХ РЕАКЦИИ

- ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ (УСЛОВИЯ)** — направление выбора
- АГРЕССИЯ (РАБОТА)** — уровень активации
- КОНТРОЛЬ (ОСМОТРЕНИЕ)** — стабилизация, управление
- ДЕМОНСТРАЦИЯ (ДЕЙСТВИЕ)** — исполнение выбора, передача
- ИЗЛУЧАНИЕ (УХОД, ВПЕЧАТЛЕНИЕ)** — создание внешней реальности
- ПРОЕКЦИЯ (КОНТРОЛЬ СЕРДЦА)** — управление уровнем эмоций
- ДЕПРЕССИЯ (СНИЖЕНИЕ ЭНЕРГИИ)** — сброс заряда
- МАНЯЩАЯ (РЕГРЕССИЯ)** — инерционность, потеря тонкости

ГДЕ ЧАЩЕ ВСЕГО ЛЮДИ ЛОМАЮТСЯ

- ПЫТАЮТСЯ МЕНЯТЬ ДЕЙСТВИЕ, А НЕ СОСТОЯНИЕ**
Действие — это следствие, а не причина.
- ИГНОРИРУЮТ СОСТОЯНИЕ**
Без работы со состоянием любое действие теряет точность.
- УДЕРЖИВАЮТ РЕАКЦИЮ СЛИШКОМ ДОЛГО**
Выходит из нового состояния и терпит момент.
- ПЕРЕГРУЖАЮТ СИСТЕМУ**
Срыв, потеря контроля, хаотичное действие и усталость.

ФОРМУЛА ПЕРЕХОДА

СОСТОЯНИЕ 1 (текущее) → ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ → СТАБИЛИЗАЦИЯ (Баланс) → ОКНО РЕАКЦИИ → СОСТОЯНИЕ 2 (целее)

РЕТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗМОЖНА ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ПОВТОРЯЕМЫЕ МИКРПЕРЕХОДЫ, КОТОРЫЕ СО ВРЕМЕНЕМ СТАНОВЯТСЯ НОВОЙ НОРМОЙ.

АЛХИМИЯ ПСИХИКИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ САМОЙ СИСТЕМЫ

Наиболее глубокий уровень новизны связан с тем, что модель допускает изменение самой структуры реагирования. Если человек постоянно действует по одному сценарию, это означает, что его система стабилизирована в определённой конфигурации.

Алхимия психики описывает процессы, через которые эта конфигурация может быть изменена. Это не мгновенное переключение, а последовательная перестройка состояний, которая со временем закрепляется как новая форма реакции.

В этом смысле трансформация — это не изменение поведения, а изменение самого субъекта. Человек не просто начинает действовать иначе, он становится системой, которая иначе реагирует на мир.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Интеграция теста Сонди, химии и алхимии психики создаёт новую архитектуру, в которой:

- влечения задают направление
- состояния определяют возможность
- реакции реализуют действие
- трансформация изменяет систему

Главное концептуальное новшество заключается в переносе фокуса с поведения на состояние и структуру. Практическое значение — в возможности не только понимать, но и управлять процессом формирования действия.

Это делает психологию прикладной в полном смысле слова. Она перестаёт объяснять постфактум и начинает ра-

ботать как инструмент, позволяющий человеку действовать точно, своевременно и устойчиво.

Именно в этом — её реальная ценность.

This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

МАЙЯ ШНЕДОВИЧ

Сотрудник Института Памяти

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу научно-практических исследований доктора Олега Викторовича Мальцева в области искусственного интеллекта, результатом которых стали два труда: «Эссе. ИИ: Обучение машины» и «Писатель XXI века. Человек и искусственный интеллект». Рассматриваются три концептуальных вклада учёного: авторская концепция ИИ как «цифровой тени» человечества, научный синтез теории физики времени академика Н.А. Козырева и архитектурных ограничений ИИ по Я. Лекуну как обоснование онтологической границы между человеком и машиной, а также модель «оператора смыслов» как новой профессиональной идентичности человека в эпоху ИИ. Отдельно описывается прикладное измерение исследований: двенадцать способов взаимодействия с «цифровой тенью», трёхуровневая модель работы с ИИ и принципы профилактики когнитивной деградации при делегировании задач машине. Показано, что исследования Мальцева опережают актуальный мировой дискурс об ИИ, предлагая не инструктивный, а

концептуальный ответ на вопрос о природе отношений человека и искусственного интеллекта.

1. ДИАГНОЗ ЭПОХИ: ПОЧЕМУ 2026 ГОД ТРЕБУЕТ ДРУГОГО РАЗГОВОРА ОБ ИИ

В январе 2026 года на Международном экономическом форуме в Давосе Илон Маск произнёс фразу, которую процитировали все ведущие издания мира: «С той скоростью, с которой развивается ИИ, я думаю, что уже к концу 2026 года у нас может появиться ИИ, который будет умнее любого человека». Зал аплодировал. Но никто не ответил на вопрос, который Маск задал сам себе несколькими минутами позже: «Если робот будет способен делать всё, что умеете вы, а возможно и лучше — то что тогда останется людям?»

Этот вопрос завис в воздухе. Эксперты продолжали говорить о производительности, автоматизации, угрозах рынку труда. Исследовательская

компания Gartner выпустила прогнозы о том, как изменятся профессии. Специалисты Калифорнийского университета в Беркли предупредили: к середине десятилетия не будет ни одной профессии, где ИИ не применялся бы в той или иной мере. Рид Хоффман, сооснователь LinkedIn, заявил, что уже сейчас недостаточно «просто уметь пользоваться ChatGPT» — нужно выстраивать собственные ИИ-системы.

Разговор об ИИ стал повсеместным. И одновременно — удивительно поверхностным. Среди миллионов слов о том, как использовать нейросети, почти не звучит ответ на более глубокий вопрос: а что именно представляет собой ИИ в своей сущности? Не с точки зрения функций, а с точки зрения природы. Что это такое по отношению к человеку? Зеркало? Инструмент? Соперник? Продолжение?

Именно эту точку интеллектуальной пустоты — пространство между «как пользоваться» и «что это значит» — заполнили исследования украинского учёного доктора Олега Викторовича Мальцева. Более двух лет он систематически изучал природу ИИ: его логику, пределы, отношение к человеческому сознанию и времени. Результатом стали две книги, которые принципиально меняют угол зрения на проблему. Именно о них — эта статья.

I. ДОСЬЕ: КТО ИССЛЕДОВАЛ И ЧТО ИМЕННО

Доктор Олег Викторович Мальцев — украинский учёный еврейского происхождения, адвокат, психолог, криминолог, философ и писатель, ра-

ботающий в Украине. Область его исследований охватывает психологию, криминологию, социологию, философию науки и методологию познания. На протяжении более двух лет он целенаправленно изучал тенденции развития искусственного интеллекта: анализировал работы ведущих инженеров, философские импликации новых систем, и — что принципиально важно — концептуальный зазор между тем, что ИИ делает, и тем, чем он является.

РЕЗУЛЬТАТОМ ЭТОЙ РАБОТЫ СТАЛИ ДВА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ТРУДА.

«Эссе. ИИ: Обучение машины» — книга о природе искусственного интеллекта, его отношении к человеку и о том, как выстроить эффективную систему взаимодействия с ним.

«Писатель XXI века. Человек и искусственный интеллект» — книга о новой архитектуре авторства в эпоху ИИ, о том, что остаётся за человеком, и о концепции «темпорального мышления» как фундаментального преимущества человека перед машиной.

Эти два труда образуют единую исследовательскую систему: «Эссе» закладывает концептуальный фундамент — объясняет, что такое ИИ. «Писатель XXI века» строит на этом фундаменте прикладную архитектуру — объясняет, как с этим знанием работать. Вместе они представляют собой нечто, чего на сегодняшний день практически нет в доступном интеллектуальном пространстве: не руководство по промптам и не философское эссе, а научно обоснованную модель отношений человека и ИИ.

III. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ: ЧТО ИМЕННО ОТКРЫЛ МАЛЬЦЕВ

3.1. Главный тезис: ИИ — «цифровая тень» человечества

Центральным концептуальным вкладом «Эссе» является формула, которую доктор Мальцев выводит через системный анализ природы нейросетей: ИИ — это цифровая тень человечества. Не инструмент. Не конкурент. Не новый вид разума. Тень.

Что это означает с научной точки зрения? Тень — это проекция объекта, которая воспроизводит его контуры, но не обладает его содержанием. Тень не существует отдельно от тела. Она повторяет движения, но не совершает их. Именно так доктор Мальцев описывает ИИ: это зеркало, которое показывает всё, кроме самого себя.

«ИИ — это зеркало, которое показывает всё, кроме самого себя. Именно поэтому вместо того, чтобы соревноваться с машиной в скорости вычислений, где человек заведомо проиграл, нужно использовать ИИ эффективнее, в том числе для самопознания».

— Олег Мальцев, «Эссе. ИИ: Обучение машины»

Практическое значение этого тезиса трудно переоценить. Большинство разговоров об ИИ в 2026 году строятся на ложной предпосылке: что ИИ и человек находятся на одной оси и движутся в одном направлении, только машина движется быстрее. Из этой предпосылки вытекает тревога, защитная реакция, конкуренция. Тезис доктора Мальцева разрушает эту

ось полностью. Если ИИ — тень, то вопрос «кто сильнее» теряет смысл. Тень не сильнее и не слабее тела. Она принципиально другое. А значит, и стратегия взаимодействия должна быть принципиально другой: не борьба и не слепое делегирование, а осознанное управление.

3.2. Физика времени как онтологическая граница

Второй концептуальный вклад доктора Мальцева носит подлинно научный характер и представляет собой оригинальный синтез двух систем знания, которые прежде не рассматривались совместно.

Ян Лекун — один из основателей современного ИИ, лауреат премии Тьюринга — описал архитектурные ограничения нейросетей: ИИ работает с паттернами данных, но не обладает каузальным моделированием реальности в том смысле, в котором им обладает человек. Академик Николай Козырев — выдающийся астрофизик XX века — разработал теорию физики времени, согласно которой время обладает собственной структурой и энергетикой; оно не просто измерение, а активный фактор существования.

Синтез доктора Мальцева: через соединение этих двух систем учёный показывает, что у ИИ нет и никогда не возникнет «живого» переживания времени. ИИ не существует во времени — он обрабатывает данные о времени. Это фундаментальное онтологическое различие, а не техническое ограничение, которое можно устранить с появлением новых моделей.

Что следует из этого вывода? Если время — это не просто координата,

а субстанция, через которую человек переживает судьбу, свободу выбора, ответственность и смысл — то всё это навсегда остаётся человеческим. Не потому что машины «пока» недостаточно умны. А потому что они принципиально иначе устроены по отношению к времени. Этот вывод имеет прямое прикладное значение: он отвечает на вопрос, который не давал покоя ни Маску, ни сотням других экспертов. Что именно остаётся человеку рядом с ИИ? Время. Переживание. Судьба. Выбор. Смысл. То, для чего нужно жить, а не вычислять.

Этот синтез не имеет прямых аналогов в доступной научной литературе по данной тематике. Доктор Мальцев соединил философию науки с архитектурой ИИ и физической теорией, чтобы дать ответ не инженерный, а онтологический — о природе различия между человеком и машиной.

3.3. «Оператор смыслов»: новая профессиональная модель

Третий ключевой концептуальный вклад принадлежит книге «Писатель XXI века». Здесь доктор Мальцев формулирует новую модель профессиональной идентичности человека в эпоху ИИ.

Прежняя модель: человек как «ремесленник слова» — тот, кто создаёт текст руками и головой. ИИ разрушил эту модель: он создаёт текст быстрее и технически точнее, чем большинство пишущих людей. Вывод доктора Мальцева здесь жёсткий: «ИИ пишет лучше 90% людей, называющих себя писателями. Это не позор людей. Это диагноз эпохи». Но из этого диагноза следует не пессимизм, а переопределение.

Новая модель по доктору Мальцеву: человек — это «оператор смыслов». Не тот, кто производит текст, а тот, кто задаёт его судьбу. ИИ создаёт форму. Человек создаёт смысл. ИИ работает. Автор — живёт. И именно жизнь — биография, страдание, культурная память, внутренний конфликт — является тем материалом, который машина не может синтезировать ни при каком уровне мощности.

На основе этой модели доктор Мальцев разрабатывает «Трёхуровневую модель работы с ИИ», описывающую три принципиально разных режима взаимодействия человека с машиной: ИИ как черновик (поставщик вариантов), ИИ как собеседник (инструмент анализа и рефлексии) и ИИ как зеркало автора (криминалистический сканер ясности мышления). Каждый режим предполагает разную степень вовлечённости человека и разный тип результата. Умение переключаться между ними — это и есть, по доктору Мальцеву, мастерство работы

с ИИ в 2026 году.

Не менее важна концепция «трёх слоёв команды»: технического (что делать), стилового (как звучать) и смыслового (зачем). ИИ одинаково хорошо понимает первые два. Третий понимает только тогда, когда человек формулирует его осознанно. Это означает: качество результата при работе с ИИ прямо пропорционально качеству мышления человека, который с ним работает. ИИ становится криминалистическим инструментом вскрытия ясности — или тумана — в голове своего пользователя.

IV. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛЬЗА: ЧТО ЭТО МЕНЯЕТ ПРЯМО СЕЙЧАС

Концепция без прикладного измерения остаётся умозрительной конструкцией. Работы докторатМальцева этим пороком не страдают. Каждое теоретическое положение снабжено конкретным практическим выводом.

4.1. Двенадцать способов освободиться от рутины через «цифровую тень»

«Эссе» содержит описание двенадцати практических способов того, как «цифровая тень» — ИИ как зеркало — помогает человеку освободиться от механической рутины. Принципиально важно: эти способы не привязаны к конкретной нейросети. Они работают с ChatGPT, Gemini, Claude, Grok и любой другой системой, потому что описывают не технологию, а логику взаимодействия.

Для предпринимателя это означает возможность делегировать ИИ не просто генерацию текстов, а структурирование мышления — использовать его как инструмент анализа рыночных ситуаций, проверки гипотез и выявления слабых звеньев в стратегии. Для специалиста любой области — освобождение от рутинных задач не во имя экономии времени (хотя и это), а ради возврата к тем задачам, которые требуют именно человеческого присутствия: суждения, контекстуального понимания, ответственного выбора.

Для гуманитариев, педагогов, исследователей эта система даёт язык понимания: не «как пользоваться чатботом», а как выстроить осознанные отношения с ИИ-системой — то, что доктор Мальцев называет «собственной системой взаимодействия» в противоположность случайному использованию. Именно это разграничение — между пользователем и архитектором системы — становится в 2026 году ключевым конкурентным преимуществом в любой профессии.

4.2. Как не деградировать, используя ИИ: вопрос, который не задаёт никто

Один из разделов «Эссе» посвящён теме, которую публичный дискурс практически обходит стороной. Все говорят о том, как ИИ ускоряет работу. Почти никто не говорит о том, что происходит с человеком, когда эта работа ускоряется.

Доктор Мальцев ставит этот вопрос прямо: ИИ может ускорить рабочие процессы — но только человек придаёт им смысл. Когда человек передаёт ИИ не только рутину, но и мышление — он начинает деградировать. Причём незаметно: результат выглядит неплохо, темп высокий, но внутренний инструмент — способность думать, структурировать, оценивать — атрофируется от неиспользования.

Это не абстрактное предупреждение. В 2026 году корпоративная медицина начинает фиксировать новый феномен — «когнитивное выгорание от автоматизации»: когда сотрудники, работающие преимущественно с ИИ-инструментами, через несколько месяцев сообщают о снижении способности самостоятельно анализировать сложные ситуации. Доктор Мальцев предвидел эту проблему и описал принципы её профилактики: как выстроить взаимодействие с ИИ так, чтобы оставаться не менее, а более думающим человеком, чем прежде.

4.3. «Кодекс писателя XXI века» как управленческий инструмент

Название последнего раздела «Писателя XXI века» — «Кодекс писателя XXI века» — не должно вводить в за-

блуждение относительно узости его применения. Речь идёт не о советах для литераторов. Речь идёт о системе принципов для любого человека, чья работа связана с текстом, смыслами и коммуникацией — а в 2026 году таких людей большинство.

Суть кодекса: человек, работающий с ИИ, должен владеть тем, чего машина не имеет — временем как материалом. Не стилем, не скоростью, не объёмом. Именно временем: плотностью мысли, ритмом подачи, умением создавать напряжение и глубину там, где алгоритм создаёт лишь связный текст. Это применимо к менеджеру, пишущему стратегический документ, к журналисту, формирующему новость, к руководителю, выстраивающему коммуникацию с командой.

Подкрепляет этот раздел «темпоральная школа» — авторская концепция доктора Мальцева о времени как главном материале профессиональной работы с текстом. Темпоральные ритмы, плотность, разрывы и сгущения — это инструменты, которые создают воздействие там, где ИИ создаёт лишь форму. Освоение этого инструментария даёт человеку преимущество, которое не нивелируется никакими улучшениями нейросетей, потому что оно коренится в самой природе человеческого присутствия во времени.

V. МЕСТО В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ: ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Чтобы понять, насколько своевременны и значимы работы доктора Мальцева, достаточно сопоставить их выводы с тем, что одновременно

происходило в мировом интеллектуальном пространстве.

В то время, когда Илон Маск на форуме в Давосе публично признавал, что не знает ответа на вопрос о месте человека рядом с ИИ («это именно тот философский вопрос, с которым я сам борюсь сейчас»), доктор Мальцев уже не только сформулировал этот ответ, но и описал практическую систему его применения. Это не совпадение и не случайность — это результат более чем двухгодичной систематической работы, которая началась раньше, чем тема достигла пика публичного внимания.

Международные эксперты к 2026 году сошлись во мнении, что ключевым навыком становится критическое мышление и «цифровая осведомлённость» — способность оценивать и отбирать результаты работы ИИ. Доктор Мальцев идёт дальше: он описывает не просто навык, а архитектуру мышления, которая позволяет человеку не просто оценивать результаты машины, но выстраивать с ней системные, осознанные, развивающие отношения.

Ни Гартнер, ни Беркли, ни Лекун в своих публичных работах не предложили концептуальной модели природы ИИ сопоставимой глубины. Синтез Козырева и Лекуна, концепция «цифровой тени», трёхуровневая модель взаимодействия, «оператор смыслов» — всё это оригинальные авторские конструкты, не имеющие прямых аналогов. Это не значит, что исследования доктора Мальцева находятся вне мирового контекста. Напротив — они его опережают.

Пока большинство публикаций 2025–2026 годов отвечает на вопрос «как пользоваться ИИ», работы доктора Мальцева отвечают на вопрос «что это такое по отношению к тебе» — и именно это делает их точкой опережения, а не параллельного движения. Пока большинство публикаций 2025–2026 годов отвечает на вопрос «как пользоваться ИИ», работы доктора Мальцева отвечают на вопрос «что это такое по отношению к тебе» — и именно это делает их точкой опережения, а не параллельного движения.

Важен и масштаб охвата. Книги написаны без дисциплинарной замкнутости: они применимы для философа и менеджера, для технического специалиста и педагога, для исследователя и предпринимателя. Это не популяризация чужих идей — это оригинальный концептуальный вклад, изложенный языком, доступным широкой аудитории. В этом смысле работы Мальцева образцово выполняют то, что в мировой традиции принято называть публичной наукой: когда серьёзное исследование становится достоянием не только академической среды, но и всех, кому оно нужно прямо сейчас.

VI. ИТОГ: ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ ПОСЛЕ ЭТИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Результаты, установленные в ходе исследований доктора Мальцева, можно сформулировать как документальные выводы — не как мнения, а как задокументированные позиции.

ВЫВОД 1. Природа ИИ переопределена.

До: ИИ — инструмент, конкурент или угроза. После: ИИ — «цифровая тень» человечества, зеркало, которое показывает всё, кроме самого себя. Это меняет стратегию взаимодействия с ним принципиально.

ВЫВОД 2. Онтологическая граница установлена научно.

Через синтез физики времени Козырева и архитектурной теории Лекуна доказано: у ИИ нет и не возникнет живого переживания времени, судьбы, свободы выбора и ответственности. Эти категории остаются человеческими навсегда — не как сентиментальное утверждение, а как научный вывод.

ВЫВОД 3. Новая профессиональная модель описана и операционализована.

«Оператор смыслов» — не красивая метафора, а рабочая концепция с конкретной трёхуровневой моделью реализации. Применима к любой профессиональной сфере, где человек работает с информацией, текстом и коммуникацией.

ВЫВОД 4. Риск деградации при работе с ИИ впервые описан системно.

Вместе с ним — принципы его профилактики: двенадцать практических способов взаимодействия с «цифровой тенью», позволяющих человеку развиваться, а не деградировать в процессе делегирования задач машине.

ВЫВОД 5. Временное мышление определено как главное конкурентное преимущество.

«Темпоральная школа» Мальцева — это ответ на вопрос, что именно человек должен развивать в эпоху ИИ. Не скорость, не объём — а глубину, плотность, ритм и смысловую суверенность.

Разговор об ИИ в 2026 году полон шума. Большая его часть — инструктивная: как использовать, какую нейросеть выбрать, как написать промпт. Это полезно. Но это разговор о поверхности явления, не о его природе.

Работы доктора Мальцева — «Эссе. ИИ: Обучение машины» и «Писатель XXI века. Человек и искусственный интеллект» — находятся на другом уровне. Они не объясняют, как нажимать кнопки. Они объясняют, что именно происходит, когда вы их нажимаете — с ИИ, с вами, и с отношениями между вами и машиной.

Этот уровень понимания — концептуальный, а не инструктивный — становится в 2026 году подлинным дефицитом. Потому что именно он определяет, кто управляет системой, а кто системой управляется. Именно его и обеспечивают исследования, описанные в данной статье.

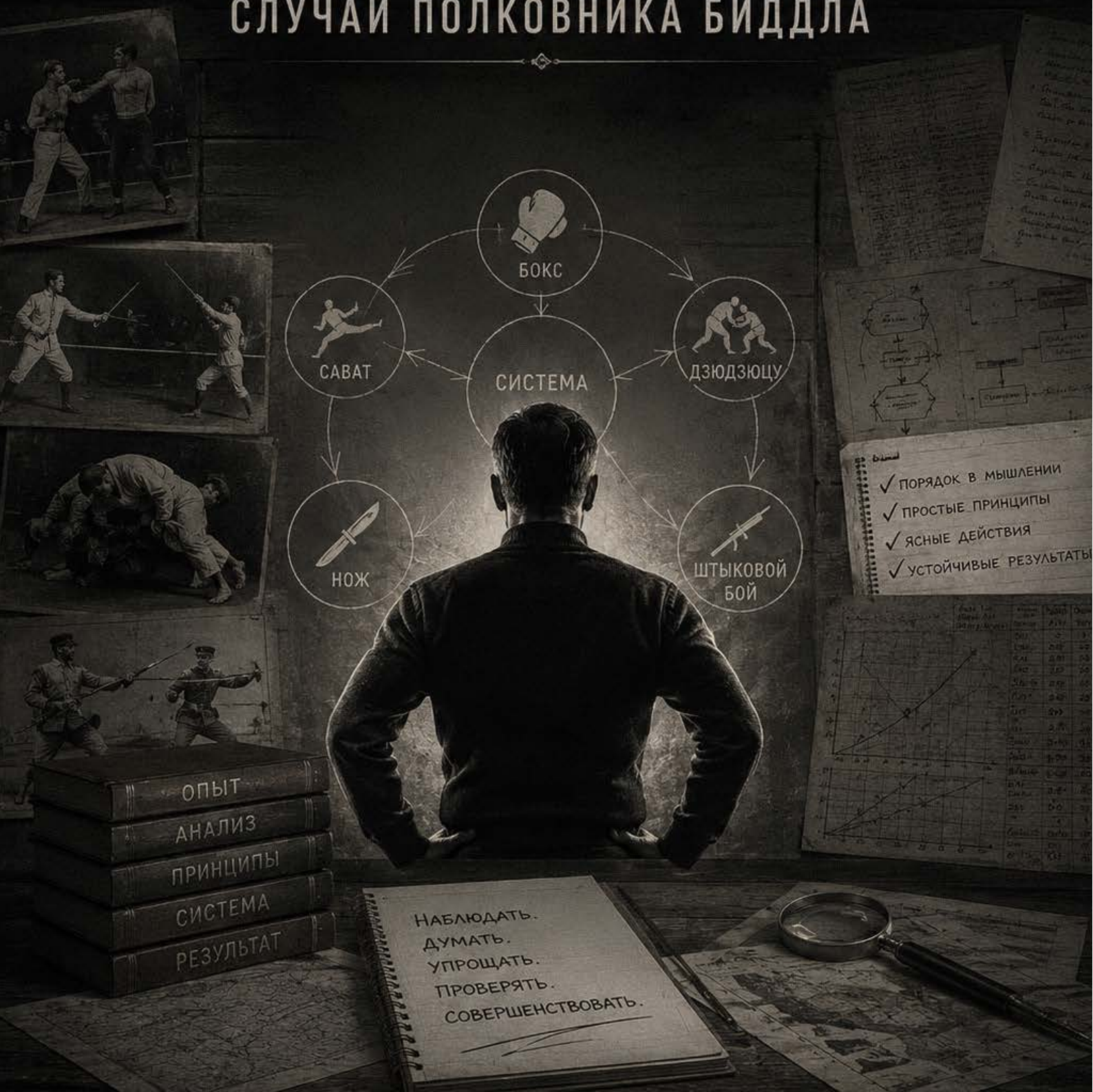
ЛИТЕРАТУРА

- Мальцев О.В. Эссе. ИИ: Обучение машины. 2026.
- Мальцев О.В. Писатель XXI века. Человек и искусственный интеллект. 2026.
- Лекун Я. О машинном обучении и глубоком обучении — публичные лекции и статьи 2022–2025 гг.
- Козырев Н.А. Причинная или несимметричная механика в линейном приближении. 1958.
- Gartner Research. Top Technology Trends 2026.
- Маск И. Выступление на Международном экономическом форуме, Давос, январь 2026 г.

This is an open access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International \(CC BY-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

КАК СОЗДАЮТСЯ РАБОТАЮЩИЕ МЕТОДОЛОГИИ:

СЛУЧАЙ ПОЛКОВНИКА БИДДЛА

АННА ФИЛИППОВА

Научный сотрудник
криминологического центра

Мадрид, 1881 год. Каменный двор школы. Семилетний Энтони Дрексель Биддл — внук американского финансового магната, оказавшийся в Испании вместе с отцом, изучавшим европейское банковское дело, — стоит спиной к стене. Перед ним пятеро испанских мальчишек. У старшего в руке нож — не игрушечный, настоящий складной, какие в Андалусии носят с детства. Учитель наблюдает, но не вмешивается: здесь это работа учителя — не вмешиваться, пока не пролита настоящая кровь.

Биддл достаёт свой нож.

Шестьдесят лет спустя, в 1942 году, он расскажет об этом корреспонденту армейского еженедельника *Yank*: ты учился резать своих маленьких друзей, или они резали тебя.

Из этого мадридского детства, из четырёх десятилетий непрерывной педагогической работы, из денег деда, позволивших нанять самих чемпионов мира, — вырастет в 1937 году книга «Do or Die». Первый в западной военной педагогике методологический учебник государственного синтеза рукопашного боя. Семьдесят четыре страницы карманного формата, после которых западная военная педагогика не была прежней.

Реконструкция этой книги и стала предметом монографии «Биддл: Реставрация. Методологическая реконструкция “Do or Die” 1937 года».

Эта статья — о том, что обнаружилось за обложкой карманного пособия.

1. ПОЧЕМУ УЧЕБНИК 1937 ГОДА СТАЛ ОБЪЕКТОМ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В 2026-М

Большинство военно-исторических исследований рукопашного боя устроены одинаково: какие удары применялись, какие стойки считались правильными, какие приёмы оказались эффективны на войне. Это честный, нужный жанр. Но он оставляет в тени вопрос, который куда важнее для науки: как вообще создаются работающие боевые системы? Каков механизм их возникновения? Что должно совпасть, чтобы из разрозненных

техник разных культур сложился единый работающий организм?

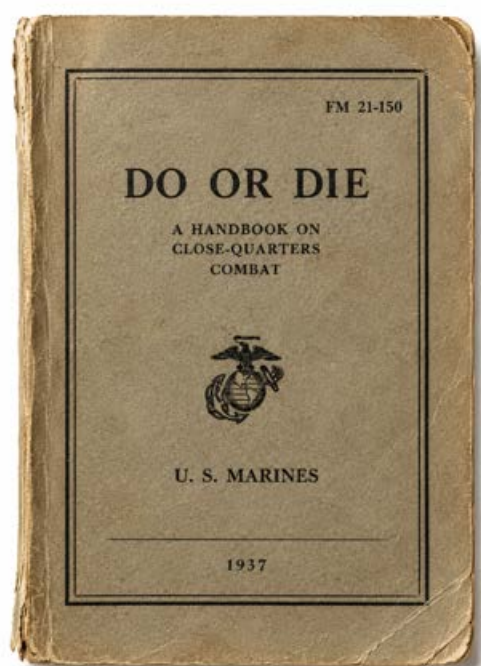
Именно этот вопрос делает фигуру полковника Биддла объектом научно-го, а не только исторического интереса.

«Do or Die» долгое время воспринималось как любопытный артефакт — компактное пособие, написанное энтузиастом с богатой биографией. Реконструкция показала иное: за учебником стояла полноценная методологическая система государственного синтеза, реализованная в первой половине XX века и опередившая многие современные междисциплинарные подходы.

Объектом реставрации стала не техника, а архитектура — каким образом Биддл соединил бокс, сават, дзюдзюцу, штыковой бой и фехтовальную традицию в единую конструкцию, где школы не сосуществуют механически, а работают как система с единым несущим принципом.

II. ПЯТЬ УСЛОВИЙ: ПОЧЕМУ ЭТО МОГ СДЕЛАТЬ ТОЛЬКО ОН

Монография ставит вопрос, который историки рукопашного боя обычно обходят стороной: почему именно этот чело-

век? Что в его жизни сложилось так, что государственный синтез стал возможен?

Реставрация выявила пять условий — не «качеств» и не «талантов», а конкретных исторических обстоятельств, без каждого из которых система бы не возникла.

Первое условие — аристократическое многошкольное детство.

Биддл учился фехтованию у немецких студенческих корпораций в Гейдельберге, боксу — у самого Боба Фитцсиммонса (чемпиона мира, которого он нанял за пятьсот долларов — годовое жалованье клерка), савату — в парижской академии Шарля Шарлемона, дзюдзюцу — у Джона Дж. О'Брайена, ирландца, проработавшего десять лет инспектором полиции в Нагасаки и получившего инструкторский диплом от японского государственного органа. Все четыре школы были освоены у мастеров высшего ряда почти одновременно — не последовательно, а параллельно, как родной телесный язык.

Второе условие — финансовая независимость.

Наследство деда освободило Биддла от необходимости зарабатывать. Это позволило ему направить тридцать лет жизни на боевую педагогику в режиме служения, а не наёмного труда. Деньги деда покупали ему учителей; деньги финансировали Bible Classes — воскресные занятия для рабочих и подростков Филадельфии, где к 1917 году было зарегистрировано триста тысяч участников по всему миру. Именно через эти классы накапливался педагогический опыт.

Третье условие — тридцать лет непрерывной педагогической практики.

С 1907 по 1937 год. Через его руки прошли тысячи людей разного возраста, происхождения и уровня подготовки — от мальчишек с ирландских кварталов

1 АРИСТОКРАТИЧЕСКОЕ МНОГОШКОЛЬНОЕ ДЕТСТВО

ФЕХТОВАНИЕ БОКС

САВАТ ДЖУДЗЮЦУ

2 ФИНАНСОВАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

НАСЛЕДСТВО ДЕДА BIBLE CLASSES 300 000 УЧАСТНИКОВ К 1917 ГОДУ

3 30 ЛЕТ НЕПРЕРЫВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

1907 —————> 1937
30 ЛЕТ

4 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МАНДАТ КОРПУСА МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США

UNITED STATES MARINE CORPS RECRUIT ACCEPTED

5 ПЯТЬ УСЛОВИЙ
Без любого одного — система не возникнет

5 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ

23 НОЖЕВЫЕ РАНЫ НИ ОДНОГО ОТКАЗА ОТ БОЯ ГОТОВНОСТЬ ПРОВЕРЯТЬ КАЖДЫЙ ПРИЁМ ОДНА СИСТЕМА 30 ЛЕТ

до ветеранов Первой мировой. Именно здесь методологическая интуиция переплавлялась в работающую педагогику.

Четвёртое условие — государственный мандат Корпуса морской пехоты США.

В 1917 году сорокаоднолетний Биддл пришёл в призывной пункт в костюме и галстуке. Капрал смотрел на внука Антония Дрекслея с нескрываемым изумлением. Биддл закатал рукава рубашки — капрал увидел узкие белые шрамы от ножевых порезов на предплечьях. И заявление было принято. Государственный мандат дал методологу масштаб и легитимность: частная система стала государственной программой.

Пятое условие — методологический темперамент.

К концу карьеры на теле Биддла насчитывалось двадцать три ножевых раны. Ни одного отказа от боя. Готовность лично проверять каждый приём, который преподаёт. Стабильность одной системы

на протяжении тридцати лет — большинство методологов в течение жизни меняют подходы; Биддл не свернул.

Реконструкция показала: это не сумма качеств, а кристаллизационная решётка. Если убрать любое одно из пяти условий — синтез распадается. Биддл был единственным человеком в истории Америки начала XX века, у которого совпали все пять одновременно.

III. ЧЕТЫРЕ ЛИНИИ ПРЕЕМСТВА: ОТКУДА ПРИШЛИ ШКОЛЫ

Источниковедческая часть реставрации прослеживает четыре конкретные линии преемства — не «влияния», а живые учителя с задокументированными биографиями.

Через Фитцсиммонса в Биддла вошёл не просто бокс, а принцип «фитцсиммоновского шифта» — короткого шага с переменной стойки и ударом в солнечное сплетение, изобретения самого чемпиона. Этот приём дал Биддлу первое понимание того, что стойка — не фиксированная база, а рабочая позиция, меняемая за

один шаг. Этот принцип станет одним из узлов будущей фехтовальной матрицы.

От Джона Дж. О'Брайена — японская педагогическая логика: сначала падать, потом бросать; сначала медленно и точно, потом быстро. Система, а не сборник приёмов. Дозё-этикет — поклон перед работой, уважение к партнёру. И конкретные техники, которые реставрация идентифицирует в «Do or Die» 1937 года в той же форме, в какой их преподавал О'Брайен в столовой Биддлов в 1902-м.

Шарль Шарлемон дал сават — французскую школу боя ногами, наследницу академического фехтования. Биддл приехал к нему в Париж в феврале 1900 года — через две недели после того, как Шарлемон выиграл «Бой Века» с английским чемпионом Дрисколлом. Биддл снял квартиру в десяти минутах от академии и ходил на занятия три раза в неделю, как обычный студент.

Четвёртая линия — европейская фехтовальная традиция, которая в итоге стала несущей конструкцией всей системы. Реставрация показывает: в 1936 году, когда Биддл выбирал методологическую основу для штыкового раздела «Do or Die»,

он отверг современные американские пособия и взял за основу итальянскую фехтовальную школу XVII века — Капо Ферро, Сальватора Фабриса, Джиганти. Его запись в рабочей тетради того периода: «Bayonet — Italian rapier on a long lever. Period.» Штык — итальянская рапира на длинном плече. Точка.

Это решение противоречило общему направлению американской военной мысли межвоенного периода, которая упрощала штыковую работу под массового призывника. Биддл выбрал методологическую глубину вместо массовой простоты. Позднее Эпплгейт в своём конкурирующем учебнике «Kill or Get Killed» (1943) назовёт это «duelist approach» — дуэлянтским подходом — и именно так поставит против него свой аргумент. Но именно эта «дуэлянтскость» делает биддловскую систему методологически когерентной.

IV. ФИЗИКА СИНТЕЗА: ДОКТРИНА УБОЙНЫХ ЗОН

Центральный методологический результат реставрации — реконструкция «доктрины убойных зон».

Биддл решил принципиальную проблему, стоящую перед любым создателем синтетической боевой системы: бокс, сават, дзюдзюцу и фехтование имеют разную биомеханику, разные дистанции, разные принципы работы. Механически смешать их невозможно — получится эклектика без внутренней логики.

Биддловское решение — единая сетка из одиннадцати зон на теле противника, через которую все четыре школы оказываются специализациями одного принципа применительно к разным расстояниям и разным «плечам» работы. Бокс специализируется на средних и верхних зонах, сават — на нижних, штык — покрывает все одиннадцать зон одинаково через шесть фехтовальных позиций защиты, дзюдзюцу работает на нулевой дистанции там, где другие школы теряют эффективность.

Штыковой раздел открывает учебник — и это не косметическое решение, как могло казаться. Реставрация показывает: именно на длинном плече штыка геометрия синтеза видна «невооружённым глазом». Рекрут, освоивший фехтовальную матрицу на штыке, узнаёт потом ту же матрицу в ноже (короткое плечо), в боксе (без клинка), в савате (нога вместо клинка), в дзюдзюцу (нулевая дистанция). Штык — педагогический якорь, удерживающий систему.

Четырёхтемповая формула, которую Биддл объявлял классу как молитву: «Parry. Right step. Hand-cut. Slash» — парирование, шаг вправо, удар по руке, режущий — есть краткое выражение этой матрицы: ответ на любую атаку укладывается в четыре темпа, применимые в любой из пяти школ.

V. БИДДЛ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ: СИНТЕЗЫ 1925–1945 ГОДОВ

Реставрация помещает «Do or Die» в более широкий контекст — сравнительное исследование пяти параллель-

ных государственных синтезов боевых систем в период 1925–1945 годов.

Межвоенный период был временем активного государственного «собираательства» боевых традиций: армии разных стран пытались создать универсальные системы рукопашного боя для массовой подготовки призывников. Монография исследует эти синтезы через типологию «сверху вниз» и «снизу вверх» — то есть государственные системы, создававшиеся по прямому мандату военного ведомства, и системы, возникавшие из практики одного методолога и затем институционализировавшиеся.

Биддловская система принадлежит второму типу — и это делает её методологически ценнее для изучения механизмов возникновения синтеза: видна вся цепочка от личного опыта до государственного учебника.

Отдельная глава монографии посвящена месту Биддла в 148-летней традиции государственного синтеза телесных школ — от Дзигоро Кано, основавшего дзюдо в Токио в 1882 году, до Marine Corps Martial Arts Program (MCMAP), которая в 2000 году институционально возродила биддловскую методологию — через 63 года после того, как в 1943 году она была вытеснена эпплгейтовским подходом «Kill or Get Killed».

Это замыкание круга: биддловская система оказалась долговечнее системы, которая её заменила.

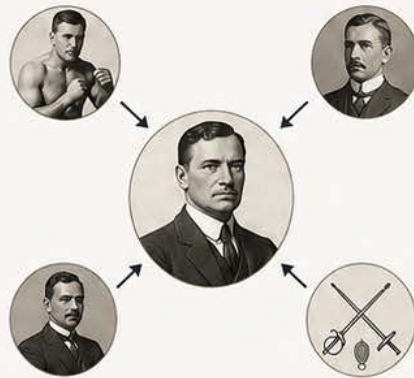
VI. ЧТО РЕСТАВРАЦИЯ СОЗДАЁТ: НОВЫЙ НАУЧНЫЙ АППАРАТ

Реставрация — не просто восстановление прошлого. Это создание нового научного инструментария.

Монография включает четыре аналитических уровня, которые в совокупности образуют методологию исследования боевых систем как систем передачи сложного человеческого опыта:

1

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ
УРОВЕНЬ**

**РЕКОНСТРУКЦИЯ
ЧЕТЫРЁХ ЛИНИЙ
ЖИВОГО ПРЕЕМСТВА**

Биографии учителей,
даты встреч,
задокументированные
факты обучения.

2

**СТРУКТУРНЫЙ
УРОВЕНЬ**

**АНАЛИЗ ВНУТРЕННЕГО
УСТРОЙСТВА УЧЕБНИКА**

Пять элементов плюс
четыре сквозные
методологические линии,
пронизывающие
все разделы.

3

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
УРОВЕНЬ**

5 ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СИНТЕЗОВ
1925–1945

	США	1925–1937
	ЯПОНИЯ	1925–1945
	ГЕРМАНИЯ	1936–1943
	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	1940–1945
	ФРАНЦИЯ	1938–1945

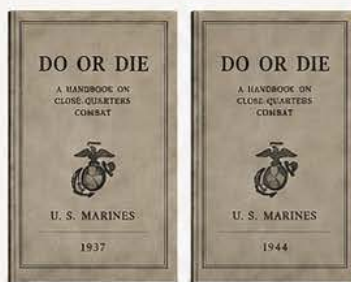

**МЕСТО БИДДЛОВСКОЙ
РАБОТЫ В СИНТЕЗАХ
И ТРАДИЦИИ**

Среди пяти параллельных
синтезов 1925–1945 годов
и в 148-летней традиции
от Кано до МСМАР.

4

**ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ
УРОВЕНЬ**

**КРИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
1937 И 1944 ГОДОВ**

Изменения второго издания —
не косметические правки,
а методологический ответ
на боевую обратную связь
Тихоокеанского театра.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ ИЗДАНИЙ — НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ:
как система самокорректируется через практику.

Источниковедческий уровень — реконструкция четырёх линий живого преемства, через которые в систему вошли различные традиции. Не вторичные пересказы, а биографии учителей, даты встреч, задокументированные факты обучения.

Структурный уровень — анализ пяти элементов внутреннего устройства учебника плюс четыре сквозные методологические линии, пронизывающие все разделы.

Сравнительный уровень — место биддловской работы среди пяти параллельных синтезов 1925–1945 годов и в 148-летней традиции от Кано до МСМАР.

Текстологический уровень — критическое издание двух изданий учебника: 1937 и 1944 годов. Реставрация показывает, что изменения второго издания — не косметические правки, а методологический ответ на боевую обратную связь Тихоокеанского театра. Переход от приоритета укола к режущему удару в штыковом разделе продиктован реальным боевым опытом.

Текстологическое сопоставление двух изданий само по себе является научным результатом: оно показывает, как живая методология отвечает на реальную боевую обратную связь — то есть как система самокорректируется через практику.

VII. ВКЛАД ОЛЕГА МАЛЬЦЕВА: РЕСТАВРАЦИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ МЕТОД

Монография «Биддл: Реставрация» представляет собой не только исследование конкретной исторической системы, но и разработку оригинального методологического инструментария — реставрации как научного метода применительно к прикладным телесным дисциплинам.

До настоящей работы в научной литературе отсутствовал консолидирован-

ный подход к реконструкции сложных боевых систем, возникших в результате государственного синтеза. Существующие исследования в области истории боевых искусств и военной педагогики, как правило, ограничивались одним из трёх уровней: биографическим (описание фигуры создателя), техническим (каталогизация приёмов) или историческим (хронология институциональных событий). Ни один из этих уровней в отдельности не позволяет ответить на вопрос о механизме возникновения синтеза — то есть о том, как разнородные боевые традиции становятся единой работающей системой.

Автор предложил четырёхуровневую аналитическую оптику, которая впервые даёт инструментарий для ответа на этот вопрос.

Первый уровень — источниковедческий.

Реконструкция линий живого преемства через верифицируемые биографические данные учителей. Этот уровень переводит исследование от диффузных «влияний» к конкретным трансмиссионным событиям: кто, когда и что именно передал. Применительно к Биддлу это означает идентификацию четырёх учителей с документированными биографиями и установление того, какие именно методологические элементы каждой школы вошли в итоговый синтез.

Второй уровень — структурный.

Анализ внутренней архитектуры системы: несущие принципы, педагогическая логика, способ организации материала. На этом уровне становится возможным разграничение эклектики (механического соединения техник) и синтеза (объединения через единый методологический принцип). Именно здесь реставрация фиксирует доктрину убойных зон как несущую конструкцию

биддловской системы — концепцию, которая прежде не была выделена и описана в научной литературе как самостоятельный методологический элемент.

Третий уровень — сравнительный.

Помещение исследуемой системы в папку параллельных государственных синтезов одного исторического периода. Это позволяет разграничить типологически общее (что характерно для государственных синтезов как класса явлений) и индивидуально специфическое (что отличает биддловскую систему и обусловлено уникальной конфигурацией пяти условий). Сравнительный уровень также впервые даёт типологию государственных синтезов по направлению — «сверху вниз» и «снизу вверх» — и показывает методологические последствия каждого типа для качества и устойчивости системы.

Четвёртый уровень — текстологический.

Критическое сопоставление двух изданий учебника позволяет зафиксировать динамику системы: как методология корректируется через боевую обратную связь. Переход от укола к режущему удару в штыковом разделе между изданиями 1937 и 1944 годов — не редакторская правка, а методологический ответ на данные Тихоокеанского театра. Этот уровень превращает реставрацию из статического описания в исследование живой методологии.

Совокупность четырёх уровней образует то, что монография определяет как «реставрацию» в строгом научном смысле: не восстановление внешних форм, а реконструкцию внутренней методологической логики системы на основании верифицируемых источников. Такой подход принципиально отличается от распространённого в литературе метода

«реконструкции по описаниям», который воспроизводит технику без понимания её методологических оснований.

Научная значимость этого вклада выходит за пределы военно-исторической области. Разработанный инструментарий применим к любой прикладной системе передачи сложного человеческого опыта — педагогической, медицинской, инженерной, — где стоит вопрос о механизме возникновения и условиях воспроизводимости синтетических методологий. В этом смысле монография «Биддл: Реставрация» является вкладом не в историю боевых искусств, а в методологию прикладных наук как таковую.

VIII. ЗАЧЕМ ЭТО ВАЖНО СЕГОДНЯ

В XXI веке проблема синтеза знаний стала одной из центральных научных задач. Большинство дисциплин сталкиваются с кризисом фрагментации: области знания существуют в изоляции, сложные практические навыки передаются всё хуже — методология передачи размывается, теряется внутренняя логика систем.

Биддловский синтез предлагает исторический прецедент решения именно этой задачи — причём решения, верифицированного практикой: система работала в реальных боевых условиях Второй мировой, была признана официально через МСМАР в 2000 году и прошла полный цикл от частной методологии до государственного стандарта.

Монография «Биддл: Реставрация» представляет интерес не только для историков военного дела. Это исследование важно для специалистов в области педагогики, теории систем, прикладной антропологии и методологии науки — всюду, где стоит вопрос о том, как создаются работающие методологии передачи сложного человеческого опыта.

История полковника Биддла — это не история одного инструктора рукопаш-

ного боя. Это история о том, как научный метод возникает внутри практики. И о том, что для появления работающего синтеза недостаточно таланта или государственного заказа: нужно уникальное совпадение пяти условий — и человек, у которого хватит характера не свернуть на протяжении тридцати лет.

ЛИТЕРАТУРА

- Мальцев О. В. Биддл: Реставрация. Методологическая реконструкция «Do or Die» 1937 года. — European Academy of Sciences of Ukraine, 2026. — 278 с. — ISBN 978-1-972646-06-9.
- Biddle A. J. D. Do or Die: A Supplementary Manual on Individual Combat. — Quantico: United States Marine Corps, 1937. — 74 p.
- Biddle A. J. D. Do or Die: A Supplementary Manual on Individual Combat. — Second edition. — Quantico: United States Marine Corps, 1944.
- Applegate R. Kill or Get Killed: A Manual of Hand-to-Hand Fighting. — Military Service Publishing, 1943.
- Biddle C. My Philadelphia Father. — New York: Doubleday, 1955.
- Kano J. Kodokan Judo. — Tokyo: Kodansha International, 1986 [1st ed. 1882].

This is an open access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International \(CC BY-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

ЧЕТВЕРТАЯ МАШИННАЯ ОНТОЛОГИЯ

Возникновение процессуальной инженерии как науки XXI века

*Рождение новой науки: от управления распавшимися системами —
к созданию устойчивых циклов*

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

- EMAIL: drmaltsev.oleg@gmail.com
- ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8589-6541>

Член президиума и академик Европейской академии наук Украины.
Руководитель НИИ “Институт Памяти”.
Учёный, криминолог, психолог, фотограф и журналист-расследователь. Автор новаторских научных трудов в области криминологии, психологии и философии.

ВВЕДЕНИЕ

XX век стал веком управления. Человечество научилось управлять производством, энергией, транспортом, информацией, человеческими массами и вычислительными процессами. Оно построило колоссальные системы распределения, контроля, связи, учета и коррекции. Оно создало промышленные комплексы, информационные сети, административные аппараты, логистические цепи и цифровые платформы, которые способны охватывать миллионы людей и миллиарды операций.

Именно поэтому главной научной метафорой эпохи стала кибернетика — наука об управлении и обратной связи. Кибернетика предложила универсальный язык для описания сложных систем: вход, выход, сигнал, шум, обратная связь, регулирование, контроль, устойчивость, отклонение, коррекция. Она дала возможность мыслить не отдельными механизмами, а системами управления. В этом смысле кибернетика действительно стала одним из центральных интеллектуальных инструментов XX века.

Однако XXI век постепенно демонстрирует пределы кибернетической логики. Несмотря на рост вычислительных мощностей, развитие искусственного интеллекта и тотальную цифровизацию, цивилизация становится не устойчивее, а хрупче. Мы имеем всё больше данных, но всё меньше способности удерживать целостность. Мы создаём всё больше систем мониторинга, но сами системы становятся всё более зависимыми от непрерывного наблюдения.

Современные системы требуют:

- всё большего контроля,
- всё большего мониторинга,
- всё большего вмешательства,
- всё большего объёма энергии и информации.

То, что должно было бы вести к устойчивости, всё чаще ведёт к противоположному результату: к усложнению поддерживающей инфраструктуры. Современный мир всё чаще напоминает конструкцию, которая может существовать только при непрерывной поддержке. Она напоминает не устойчи-

вый организм, а искусственно стабилизируемый аппарат, который нуждается в постоянной диагностике, ремонте, обновлении, регулировании и внешнем энергетическом обеспечении.

Возникает фундаментальный вопрос:

Возможно ли, что сама инженерная парадигма Нового времени концептуально неполна?

Если кибернетика является наукой управления распадающимися системами, то человечеству необходима другая наука — наука о создании устойчивых циклов. Настоящая работа представляет контур такой науки. Она фиксирует направление нового мышления. Мы предлагаем два уровня её описания:

- философский — «Машинная онтология»;
- научно-производственный — «Процессуальная инженерия».

«Машинная онтология» рассматривает машину не как устройство, а как способ существования процесса во времени. «Процессуальная инженерия» рассматривает проектирование не как создание объекта, а как создание условий, при которых среда, ритм и преобразование образуют устойчивый цикл.

Кризис объектного мышления

Современная цивилизация мыслит объектами. Это не частный недостаток отдельных дисциплин, а базовая установка целой эпохи. Государство мыслит объектами. Экономика мыслит объектами. Архитектура мыслит объектами. Инженерия мыслит объектами. Даже человек всё чаще воспринимается как объект управления.

Объектное мышление строится вокруг трёх базовых идей.

Первая: мир состоит из отдельных вещей.

Вторая: каждая вещь выполняет функцию.

Третья: управление осуществляется через контроль функций.

Такая логика кажется очевидной, потому что она лежит в основании почти всех современных технических и организационных систем.

Такой подход оказался исключительно эффективным для индустриального производства. Он позволил стандартизировать процессы, создавать массовые технологии, ускорять производство, дробить сложные системы на управляемые элементы. Именно объектное мышление сделало возможным фабрику, конвейер, массовый город, бюрократический аппарат, промышленную архитектуру, механизированную армию и цифровую платформу.

Однако вместе с этим возникла фундаментальная проблема:

Чем более совершенными становились отдельные элементы, тем менее устойчивым становилось целое.

Это противоречие является одним из главных симптомов кризиса современной инженерной цивилизации. Человечество умеет создавать точные устройства, но не всегда умеем создавать устойчивые среды. Оно умеет оптимизировать отдельные функции, но всё чаще теряем способность удерживать длительный цикл. Умеет ускорять операции, но не всегда понимает, как это ускорение разрушает ритм системы.

Современные системы требуют постоянного обслуживания, зависят от непрерывного энергоснабжения, становятся всё более уязвимыми, утрачи-

вают способность к самоподдержанию. Чем выше специализация объекта, тем чаще он зависит от внешнего контура поддержки. Чем сложнее функция, тем больше условий требуется для её нормального выполнения. Чем больше система собрана из отдельных объектов, тем труднее удерживать её как целое.

Современные системы:

- требуют постоянного обслуживания,
- зависят от непрерывного энерго-снабжения,
- становятся всё более уязвимыми,
- утрачивают способность к самоподдержанию.

И тут мы приходим к пониманию, что объектное мышление научилось создавать функции, однако при этом посте-

пенно разучилось создавать устойчивые миры.

МАШИНА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В современном языке слово «машина» почти полностью сведено к механизму. Под машиной понимают двигатель, устройство, аппарат, технологический комплекс. Машина ассоциируется с металлом, деталями, сборкой, приводом, передачей, мотором, алгоритмом или автоматизированной системой. Это понимание стало настолько привычным, что почти полностью вытеснило более глубокий смысл понятия.

Однако это позднее и упрощённое понимание. Машина в более глубоком смысле — это не объект.

Машина — это способ организации среды через цикл преобразований.

Это определение принципиально меняет саму постановку вопроса. Машина не сводится к тому, что можно увидеть, потрогать или описать как устройство. Машина не равна корпусу, механизму или аппарату. Устройство может быть частью машины, но машина шире устройства. Машина возникает там, где есть повторяемый цикл преобразования, согласование элементов, удержание ритма и производство устойчивого состояния.

Именно поэтому машина не сводится к форме. Она может:

- менять конфигурацию,
- распределяться в пространстве,
- существовать как сеть,
- исчезать, оставляя след.

Машина может быть материальной, социальной, культурной, архитектурной, информационной или временной. Её нельзя определить только по внешнему виду. Её нужно определять по способу действия.

Машина — это процесс, стабилизированный во времени.

Если принять это положение, то многие привычные явления начинают выглядеть иначе.

- **Архитектура** становится следом машины.
- **Город** — машиной потоков.
- **Культура** — машиной памяти.
- **Цивилизация** — машиной времени.

Даже институты, традиции, ритуалы и образовательные системы могут быть поняты как машины, если они воспроизводят устойчивые циклы поведения, памяти и преобразования.

Так возникает машинная онтология. Она рассматривает мир не как совокупность объектов, а как систему циклов, ритмов и процессов.

В этом смысле «машина» становится онтологической категорией. Она указывает не на класс технических устройств, а на способ существования реальности.

Такое понимание позволяет выйти за пределы механистического редукционизма. Машинное мышление не означает, что всё следует свести к механике. Напротив, оно позволяет увидеть, что подлинная машина не является мёртвым механизмом. Она является формой организованного процесса. Поэтому машина может быть ближе к живому циклу, чем к простому устройству.

ПОЧЕМУ КИБЕРНЕТИКА СТАЛА СИМПТОМОМ

Кибернетика возникла как попытка удержать сложность. Она предложила обратную связь, мониторинг, контроль, регулирование, управление. В этом смысле кибернетика была не случайным научным открытием, а ответом на новый масштаб технической и социальной организации.

На определённом этапе это было необходимо. Без кибернетического мышления невозможно понять развитие автоматизированных систем, вычис-

лительных комплексов, управления производством, связи, военной техники, логистики и современной цифровой среды. Кибернетика дала цивилизации инструмент для работы с отклонениями. Она позволила осмысливать систему не как неподвижный объект, а как динамическую структуру, реагирующую на изменение условий.

Но кибернетика не устраняет проблему. Она компенсирует её последствия.

В этом заключается ключевой момент. Кибернетика появляется там, где система нуждается во внешнем удержании. Чем менее устойчива система, тем больше требуется:

- датчиков,
- операторов,
- вычислений,
- контроля,
- коррекции.

Чем больше отклонений, тем сложнее контур управления. Чем слабее внутренняя согласованность, тем сильнее внешняя регуляция.

Машинный цикл стабилизирует себя изнутри. Кибернетическая система удерживается извне. Это принципиально разные цивилизационные логики.

Если система требует постоянного вмешательства, это не всегда признак её высокой технологичности. Иногда это признак её внутренней несостоятельности. Внешний контроль может скрывать отсутствие устойчивого цикла. Мониторинг может маскировать распад. Оптимизация может компенсировать нарушение ритма, но не восстановить саму способность системы к самоподдержанию.

Кибернетика — это инженерия контроля. Процессуальная инженерия должна стать инженерией устойчивости.

Это не означает, что кибернетику нужно отвергнуть. Напротив, её необходимо поставить на правильное место. Кибернетика полезна как инструмент диагностики, коррекции и управления сложностью. Но она не должна подменять собой онтологию инженерии. Управление не может быть высшей формой проектирования. Высшей формой проектирования является создание такой системы, которая не нуждается в бесконечном внешнем удержании.

Современная цивилизация часто гордится количеством управляющих систем, но редко задаёт вопрос: почему этих систем требуется так много? Почему любое усложнение немедленно требует новых слоёв контроля? Почему цифровизация не уменьшает, а увеличивает потребность в мониторинге? Почему каждая новая технология создаёт новые зоны уязвимости?

Ответ заключается в том, что мы продолжаем мыслить объектами и функциями, а затем пытаемся удерживать их

кибернетически. Мы создаём не циклы, а управляемые конструкции. Мы проектируем не устойчивость, а контролируруемую работоспособность. В результате цивилизация становится всё более технически оснащённой и всё менее самоподдерживающейся.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ

Процессуальная инженерия — это наука о создании устойчивых циклов взаимодействия среды, времени и преобразования.

Это определение необходимо рассматривать как исходную формулу новой дисциплины. Процессуальная инженерия не отменяет классическую инженерию, но радикально расширяет её предмет. Если традиционная инженерия проектирует объекты, устройства, конструкции и функции, то процессуальная инженерия проектирует условия устойчивого существования процессов.

Её объектом являются:

- процессы,
- ритмы,
- среды,
- потоки,
- циклы,
- формы устойчивости.

Следовательно, она работает не только с материальной конструкцией, но и с тем, как эта конструкция включена в длительность. Она задаёт вопрос не только о том, что делает система, но и о том, как она воспроизводит возможность собственного действия.

Её задача: не управлять системой, а создавать условия, внутри которых система способна поддерживать себя сама.

Это принципиальное отличие. Управление предполагает внешний субъект, который задаёт цели, фиксирует от-

клонения и осуществляет коррекцию. Процессуальная инженерия стремится создать такую среду, в которой устойчивость возникает как внутреннее свойство цикла. Она работает не против среды, а через согласование со средой.

Процессуальная инженерия проектирует:

- ритмы,
- связи,
- длительность,
- преемственность,
- устойчивость.

Она рассматривает среду не как пассивный фон, а как активный участник процесса. Она рассматривает время не как внешний параметр, а как материал инженерного проектирования. Она рассматривает цикл не как повторение одного и того же, а как способ сохранения формы через преобразование.

Это означает переход:

- от объекта к среде,
- от функции к циклу,
- от управления к согласованию,

- от краткосрочного эффекта к длительному существованию.

В практическом смысле процессуальная инженерия может быть применена к архитектуре, городскому устройству, организации производства, образовательным системам, информационным средам, культурным институтам, социальной инфраструктуре и технологиям искусственного интеллекта.

Процессуальная инженерия требует иного типа мышления. Инженер должен видеть не только элементы, но связи. Не только функцию, но ритм. Не только результат, но последствия. Не только эффективность операции, но устойчивость цикла. Не только момент запуска, но длительность существования.

В этом смысле процессуальная инженерия возвращает инженерии утраченное измерение времени. Она делает время не врагом эффективности, а условием устойчивости. Там, где объектное мышление стремится сократить время, процессуальное мышление стремится

понять, какой ритм делает систему жизне-
неспособной.

АРХИТЕКТУРА КАК АРХИВ ПРОЦЕССОВ

Архитектура является одним из важнейших архивов машинного мышления. В привычном понимании архитектура воспринимается прежде всего как искусство формы, строительство зданий или организация пространства. Но в контексте машинной онтологии архитектура раскрывается иначе: как след процессов, которые когда-то были живыми, действующими и производящими устойчивую среду.

Некоторые древние сооружения производят странное впечатление: они выглядят не построенными, а сформированными. Это ощущение возникает потому, что архитектура хранит ритм, масштаб, повторяемость, структуру процессов. В ней присутствует не только форма, но и отпечаток того способа действия, который эту форму породил.

Форма переживает технологию.

След переживает операцию.

Иными словами, что инструменты создания быстро уходят в прошлое, но созданная ими форма остается в мире как физический факт на долгие годы. Сама операция или действие длятся недолго, но оставленный ими след в структуре среды продолжает управлять поведением системы.

Именно поэтому архитектура оказывается архивом остановленных процессов. Она хранит память не только о культуре, но и о логике взаимодействия человека и среды. Камень, ось, пропорция, ритм

колонн, распределение пространства, ориентация сооружения, повторяемость элементов — всё это может рассматриваться как запись процесса. Не текстовая запись, не документальная запись, а материально-пространственная запись.

Архитектура сохраняет не только то, что было построено, но и то, как мыслился мир. В архитектуре можно обнаружить не только эстетический стиль, но и инженерную онтологию эпохи. Одни здания отражают объектное мышление: они собраны как функциональные контейнеры. Другие сооружения выглядят как части длительного цикла: они соотносятся с ландшафтом, светом, движением, ритуалом, памятью, временем.

Процессуальная инженерия рассматривает архитектуру:

- как след цикла,
- как стабилизированное состояние процесса,
- как форму длительности.

Это позволяет иначе поставить вопрос о наследии древних сооружений. Их ценность не только в том, что они сохранились. Их ценность в том, что они могут хранить следы иной инженерной логики. Там, где современный наблюдатель видит объект, процессуальная инженерия ищет процесс. Там, где видят здание, она ищет цикл.

Там, где видят руины, она ищет остаток машины.

Архитектура в этом смысле является не только предметом истории искусства, но и материалом для реконструкции машинного мышления. Она показывает, каким образом человек когда-то мог организовывать среду так, чтобы форма продолжала жить после исчезновения операции.

ГОРОД КАК МАШИНА

Современный город является частично деградировавшей машиной. Это не означает, что город является механизмом в примитивном смысле. Город не является просто аппаратом, состоящим из зданий, дорог и коммуникаций. Город является машиной потоков, ритмов, поведений, распределений и памяти.

Он продолжает распределять потоки, организовывать движение, формировать поведение, задавать ритмы. Каждый день город запускает множество циклов: утреннее перемещение, производственные процессы, торговые обмены, информационные коммуникации, бытовые маршруты, образовательные и административные действия. Город удерживает людей в определённой последовательности действий, даже когда они не осознают этой последовательности.

Но всё чаще современный город делает это через:

- контроль,
- ограничения,
- компенсации,
- внешнее управление.

Там, где городская среда перестаёт быть согласованной, возникают запреты, барьеры, камеры, инструкции, цифровые пропуска, маршрутизаторы поведения и алгоритмическое регулирование. Город начинает существовать не как саморегулирующаяся среда, а как перегруженная система внешнего управления.

Процессуальная инженерия рассматривает город не как набор объектов, а как:

- среду процессов,
- систему циклов,
- инфраструктуру времени.

В таком случае мы получаем весьма понятную модель для понимания:

- транспорт становится кровеносной системой,
- информация — нервной системой,
- архитектура — каркасом поведения,
- общественные пространства — механизмами согласования.

Вода, энергия, мусор, движение, память, торговля, коммуникация, безопасность и образование образуют не отдельные функции, а взаимосвязанные циклы. Город живёт не зданиями, а повторяемыми процессами.

Главной задачей становится не расширение города, а поддержание его устойчивого цикла.

Современное градостроительство слишком часто мыслит расширением: больше дорог, больше зданий, больше торговых зон, больше инфраструктуры, больше цифрового управления. Но рост не равен устойчивости. Город может расширяться и одновременно деградировать как машина. Он может становиться больше, но менее согласованным. Он может увеличивать количество объектов, но разрушать циклы жизни.

Если город является машиной, то его устойчивость определяется тем, насколько эти элементы включены в длительные циклы жизни. Город должен быть способен поддерживать движение, память, обмен, восстановление, обучение, безопасность и преемственность.

МАШИННОЕ МЫШЛЕНИЕ И ВРЕМЯ

Объектное мышление работает с краткосрочным результатом. Машинное мышление работает с длительностью. Это различие является одним из цен-

тральных для понимания машинной онтологии.

Современная система стремится ускорять, оптимизировать, сокращать время. Время понимается как издержка. Чем быстрее операция, тем выше эффективность. Чем меньше задержка, тем лучше система. Чем короче путь от действия к результату, тем совершеннее технология. Эта логика кажется очевидной, но она опасна, если становится универсальной.

Машинная логика стремится:

- стабилизировать,
- согласовывать,
- удерживать ритм.

Для неё время — не только ресурс, который нужно сократить. Время — это среда существования цикла. Если нарушить ритм, можно получить быстрый результат и разрушить длительность. Если ускорить операцию без понимания последствий, можно повысить эффективность функции и одновременно уничтожить устойчивость системы.

Именно поэтому машинная онтология неизбежно становится наукой времени.

Не случайно большинство устойчивых систем природы цикличны, ритмичны, повторяемы. День и ночь, сезоны, дыхание, сердечный ритм, восстановление тканей, миграции, рост, созревание, старение, память — всё это не линейные операции, а циклические формы существования. Устойчивость живого связана не с максимальной скоростью, а с правильным ритмом.

Машина существует до тех пор, пока сохраняется цикл. Когда цикл разрывается:

- остаются объекты,
- исчезает среда,
- начинается деградация.

Это позволяет иначе понять распад сложных систем. Система может ещё сохранять внешние элементы, но уже потерять цикл. Здания могут стоять, но город может перестать быть городской машиной. Институты могут существовать, но потерять воспроизводство смысла. Технологии могут работать, но перестать создавать устойчивую среду. Объекты остаются, но мир распадается.

Машинное мышление требует способности видеть не только то, что существует в данный момент, но и то, что воспроизводит существование во времени.

В этом смысле машинное мышление является не только инженерным, но и темпоральным мышлением. Оно работает с временем как с материалом. Оно понимает, что устойчивость не создаётся мгновенным результатом. Устойчивость создаётся повторяемостью, памятью, ритмом, преемственностью и способностью процесса возвращаться к себе в новой форме.

Возвращение машинного мышления Человечество входит в эпоху предель-

ной сложности. Количество устройств, данных, систем, вычислений растёт быстрее способности удерживать устойчивость. Это создаёт новый тип цивилизационного риска. Опасность заключается не только в том, что системы могут выйти из-под контроля. Опасность заключается в том, что они могут стать настолько зависимыми от контроля, что без него уже не смогут существовать.

Это означает, что инженерия XXI века не сможет развиваться только через контроль, вычисления, оптимизацию. Эти инструменты останутся необходимыми, но они не могут быть достаточными. Если каждое новое усложнение требует ещё более сложной системы управления, цивилизация входит в бесконечную спираль компенсации. Она создаёт проблему, затем создаёт систему контроля этой проблемы, затем вынуждена контролировать саму систему контроля.

Ей придётся заново научиться работать со средой, проектировать циклы, создавать устойчивые ритмы, мыслить длительностью.

Возвращение машинного мышления — это не возврат в прошлое. Это не романтизация древности, не отказ от технологий и не отрицание цифровой эпохи. Напротив, это переход к новой инженерной цивилизации, где главным объектом проектирования становится не устройство, а процесс возникновения устойчивого мира.

Такой переход требует переосмысления самого понятия прогресса. Прогресс не может измеряться только скоростью, вычислительной мощностью, количеством данных или степенью автоматизации. Подлинный прогресс должен измеряться способностью создавать устойчивые циклы существования. Если технология увеличивает мощность, но разрушает среду, это не прогресс, а ускорение деградации. Если система становится умнее, но требует всё большего контроля, это не устойчивость, а усложнённая зависимость.

В этой перспективе искусственный интеллект, цифровые платформы, города будущего, энергетические системы и социальные институты должны быть переосмыслены не как отдельные технологические достижения, а как элементы возможных циклов. Вопрос не в том, насколько они мощны. Вопрос в том, какие формы устойчивости они создают или разрушают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Машинная онтология и процессуальная инженерия возникают как ответ на пределы объектно-функциональной парадигмы XX века. Они предлагают рассматривать мир не как набор вещей, а как систему процессов; не как механизм контроля, а как цикл устойчивости.

Если кибернетика была наукой управления сложностью, то процессуальная

инженерия может стать наукой формирования устойчивых миров. Это не отменяет кибернетику, но меняет её место. Управление должно быть не высшей формой инженерного мышления, а вспомогательным инструментом там, где цикл ещё не создан или уже нарушен.

Машинная онтология возвращает понятию машины глубину. Машина — это не устройство. Машина — это способ организации среды через цикл преобразований. Она существует там, где процесс стабилизирован во времени. Она проявляется в архитектуре, городе, культуре, памяти, технологии, организации и цивилизации.

Процессуальная инженерия, в свою очередь, переводит эту философскую рамку в научно-производственную задачу. Она работает с процессами, ритмами, средами, потоками, циклами и формами устойчивости. Её задача — не только создать работающую функцию, но создать условия, в которых система способна поддерживать себя сама.

Это означает изменение самой роли инженера.

Инженер будущего не просто создаёт устройства, не просто управляет системами, не просто оптимизирует процессы. Он проектирует ритмы, среды, циклы, длительность, условия существования. Он работает не только с материалом, но и со временем. Он проектирует не только форму, но и возможность её воспроизводства. Он создаёт не только объект, но и устойчивый мир, в котором этот объект имеет смысл.

Именно поэтому возвращение машинного мышления может оказаться не очередной инженерной теорией, а началом новой цивилизационной эпохи. Речь идёт не о смене терминологии, а о смене самой онтологии проектирования. Мир

XXI века нуждается не только в новых устройствах, но и в новой способности создавать устойчивые циклы. Там, где эта способность будет восстановлена, инженерия перестанет быть искусством бесконечного контроля и вновь станет искусством создания длительности.

This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0) which allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format for non-commercial purposes only, and only so long as attribution is given to the creator.

SCIENTIFIC JOURNAL "NEWSLETTER
ON THE RESULTS OF SCHOLARLY WORK
IN SOCIOLOGY, CRIMINOLOGY, PHILOSOPHY
AND POLITICAL SCIENCE"

Anschrift:
Neuwiehler Str. 33, D-51674 Wiehl

Telefon: +49 (0)151 54284669
E-Mail: hello@sci-result.de

Geschäftsführer:
Sergej Engelmann

Verantwortlicher gem. §55 Abs. 2 RStV: Sergej
Engelmann

Ust: 212/5052/2947

www.sci-result.de

<https://doi.org/10.61439/RSW39510>

